

ISSN 2345-1734 (Print)
e-ISSN 2345-1742 (PDF)

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала
«Русин»

2017. Vol. 7. Is. 2

Association Rus'
Tomsk State University

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала

«Русин»

2017. Volume 7. Issue 2

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Библиотека журнала **Русь**

Основаи в 2015 г.

Редакционная коллегия:

главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия),
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
(Молдова)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
(Украина)

Адрес редакции: Республика Молдова, Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Rusin

Journal Library

~~Established in 2015~~

Editorial Board

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia),
Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Moldova, Transnistria)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Editor's address: Association "Rus". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Суляк С.Г. М.А. Качковский - патриот и меценат	5
<i>Sulyak S.G.</i> <i>M.A. Kachkovskii - patriot i metsenat [M.A. Kachkovskii - Patriot and Patron]</i>	
Дедицкий Б.А. Михаил Качковский и современная галицко-русская литература	9
<i>Deditskii B.A.</i> <i>Mikhail Kachkovskiy i sovremennaya galitsko-russkaya literatura [Mikhail Kachkovskii and Contemporary Galician-Russian Literature]</i>	
Драганов П.Д. Американские славяне	100
<i>Draganov P.D.</i> <i>Amerikanske slavyane [American Slavs]</i>	
Драганов П.Д. Страничка из истории украинофильства	109
<i>Draganov P.D.</i> <i>Stranichka iz istorii ukrainofil'stva [A Page from the History of Ukrainophilism]</i>	
Вопрос об единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Научные показания проф. д-ра В. Вондрака о сущности и роли русского литературного языка по отношению к его наречиям с вводной заметкой автора и с предисловием и примечаниями проф. д-ра Ю.А. Яворского	
<i>Vopros ob edinstve russkogo yazyka pered avstriiskim voennym sudom v Vene v 1915 godu. Nauchnye pokazaniya prof. d-ra V. Vondraka o sushchnosti i roli russkogo literaturnogo yazyka po otnosheniyu k ego narechiyam s vvodnoi zametkoi avtora i s predisloviem i primechaniyami prof. d-ra Yu.A. Yavorskogo</i>	115
<i>The Question About the Unity of the Russian Language before the Austrian Military Trial in Vienna in 1915. Scholarly Evidence of Dr. V. Vondrak about the Essence and Role of the Russian Literary Language in Relationship to its Dialects and Introductory Note of the Author and Preface of Professor Dr. Yu. A. Iavorskii along with his comments]</i>	

УДК 94(47)+94(436)"19"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/7/1

М.А. КАЧКОВСКИЙ – ПАТРИОТ И МЕЦЕНАТ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Резюме

Галицко-русский общественный деятель М.А. Качковский (1802-1872) большую часть жизни, с 1829 по 1872 гг., проработал простым судебским чиновником. Лишь после выхода на пенсию ему присвоили звание советника высшего краевого суда. Он вел скромный образ жизни, был лоялен австрийским властям, честно исполнял свой служебный долг. Увлекался чтением литературы по истории Галицкой Руси и произведений современных ему авторов-русинов. Может быть, история и не сохранила бы для нас его имя.

М. Качковский, ограничивая себя во всем, смог скопить, несмотря на свою небольшое жалование, довольно крупную сумму. Эти деньги он использовал для русинского возрождения. В 1861 г. Качковский основал во Львове газету «Слово». Свое состояние он завещал на народные цели. На эти средства по инициативе И.Г. Наумовича (1826-1891) было основано «Общество имени М. Качковского». Благодаря помощи Качковского в Галиции окрепло русское движение. Как отмечал М.С. Грушевский, «в руках москвофилов находились все национальные организации и в Галиции, и на Буковине, не говоря уже о Закарпатской Украине, а народовство конца 1860-х и затем 1870-х годов представлено было небольшими лишь кружками, бедными и материальными средствами, и культурными силами».

Ключевые слова: М.А. Качковский, Галиция, Австро-Венгрия, Россия, Карпатская Русь, русины.

М.А. KACHKOVSKII - PATRIOT AND PATRON

S.G. Sulyak

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

M.A. Kachkovskii (1802-72) spent most of his life (1829-1872) as an ordinary judicial official. Only upon retirement did he receive the rank of adviser to the Higher Court of

the Land. He lived a humble life, was loyal to Austrian authority, honorably fulfilled his duty. He was keenly interested in reading the literature about the history of Galician Russ, the works of his contemporaries, the Austrian Rusins. Possibly history would not have safe-guarded his name for us. However, M. Kachkovskii, who limited himself in everything, was able to save a relatively large sum of money, even though he earned a lower income. In 1861 Kachkovskii founded in L'vov the newspaper "The Word". All of his capital he bequeathed for national purposes. On the initiative of I.G. Naumovich (1826-1891) "The Society in the Name of M. Kachkovskii" was founded using these funds. Thanks to the help of M. Kachkovskii the Russian Movement in Galicia arose and strengthened. As M.S. Hrushevskii wrote: "Not even talking about Transcarpathian Ukraine, all national organizations in Galician and Bukovina were in the hands of the Moscovophiles and the Popular Movement from the end of the 1860's and then in the 1870's was represented only by small circles, supported by poor means and cultural forces".

Keywords: M.A. Kachkovskii, M. Kaczkowskyj, Galicia, Austro-Hungary, Russia, Carpathian Rus', Rusins.

В 2017 г. исполнилось 215 лет со дня рождения и 145 лет со дня смерти Михаила Алексеевича Качковского (1802-1872), патриота и мецената, деятельность которого немало способствовала становлению и укреплению русского движения Галичины. К сожалению, эта дата осталась незамеченной как украинской, так и российской общественностью (последней, вероятно, по незнанию).

История русского движения Галиции, Буковины и Угорской Руси в советские времена была строго табуирована. Сегодня, когда исчезли, как хочется надеяться, прежние идеологические запреты, ситуация не слишком изменилась. К примеру, по-прежнему в российских учебниках истории нет ни слова о русских галичанах и буковинцах, которые боролись за единство русского народа и русского языка, о репрессиях по отношению к ним со стороны австро-венгерских властей. Так же не говорится и о первых в Европе концлагерях (Талергоф, Терезин и др.), созданных для жителей Галичины и Буковины, считавших себя частью единого русского народа. Еще больше удивления вызывает то, что видные деятели русского движения Галичины именуются украинскими.

Родился М. Качковский, как писал автор самой обширной его биографии Б.А. Дедицкий, в с. Дубно Решовского округа Канчужского деканада Галиции (Дедицкий 1876: 9). Сегодня это с. Дембно Лежайского повята Подкарпатского воеводства Польши. В составе воеводства входят древнерусские города Перемышль (сегодня – Пшемисль) и Ярослав. Воеводство граничит на юге с Пряшевским краем Словакии, на востоке - с Львовской и Закарпатской областями Украины. К сожалению, после послевоенного обмена населением с СССР (1944-1946), массовой депортации польскими властями в западные районы Польши русинов Лемковщины, Надсанья, Подляшья и Холмщины (операция «Висла», 1947) и ассимиляции, потомков древнерусского населения в этих краях почти не осталось.

Отец Михаила был приходским униатским священником с. Дубно (Перемышльская епархия), мать – дочерью священнослужителя с. Чижки, что возле Самбора (ныне село в Старосамборском районе Львовской области Украины). В семье было шесть детей (Дедицкий 1876: 9-10). Качковский учился в школе г. Лежайска, затем в гимназии г. Решов (Жешув). Занимался репетиторством, а на заработанные деньги покупал книги. Закончив в 1820 г. гимназию, продолжил обучение на философском факультете Львовского университета (подготовительное училище для поступления на один из трех факультетов). Со второго года обучения вновь занялся репетиторством. В 1827 г. закончил изучение права во Львовском университете (Дедицкий 1876: 23-25, 29, 30, 34, 39).

С 1829 г. начал работать практикантом в канцелярии краевого суда во Львове, с 1830 г. - в Жешуве. В 1832 г. он стал судебным акцесистом (стажером) в Жешуве (до 1833 г. - без жалования), затем - в апелляционном суде Львова. Позже получил должность авскультанта (низшее должностное лицо в судах). В 1833 г. работал в этой должности в Самборском окружном суде (Дедицкий 1876: 45, 49, 51). В Самборе Качковский сблизился с молодыми униатскими священниками Иоанном Дудкевичем, Илларионом Ильницким и др. (Дедицкий 1876: 56). Здесь он ознакомился с историческими трудами Д. Зубрицкого, «Русалкой Днестровой» и др. изданиями, написанными на русинском наречии (Дедицкий 1876: 63, 64).

В 1840 г. М. Качковский стал судебным актуарием (регистратором) (Дедицкий 1876: 68). В то время он изучал работы по истории церкви Галичины, знакомился с произведениями русинских поэтов (Дедицкий 1876: 75-77). В 1847 г. его назначили криминальным советником. Направляясь на новое место службы - в мазурское местечко Виснич, он заехал в Перемышль, где познакомился с видным религиозным и политическим деятелем Галицкой Руси епископом Иоанном Снегурским (Дедицкий 1876: 89, 91, 93). В 1855 г. Качковский стал советником краевого суда при окружном суде Самбора. В 1872 г. он вышел на пенсию с полным жалованием в должности советника высшего краевого суда (Дедицкий 1876: 95).

После выхода на пенсию М. Качковский отправился в путешествие по Италии, а затем – в Россию. В Кронштадте он заболел и скончался в военном госпитале. Был похоронен по католическому обряду на католическом кладбище в Кронштадте. Долгое время на могиле не было креста. Позже там был поставлен памятник, освященный в 1885 г. православным священником (Васильев 1895: 104-195).

Галицко-русский историк Ф.И. Свистун (1844-1916) писал о М.А. Качковском: «Михаил Качковский представляет первый тип самоотверженного австро-русского патриота, развившегося под влиянием национальной идеи. Видя, что для какого-нибудь труда во имя общего блага необходимы материальные средства, он скопил их, отказывая себе в самых необходимых удобствах жизни, лишь чтобы сбереженное

принести в жертву народу. Он сам ел картофель, черный хлеб, не знал другого напитка, кроме воды, жил в самой скромной квартире – жалование же сберегал, чтобы помогать учащейся молодежи, помогать литературе и народным учреждениям». Качковский создал первую русскую независимую политическую газету «Слово» во Львове, назначил ее главным редактором Б. Дедицкого, внес требуемый законом залог и выплачивал редактору постоянное жалование. «Слово» издавалось 27 лет, и уже в первый год издания у нее было до 1 500 подписчиков (Свистун 1970: 229-230). Все свое состояние - около 60 000 гульденов - Качковский завещал на народные цели. На эти средства по инициативе Иоанна Григорьевича Наумовича (1826-1891) в 1874 г. было основано «Общество имени М. Качковского». Целью организации была просветительская работа среди городского и сельского населения «в религиозном, нравственном, умственном, хозяйственном и гражданском отношениях путем распространения в нем полезных знаний и внушения любви к родному обряду, трудолюбия, трезвости, бережливости и прочих добродетелей» (Васильев 1895: 104, 106). Общество просуществовало до 1939 г. и было закрыто советскими властями.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев 1895 - *Васильев А. М. А. Качковский и общество его имени на Галицкой Руси // Русская беседа. 1895. Август. С. 99-108.*

Дедицкий 1876 - *Дедицкий Б. А. Михаил Качковский и современная галицко-русская литература. Очерк биографический и историко-литературный. Ч. 1. Львов: Типография Ставропигийского института, 1876. 125 с.*

Свистун 1970 - *Свистун Ф. И. Подкарпатская Русь под владением Австрии. Trumbull, Connecticut, 1970. С. 1-467.*

REFERENCES

Vasil'ev, A. (1895) M. A. Kachkovskii i obshchestvo ego imeni na Galitskoi Rusi [M. A. Kachkovskii and the society of his name in Galician Rus]. *Russkaya beseda*. 1895. August. pp. 99-108.

Deditskii, B. A. (1876) *Mikhail Kachkovskii i sovremennaya galitsko-russkaya literatura. Ocherk biograficheskii i istoriko-literaturnyi* [Mikhail Kachkovskii and Contemporary Galician-Russian Literature. A Biographical and Historical Literary Essay]. L'vov: Press of the Stavropigial Institute, 1876. 125 p.

Svistun, F. I. (1970) *Podkarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Subcarpathian Rus under the possession of Austria]. Trumbull, Connecticut, 1970. pp. 1-467.

Суляк Сергей Георгиевич – доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey Sulyak - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(436)"19"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/7/2

МИХАИЛ КАЧКОВСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Б.А. Дедицкий

Резюме

В своей брошюре, изданной в 1876 г. во Львове, Б.А. Дедицкий (1827-1909) - по определению В.Р. Ваврика, первый профессионал-журналист Галицкой Руси - рассказывает о жизни одного из видных деятелей русского движения Галиции М.А. Качковского (1802-1872), сторонника единства русского народа, об обстановке, в которой формировались его взгляды, о круге его друзей-единомышленников, дает обзор галицко-русской литературы Галиции до 1848 г. включительно.

В 1861 г. М. Качковский основал во Львове первую независимую русскую политическую газету «Слово». Все свои сбережения (80 000 гульденов) он завещал использовать на народные цели. На эти средства в 1874 г. по инициативе о. Иоанна Наумовича было основано «Общество имени Михаила Качковского», занимавшееся культурно-просветительской работой среди русинов Галиции.

Ключевые слова: М.А. Качковский, Б.А. Дедицкий, Галицкая Русь, Галиция, русины, Австро-Венгрия, Россия, русинское Возрождение.

MIKHAIL KACHKOVSKII AND CONTEMPORARY GALICIAN-RUSSIAN LITERATURE

B.A. Deditskii

Abstract

In his booklet published in L'vov in 1876, B.A. Deditskii, who according to V.R. Vavrik, was the first professional journalist of Galician Russ, relates about the life of one of the prominent activists of the Russian Movement in Galicia, M.A. Kachkovskii, who was an advocate of the unity of the Russian People. Deditskii also relates about the situation in which M. Kachkovskii's views were formulated, about the circle of his like-minded

* При переводе текста, написанного по правилам дореволюционной орфографии, редакция постаралась максимально сохранить стиль и язык материала.

friends and presents an inclusive review of Galician-Russian Literature in Galicia up to 1848.

In L'vov in 1861, M. Kachkovskii founded the first independent Russian political newspaper «The Word». All of his savings (80 000 guilder) M. Kachkovskii bequeathed for national purposes. On the initiative of Father John Naumovich in 1874, these funds were used to found «The Society in the Name of Mikhail Kachkovskii», which carried out cultural-educational work among the Rusins of Galicia.

Keywords: M.A. Kachkovskii, B.A. Deditskii, Galician Russ, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Russia, Rusin Renaissance.

ВСТУПНОЕ СЛОВО

Описывать житие знакомитых людей, наших современников, уважается нелегкой задачей - и суть тому две между прочими немало-важные причины. Одна из тех причин - что оные люди, проживая посреди нас, як все мы обыкновенные смертные, затем и с будденными потребами и не без где-яких человеческих погрешностей, суть поистине земскими существами, на других похожими, - и описывающий их жизнь под тем будденным призматом воззрения находится в опасении стать биографом несправедливым, ибо уемным. Другая не меньше здесь вредящая причина есть, что прекрасные свойства души знакомитых личностей являются нам в тем светлейшем блеску, чем ближе и пристальнейше в них мы всмотрюемся, - и затем случается биографу их, помянутым блеском увлекающемуся, что списует панегирик вроде тех, яких множество списал великий Плутарх в честь отличных мужей старинной Греции и Рима.

Для соглашения тех двоих крайностей - уемности и панегиризма - наизнакомитший гений просвещенной Германии Гете описал свою собственную жизнь из молодых лет в 4 пространных книгах и окрестил тую ж автобиографию едино соответным заглавием: «Ans meinem Leben – Wahrheit und Dichtung».

Пояснивши тем способом значение девиза, поставленного в челе настоящей житъеписи Михаила Качковского, мы дальше сознаемся, что, помимо нашего довольно объемистого труда, даем тут далеко еще не полный образ знакомого патриота Галицкой Руси, который жил и действовал целых 70 лет и которого почти каждый прожитый год - особенно с лета возрождения той же Руси 1848 - мог бы составить предмет для списания отдельной книги, относящейся своим содержанием также к истории галицко-русской словесности.

Довершение таковой задачи, превосходящей силы одного биографа, предоставляя подобным же подвигам других тружеников-ли-

тераторов и тех **премногих** частных людей, которые нашего Михаила знали **лично** и с ним вместе действовали на Руси благо, я только прибавлю еще из моей стороны, что при составлении предлагаемого моего труда поступал так само, як поступают вообще совестные биографы: собирал материалы^{*} из возможно наивернейших источников, а, проживая свыше 13 последних лет (от 1859 до 1872 года) с моим изряднейшим благодетелем Михаилом в самых ближайших личных отношениях, пользовался я и собственным своим знанием як наибольше.

Не могу к тому молчанием здесь поминути одной для моего труда счастливой околичности, о которой, впрочем, говорено будет и на своем месте в биографии, - именно той околичности, что еще в начале 1872 г., носячись с мыслью составления якого-то житейписного очерка о Михаиле Качковском, я дождался тогда же благоприятного случая, что таки за его жизни и с его же уст узнать возмог для той цели многие подробности, которые все употреблены мною днесь в сем моем сочинении. В оном убо году, дня 2 л. мая - затем на три месяцы перед своею смертью - заехал бл. п. Михаил Качковский ко мне в село Смереков коло Жолкви (сегодня Жовква - город районного значения во Львовской области Украины. - Ред.), где я тогда жил в доме моего доброго шурина о. **Игнатия Ванковича** и, пробывши со мной постоянно через три дня, заспокоял мое наскучное любопытство в том направлении щиродушными рассказами о событиях своей жизни от наимолодших лет до старости.

На том же месте должен я еще сознаться, что принадлежу к числу тех довольно многих у нас людей, для которых блаженно упокоившийся Михаил был изрядным покровителем, и то именно я один на Руси, которого он, кроме того, щедрейше всех других вознаграждал даже по своей смерти. Сия околичность не говорит, правда, в корысть бессторонности моего труда, но она не исключает меня от призвания быть биографом моего благодетеля. Из другой же стороны, тое мое дело, так из взгляду на описываемую в нем деятельность первого **мецената** галицко-русской **словесности**, як и по моему специальному становищу, яко содействовавшего с ним русского литерата ех professione, содержит по необходимости при биографии довольно многие входящие сюда **историко-литературные** известия, - а тии ж имеют уже в каждом направлении свою цену для истории, и сами собой будут чей любопытны як для современных, так и для потомства. А тое ж обстоятельство, указанное, впрочем, и на заглавном

* Имея сам сверх 100 собственноручных писем бл. п. Михаила, ко мне писанных, получил я еще около 50 таковых от высокопочтенного Якова Ф. Головацкого из Вильна.

листе моего дела, есть собственно причиной, что оно дело возросло до **объема** значительно **большого**, чем який определяется для обыкновенной биографии.

В конце чувствую себе обязанным выразить тут мою искреннюю благодарность тем **почтенным мужам**, которые, зная лично и бывши друзьями бл. п. Михаила, извоили со всей готовностью и охотой уделить мне будь письменные по нем материалы, будь известные им о житие его подробности, як о том упоминается уместно в биографии. Их-то авторитету як наибольше буду я одолжен приписать, если труд мой так в общественном мнении, як и в истории словесности нашей приобретет свое значение и ценность.

Писано в Жолкви дня 3 р. мая 1876 г.

РОДИНА МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО

Михаил Качковский родился дня 24 юлия 1802 года^{*} в селе Дубне Решовского округа Канчужского деканата, где его отец **Алексей** с года 1793 был приходским священником. Мать Михаила **Анна** из дому **Реваковичев** была тоже священнического рода, именно дочка русского приходника села Чижок около Самбора.

У родителей - супругов, у о. Алексея и Анны Качковских, было враз с нашим Михаилом шестеро детей, и все они родились под одной и той же стрехой скромного приходского дома в селе Дубне, а то следующею чергою:

1) дочь Фекла (р. 1795 г.), выдана в молодых летах (в г. 1812) за священника о. **Якова Галецкого**, по упокоении которого (в 1829 г.) в приходстве Порохнику около Ярославля вышла во второй раз замуж за г. **Иоанна Левицкого**, лекаря в Лежайску, где в г. 1853 и скончалась;

2) сын **Иоанн** (р. 1798 г.), ставший в г. 1821 священником, был сперва на капелянии в Горицах Канчужского деканата, а по смерти родителя о. Алексея в г. 1825 - приходником в Дубне, где и упокоился дня 14 апр. 1865 г.;

3) дочь **Мария** (р. 1800 г.), выдана в г. 1815 за о. **Георгия Галецкого**, который был родным братом своего шурина Якова и сперва приходником в Залесье около Решова, а по смерти той жены своей

^{*} Точные хронологические даты из метрикальных книг села Дубна, сюда относящиеся, сообщил мне пр. о. Сильвестр Круликовский, современной приходник Дубненский, которому за то изъявляю тут искреннее благодарение.

Марии († 1846) - приходником и крылошанином при соборной церкви в Перемышли;

4) наш **Михаил** (р. 1802 г.), один в той священнической родине определенный с малолетства для студии мирского звания;

5) дочь **Юлия** (р. 1803 г.), выдана в г. 1818 за о. **Петра Паславского**, приходника в Боратыне Порохиецкого деканата, который по ее смерти (1820 г.) стал сотрудином, потом приходником и почетным крылошанином при церкви св. Варвары в Ведни;

6) Сын **Онуфрий** (р. 1806 г.), который, ставши в г. 1835 иеромонахом, наречен был **Орестом** и упокоился в Василиянском монастыре в Кристинополе (1854 г.).

Все тут наведенные по имени лица родины Качковских почивают ныне в гробах, далеко друг от друга раскинутых; но в начале нашего настоящего столетия все они составляли кипящий жизнью кружок в уютной хате приходской села Дубна.

А то же село Дубно есть одним из оных 9 приходств сильно ныне спольщенного Решовского округа, которые все разом составляют один Канчужский деканат русской Перемышльской епархии и в которых жители - с изытием именно того одного Дубна, доныне русского - переважно суть мазуры. Числя сверх 1500 душ русских в 340 хатах, село Дубно лежит у самого стечения двух значительных рек Галичины: мазурской Вислоки с русским Сяном, который от востока широким руслом плывет по-при огород и землю Дубнянской церкви, красующейся на небольшой возвышенности и недалеко отстоящей от дома приходского. На запад оттуда тянется село, а за ним равнина, перемеженная полями и сеножатами умеренной плодородности. Народ тут еще в большей части говорит по-русски, однако с некоторой примесью польской беседы так по выговору, как и в слововыражении.

На приходстве того села жила, как сказано, родина Качковских с года 1793-1865, т. е. 72 лет тем наследственным порядком, что 32 года был тут постоянно приходником отец, а после того лет 40 - найстарший сын.

Головой сей родины был с года 1793 смиренный и прилежный служитель церкви Божьей о. **Алексей**, душой же - отлична, полная живучести хозяйка мать **Анна**.

О них-то сохранял наш Михаил, всю тую родину свою переживший, самое приятнейшее воспоминание - и мы постараясь из слышанных от него поминаний составить прежде всего беглый образ характера и жизни так родителей, как по части и братьев и сестер его, будучи уверены, что многие черты того образа послужат к пояснению жизни и характера самого ж Михаила.

Итак, по рассказам нашего Михаила, отец **Алексей**, походячи с незапамяти от предков духовного звания, был священник некая наследственный своего роду и затем весь «дышащий типиком и псалтырью». Подготовленный от нежной юности к служению в церкви по святому обычаю нашей старинной Руси, он, окончивши богословские студии «по ветхорусскому воспитанию», вынес оттуда точное знание церковного устава и столь ревностное замилованье до действий в книге священных нашего обряда, что таковое впоследствии времени случилось у него единою задачей жития и, так сказать, побожным пристрастием. По той причине о. Алексей яко иерей по чину Мельхиседека исполнял всякие обычные и надобычные священнодействия строго согласно уставу, без малейших пропусков, не только в Божьем храме, но, кроме того, совершал он все иерейские молитвы каждой поры дня, и то будь сидя над церковными книгами дома, будь читая из молитвослова на проходе под открытым небом. А хотя за ежедневным столь прилежным чтением он знал те молитвы почти в целости наизусть, но все-таки любил он постоянно их отчитывать из книг старинного издания, утверждая не без основания, что при чтении, где действует один только смысл зренья, дух молящегося тем лучше углубляется в божественную мысль молитвы и в тихом своем восторжении некая разговаривает с Богом. До того ж любил он больше всего молебные книги старых изданий, многим употреблением и действием времени обветшалые, рассуждая по перенятому от старины преданию, что в таковых книгах под многими взглядами большая соблюдена точность, и что к тому в них выпечатлены следы набожности дорогих нашему сердцу предков, - следы, к подражанию богобоязной жизни отцов нас поощряющие.

При таком постоянном занятии около дел не от мира сего о. Алексей, хотя закоренелый домосед, мало знал о том, что деется кругом него дома и за домом, предоставляя все хозяйство домашнее сведущей и трудолюбивой жене. Тож сам он редко выездил из дому, разве за делом до наиблизших соседей. Только раз или два каждого года отбывал он немного дальшую поездку в Самборскую землю, которую уважал «праматерью и колыбелью» численно разветвленного роду Качковских и в которой тогда еще жили многие его сородники.

Одно еще свойство особенно приметно было в его личности, которое, вправде, тоже развиться могло под влиянием специального образа иерейской его жизни, но являлось у него в так великой степени развития и непринужденности, что нет сомнения, яко было оно свойством его существенным, природным. Кроме того, бо что яко искренний человеколюбец подавал он ближним в потребе больше чем щедрую помощь, но еще при всякой встрече с людьми, даже и

совсем чужими, сам добросердно предлагал свои услуги, свои средства, иногда и над меру potrzeby и возможности. Так и гостеприимство его превосходило меру обыкновенного. Оттого-то в его характере сказывалось будто некое противоречие: из одной стороны, богомолец-то, истощающий себя на молитвах и постах, мало дбающий о земские блага своего дома, а наименьше о якие-будь выгоды для своей особы, с другой же стороны, он, аскет, при появлении гостей в своей хате оживлялся целый непритворным весельем, ставал будто насквозь светским человеком, к тому ж рачителем всех прещедрым и благодетельным майже до крайности. И не было ж для него большой радости, як если при таковых случаях его жена, хозяйка дому, в угождение его розбуялой воле отступала от своей системы щадения и не пожалела старанно присбиренных запасов поварин и пивинцы.

Из наведенной тут характеристики о. Алексия достаточно явствует, что для содержания и воспитания приходской родины в Дубне потребно было, кроме него, еще другой головы, которую и надал Господь той родине обильною мерою в лице матери Анны.

И поистине мать **Анна с Реваковичев Качковска** была-то женщина, як рассказывал о ней сын ее Михаил и як гласит предание дубнянских людей^{*}, изрядна не только яко добрая мать, славная хозяйка, но и загалом яко жена крепкого ума и надзвычайно могущой жизненности.

Тая последняя примета ей характера - надзвычайная живость - была главным свойством ее природы, отличительным наследием ее роду, ибо, як сама она звыкла была с гордостью говорить, «все Реваковичи не животели, но жили горячей крови житьем на том свете». От той живости матери Анны ходила - як то кажут - цела хата, обысьтье во всех кутах роилося житьем, а хозяйство и на крайних точках заедно подвигалось, было в неустанном действии. А всюда ж в том шумном оживленном действии был и правильный лад, и порядок, понеже мать Анна при своей пружистой энергии отличалась враз и великим быстроумием, прозорливостью, и расчетливым рассудком.

Для примера укажем тут коротко на ее дневную деятельность около хозяйства серед лета, согласно оповеданью сына ее Михаила:

Перед досветками она уже разбудила весь дом и, помолившись, раздавала раннюю работу челяди и детям, сама в тех работах участвующи. С восходом солнца паробки и полевые работники, заосмотрены всякими потребами снаряжья и стравы, отправлялись на лан, и закем они успели дойти-доехать на место своего назначения, уже мать Анна, упоравшись с другими занятиями около дому, пробегала

* О том упоминает нынешний парох Дубна о. С. Круликовский в своем письме ко мне из д. 29 дек. 1872.

- а весьма часто ехала скоренько на коне - за ними через село, тут разбужая спящих еще соседей, там выгоняя сама якую скотину из шкоды, а онде власноручно поправляя работу якой неловкой газды-ни-селянки.

Так, разбудивши и подохотивши до труда село до кола и забравши где-кого люзьного с собою, она уже и при своих работниках в одном поле - в другом, тут и там поощряя всех к работе живым примером и веселыми приговорками. На добрый час пред обедом она уже дома и в пекарне, где старшие доньки с малолетства поочередно заступали месце поварки; тут же она и в садку, и в пасеке, и в огороде, который во всех частях плекала с особенным замилованьем, производя из каждого кусня земли як наибольшие зыски. По обеде мать Анна снова то в огороде, то в поле, то на сеножате, всюду работу не только разделяя, доглядая, но в ней и сама живое привимая участие. Узнавши же в разговорах с людьми через день, где занедужала кому дитина, человек или даже что из домашнего скота, она под вечер повертала из лану звычайно по-при хату недуги для уделенья там доброй рады и леку. Тож все такие проходы ее через село рано и вечер были благодатны и для дубнянских людей, которые таки не кликала ее иначе, як «наша добрая мама».

А была ж се «добрая мама» тем больше для своих родных детей, из любви для которых она измогалась в трудах так на солнечном жару, як и в непогоду и лютую стужу. Бывало поздней осенью чи зимой, коли то плоды лета вывозятся на торги, мать Анна не пропустит ниякого ярмарку в доокрестных местечках, сама там торгует, сама продаёт свой огородовый плод на мерочки, а на укоризны легких мешанок отвечает с гордостью спартанки: «Се для моих детей - тою меркою выведу их в люди!»*.

Мимоходом скажем, что на таких ярмарках или на торгах мать Анна уважаема была у околичных людей наилучшею ценительною всяких предметов торго, и так продавец, як и покупатель всегда охотно «сдавались на ее крайнее слово», которое от всех сторон держалось незаводно справедливым. Так и случайные споры на торжищах или где-нибудь меж людьми умела она с наилучшим успехом усмирять, а то будь прилюдным упомнением, будь и якою уместною шуткою, яких у ее живого остроумия на каждый случай богато бывало в запасе. Для того ж и утвердилась о ней широко поговорка в народе: «Як загодит справу дубненская попада, не треба мандатора, ни цесарского суду!».

* Дословно по сказанию **Михаила Качковского**, который д. 3 л. мая 1872 г., т. е. на три месяца перед своей смертью, расповедал те события в родийном кружку моем в селе Смерекове под Жолквой.

Из любви для своих детей и яко добрая хозяйка мать Анна была и ошадна, а что до потреб для своей особы - даже скупа. С тем последним свойством она не соромилась признаваться перед людьми, знаючи каждый свой поступок, к тому относящийся, умно пояснить то соответной пословицей народной, то добитным толком в роде толков мудреца Диогена. Впрочем, строгая ошадность в том доме, состоящем из 8 членов родины и 12-15 людей челяди^{*}, тем больше оказывалась потребною, что, як мы говорили выше, о. Алексей по природной склонности своего сердца издерживал на гостину и на дела милостыни не раз далеко над меру возможности, затем исчерпываемые ним средства и засобы должны были заедно новым щадением из стороны прилежной хозяйки пополняться. А по правде ж, хотя такое исе наново повторяемое действие пополнения растраченных запасов походило неяко на сисифовую работу и могло было другую хозяйку наконец зразити, до крайности знеохотити, но для нашей матери Анны было се еще, так сказать, будилом до тем большей деятельности. Не только бо она весьма благодушно прощала о. Алексею его неумеренную щедроту, а еще бывало потешала себе шуткой, вот як напр.: «Доброго маю мужа: не даст жене изленети до веку!».

И шутка такая в ее устах выражала самую правду, ибо мать Анна ничем в свете не гнушалась так, як пороком ленивства. Едино за той порок она могла увлечься гневом против всякого, у кого его нашла, а при своей надзвычайной живости исполняла засуд свой над ленивым работником в одну минуту, наказывая, впрочем, его найчастейше в той способ, что прогоняла от работы, а довершала тую ж наскоро и исправно сама. И таковые наглые наказания ленивец принимал от нее без малейшего ропоту, мимовольно почитая справедливость и повагу ловкой судьейки.

В сожитии с людьми мать Анна была щиросердна, снисходительна и в каждом товариществе приятна так своим природным остроумием, як и изобилием своих практических знаний. Сама живая неусидчивость ее побуждала ее заедно к сообщению с людьми всяких сословий, всяких верств, а тое ж делало ее многосторонно товарищескою и исполняло приметчивый ум ее основным познанием света и его отношений. В обществе охотно уступывано ей преимущественный голос и слухано с любопытством особенно ее выходки, иногда весьма колкие, против роскоши житья, начинавшей тогда уже и в средних слоях жительство сильнее расширяться.

* У Качковских бывало тогда на стайнях по 15-20 пар коней, затем и челяди богато.

Из своей же стороны тако ж мать Анна любила прилежно внимати всякому разговору других лиц, легко переималась чувством беседующего, а при изъявлении якой остроумной или прекрасной мысли того ж приходила в сам живейший восторг. Именно прекрасную мысль, кем-нибудь высказанную, затверждала она глубоко в памяти, и даже по летах знала ее при случаю навести дословно та с ровно оживленным восторгом.

Вообще, женщина то была под всяким взглядом примечательна, а головные черты ее характера, тут побежно изображенные*, достойны уважения тем больше для нас по причине, что в них - настоящий прототип нашего бессмертного Михаила.

Сие очертание характера обоих родителей Михаила пополним тут еще наведением изустного о них предания, живущего и ныне у старших дубнянских людей и гласящего следующее: «О. Алексей и Анна Качковские, - как рассказывали старики села Дубна, тое за-памятавшие, - съехали из Самборщины на Дубнянскую парохию убоженько, таки одним конем; но вскоре за великим трудолюбием самой же матери Анны пришли до достатку. О. Алексей был священник дюже набожный, лагодного, тихого обычая, а людяный такой, что в селе уважали его за старшего брата, за батька. Мать Анна же газдыня была не то на все село, а на все околицы: жива и сподручна на всякую работу, чи то дома, чи в поле; сама и в хате, и на обыстье порается, держит лад, и на коне верхом объездит поля, и людей в селе учит господарить, и грошик щадит. Все-то старшие дубнянские люди еще живо памятают и добром за покойных поминают»**.

Согласно природе и под влиянием родителей, которых характерные свойства, як выше сказано, во многом были себе противоположны, развивались и воспитывались их дети, одно по преимуществу «вдавшись» в отца, другое - в мать, иное - созерцая образ обоих вместе.

Дети тии по своим летам не много отстояли от себе, ибо все шестеро родились в течение 10 лет, от 1795 до 1806 г., и як по особенному ладу рожества было в той семье детей три пары, т. е. три дочери и три сына, так выходил и той последовательный порядок в черзе, что по каждой старшей сестре следовал младший брат (**Фекла - Иоанн, Мария - Михаил, Юлия - Онуфрий**).

Из дочерей наибольше походила на мать живостью и быстрым сродушая Мария, на отца же лагодностью и щедролубием

* Тое предание дубнянских людей сообщил мне о. Сильвестр Круликовский, нынешний парох Дубна, в письме своем ко мне из д. 25 мая 1876 г.

** Тое предание дубнянских людей сообщил мне о. Сильвестр Круликовский, нынешний парох Дубна, в письме своем ко мне из д. 25 мая 1876 г.

наимолодшая Юлия. Найстаршая Фекла соединяла добрые свойства обоих родителей в умеренной степени.

Из сынов так найстарший Иоанн, як и наймолодший Онуфрий были похожи на отца, а то первый особенно по наклонности к рачительной, гостелюбивой жизни, второй же больше по влечению сердца к смиренности и богомолию. Только один середующий сын, наш Михаил, вдалься почти совершенно в мать Анну, наследовавши от ней по преимуществу те три главные свойства ее: живую кровь, восторг для всего прекрасного и расчетливую бережливость житейских средств.

Сие надто сокращенное очертание характера шестерых потомков о. Алексея и Анны кажется тут майже вполне достаточным после того, когда мы уже немного ближе познакомились с обоими родителями. Предостает еще некоторыми чертами пополнить и тот образок домашнего житья родины славного нашего Михаила.

Первое воспитание получали дети сей родины почти исключительно от матери Анны, которая в собственном смысле была душой и головой дома. О. Алексей действовал на них больше только примером своей честной, богобоязной жизни.

Мать Анна приучивала своих дочерей от самых ранних лет заходить около их молодых братчиков, из которых каждый имел «свою» старшую сестричку, а в ней и свою «няню». Милый и прекрасный был то вид для о. Алексея и для дубненской громады, когда дети те, уже немножко поподроставши, в Неделю и свято шли за матерью тремя постепенными парами в Божью церковь, где для удержанья покою в той юной громадке над каждым живейшим обовязаны были чувати брат или сестра спокойнейшего обычая.

Девчата все три, подрастая, привыкали, по распоряжению матери, поочередно не только к прилежным занятиям в пекарне и около огорода, где каждая плекала своя определенные грядочки, но, кроме того, с малолетства имели обовязок: держать в порядке всякое белье и оденье так свое, як и братчиков, очевидно, каждая «своего плеканца». За то братья, высылаемые по своим чергам в школы, одолжены были пополнять домашнее образование сестер наукой числения и краснописания.

Серед того семейного кружка, отличавшегося несвыклой многосторонностью характеров, приметно было одно обстоятельство, которое славно подтверждало правду, издавна в свете одобренную: что часто «экстремы к себе тянутся». Так именно полная энергии середующая сестра Мария над всех любила наймолодшего брата Онуфрия, отличного скромным и спокойным норовом, а найбільше резвый и живой юноша Михаил имел самую сердечнейшую симпатию

для najmолодшей сестрички своей Юлии, тихой и смиренной, як голубка. Тую нежную любовь для сестры Юлии сохранял наш Михаил в высочайшей степени до самой ее скоропостижной смерти (умерла она замужем в 17 весне жизни) и любил о ней даже на старости лет своих с особенным умилением упоминать.

Дородные девицы Качковские, богато выпосажены природой и достаточным венoм родителей, одна по другой скоро выдавались замуж, а то все три за добрых, порядочных людей духовного звания. Найстаршая из них Фекла, повдовевши по мужу о. Якове Галецком, выдалась в другой раз за человека мирского звания, две же najmолодшие, Мария (†1846) и Юлия (†1820), померли перед временем, а их мужья-вдовцы оо. Георгий Галецкий и Петр Паславский достигли потом высших становищ в нашей иерархии, ставши приходниками и крылошанами - первый в Перемышле, другой во Ведни. Только по супругах Галецких остались в живых потомки, из которых трое лиц - Людвиг и Яков Галецкие (сыны Якова) и Людвика из Галецких Ганасевичева (дочь Георгия)* - пережили дядю своего Михаила Качковского и поминаются в его же предсмертном завещании (из 1864 г.). А сестра-любимица Михаила Юлия Паславска измерла бездетно в селе Боратине, переживши свое единственное дитяtko лишь на несколько дней.

Смерть той najmолодшей доньки Качковских, последовавшая в г. 1820, сильно поразила целую их родину, особенно же обоих родителей, которые по преклонности лет уже и сами приближались к своему гробу. И в 5 лет после сего печального случая, д. 30 юлия 1825 г., упокоился по короткой недуге сном блаженных о. Алексей на 60 году века, оставивши в народе милую память жизни праведника и деятельности примерного священника.

Мать Анна, оплакавши враз с прибывшими на похороны детьми кончину своего мужа, переселилась вскоре потом из приходского дома в свою собственную хату таки в селе Дубне, которую в прозорливости своей на несколько лет перед тем построила выгодно и окружила порядочно господарскими будынками. Тут она газдовала дальше своим ладом на сверх 20 моргах земли, набытых еще о. Алексеем для нее на случай ее вдовства, сохраняя все свойства жизненной природы своей даже до смерти, которая и постигла ее среди обычных занятий дня 9 марта 1829 г.**

* Другая дочь о. Георгия Галецкого, Каролина, пережившая также своего дядю Михаила, но не упоминаемая в его завещании, выдана за ц. к. судового советника г. Иоанна Феттера.

** Мощи о. Алексея и матери Анны почивут в одном мурованном фамильном гробе, при Дубнянской церкви построенном. В том же самом гробе

Приходником в Дубне по смерти о. Алексея с г. 1825 стал старший сын его Иоанн Качковский, женившийся и высвященный в г. 1821. Той же пробыл тут постоянно целых 40 лет (до смерти своей в г. 1865), действуя на благо своей духовной паствы с ревностью и посвящением, аки се доказал именно тем делом, что после 30-летней упертой борьбы с двором, наконец, создал хорошую каменную церковь и приходскую школу, какой перед тем в Дубне не бывало. О том примечательном муже придется нам еще больше упоминать в дальнейшем течении сего биографического очерка; а тут прибавляем только мимоходом, что по нем сохранилась в приходстве села Дубна довольно пространная «летопись» событий оного ж прихода, списанная ним на польском языке и содержащая, между прочим, любопытную повесть всех его борьб с колиторами, гр. Мерами и Потоцкими, веденных для защиты и поднесения местной церкви и школы русской. Из детей о. Иоанна Качковского остались в живых по его смерти только две дочери: Иоанна, вдова по о. Дудровичу, помершем також в Дубне в г. 1865, и Виктория, выданная с г. 1858 за о. Филарета Бачинского, приходника в Козлове около Бережан. О обоих не залишил упомянуть стрый их Михаил в своем завещании из г. 1864. Кроме тех двоих дочерей о. Иоанна, остался в живых еще и сын его Иоанн, не упоминаемый в завещании Михаила, а померший в звании отставного ц. к. офицера в Стрые 1875 г.*

Наймолодший брат нашего Михаила Онуфрий, постриженный в монахи по чину св. Василия В. и наречен Орестом в г. 1835, вел житье своему самоохотно избранному званию соответное, пребывая на молитвах в уединенной келье сперва Гошовского, потом (с г. 1840) Кристинопольского монастыря, где и скончался яко игумен и парох местного прихода в добровольном отречении от мира сего и от туземной родины своей в г. 1854.

ЮНОСТЬ МИХАИЛА

Дитинный век – до 8 года жизни - провел наш Михаил в родинном кружку в селе Дубне, от самой колыбели отличаясь чрезвычайною живостью и крепким здоровьем.

похоронены также сын о. Иоанн Качковский (†1865), жена его Кристина из дому Красносельска (†1843), малолетние дети и зять их о. Иларион Дудрович (†1865).

* По том братанку Михаила Иоанне живут и ныне в скудных обстоятельствах в Стрые жена-вдова и малолетний сын, тоже именем Иоанн, единственный из оной семьи еще всех переживший Качковский.

Первое, чему он тут научился, была молитва Господня из уст матери, дальше невинные русские песенки от сестричек и людей-челяди, наконец, азбука латинская и немецкая от старшего брата Иоанна. А немалый же то был труд для сего последнего - учить из книжки неусидчивого мальчика, который ежеминутно от скучного повторенья букв рвался то в огород, то в поле за мамой, любившей больше всех то резвое дитя - наивернейший образ своей природы. Не дивно, что не так до книжки, як больше до сиденья над нею мальчик имел свое природно умотивованное отвращенье; но зато всякое ученье наизусть было ему приятно и шло чрезвычайно легко.

В тую пору - в первых годах текущего столетия - уже во многих священнических домах русских беседа польска стала в разговоре «на покаях» преобладающей; тое ж было тогда и в доме Качковских в Дубне яко месцевости, смежной с мазурским западом Галичины, в суседстве ополяченных местечек. Мимо того мать Анна, пребывая майже постоянно в сообщевии с челядью и людьми села, обывкла большей частью говорить по-русски и «на покаях», и со своими детьми. Так и ее неотступный любимчик в самом нежном детстве щебетал почти исключительно только словом русским, а смотрел на свой польский *Elementarz* с некоторого рода тревогой. К тому любил он, яко звычайно все у нас такие дети, забегать часто в челядную избу, где особенно зимовую порою при вечернем лучиве, при кудели, поются думки, рассказуются сказки наши народные, чудно действующие на дитинное воображение. Тут он, хотя и як непосидущий, слушал всякую сказку с живым любопытством от начала до конца, и многое слышанное на таких «вечерницах» знал он мило пригадати даже на старости.

Яко 8-летнего «студента» мать Анна вывезла своего пестуна в первый раз из дому до нормальных школ в Лежайск, о 2 мили от Дубна отстоящий, где и поместила его в доме одной вдовствующей своячки, у которой перед тем пробывал тий же школы старший сын ее Иоанн (отвезенный теперь уже до гимназии в город Решов). Тут наш мальчик Михаил, быстрый на всякие новые впечатления, сейчас подобрал себе и ужился в мейской жизни, разнообразной в своих видах, шумной и подвижной на каждом шагу. Не так дуже однако ж подобрался сам он миролюбивой хозяйце дома, у которой жил на станции, а еще меньше старому, серьезного вида учителю школы лежайской, которому не раз аж жарко ставало от буйной живости малого Качковского. По своей бо природе мальчик наш изначала не успел ни на минуту усидеть в школьной лавце, а заедно вставал, вертелся, якобы «живые пружинки имел в целом теле». Только из взгляду на тое, что мать Анна была надто известная личность даже

в городе Лежайску, и что удалый ее сынок при всей наружной рассеянности всегда отлично знал свои лекции в школе, а при каждом вызове умел живо повторить слова и мысль учительского преподавания, - только из сего взгляду бывал строгий пан профессор супротив него вырозумелым и, наказуючи его иногда за шалости, не карал злою нотою в успехах его научных.

И тую вырозумелость своего первого учителя добросердный мальчик наш старался на дальшом течении школьного года вынадагородити постепенным усмириваньем своей надмерной живости, трудячись в том направлении над собой всеусильно, иногда, як то сам на старость рассказывал, даже в той способ, что «привязывал себе хустинкой или мотузком до лавки, дабы хоть часочек тихцем в ней посидети».

Привезши потом на вакации отличную ноту из лежайской школы в дом родительский, он привел в восторг мать Анну, а в немалое удивление о. Алексея, который на того «шалуна» надежд не полагал, а по крайней мере от первых лет его детства решительно и с некоторым жалем утверждал, что «поп из него не будет».

Окончивши нормальные школы в Лежайску, наш Михаил - уже 12-летний юноша - переехал враз с братом Иоанном до гимназийских школ в город Решов, о 6 миль от Дубна отдаленный, где оба они помещены были матерью Анной на станции у одного порядочного мещанина-русина, родом походившего из села Дубна. Тут новые явления больше развитой городской жизни еще сильнее заняли впечатлительного юношу, который и среди мазуров скоро удомашнился, особенно когда по своему искреннему дружелюбию находил в школе в каждом соученике доброго товарища, а в русской семье своего хозяина - милые пригадки о родинном Дубне.

Побыт его на науках в Решове стался вскоре еще приятнейшим, когда с г. 1816 назначен был о. **Георгий Галецкий**, за которым была его старшая сестра **Мария**, приходником в Залесьи - русском селе, только на полмильки от Решова отстоящем. С той поры не только о. Галецкий бывал почти еженедельно раз-два в городе Решове яко филии своего приходства, но и Михаил забегал таки пешки мало не каждой недели и каждого свята в соседнее Залесье, где у своей сестры был якобы у родителей домашним.

По тогдашней системе учения в гимназиях, кроме прилежнейшего упражнения в латине, не было тут для больше талантливового ученика довольно научной пищи, а посещение школы обмежалось тогда на 4 часы в трех днях, и только на 2 часы в двух других днях каждой недели. Затем и нашему Михаилу, одаренному легкой понятливостью и живой памятью, оставало после скоро заученных лекций еще

богато времени ежедневно, которым мог он распоряжаться свободно. А понеже резвая природа его ни на минуту не заставлялась, не терпела малейшего отпочинку, то успевал он каждого дня посетить дома майже всех соучеников, а уже непременно всех тех слабейшего таланта, которые нарочком помощи его в науках домогались.

Тая дружеская помощь в студиях, уделяемая по доброй воле школьным товарищам, повела последовательно к уделянью лекций за вынадгородою, якую ученики, особливо сыны заможнейших родичей, самы охотно за то предлагали. Наш Михаил принимал радо таковые лекции, раз для того, что и сам он упражнялся в преподаваемом предмете (особенно в латине), во-вторых же, и то головно, с причины, «дабы иметь занятие, а от бездействия не скучать». Собранный от тех занятий доход уважал он исключительным достоянием своего труда, радовался ним як дорогим сокровищем и сберегал его старанно в купленной нарочно на то глиняной пушке.

Так уже на первых годах студентского житья объявилось в нашем Михаиле и другое характерное свойство - наследие, природное с матери Анны, именно щадение приобретенных средств, уважаемое рационально первым основанием к житейскому благобыту.

За сбереженные от лекций гроши он редко справлял себе якое роскошнейшее оденье, до которого, впрочем, як и до других «выгод тела», за весь век свой не много привязывал цены; частейше куповал он зато у еврея-антиквара книжки, которые по прочтении или дарил лучшим друзьям, или вез с собой на вакансии до Дубна, где больше занимательные отчитывал вслух своим любознательным сестричкам. Книжки же вообще были то, як он сам о них выражался, «сокровищем его сокровищ», большим от всяких благ вещественных, а враз и таким благородного свойства добром, которым он всегда «искренно рад был с другими делиться». Яко энтузиаст для всего, что в книжке нашел умного, прекрасного, он в тот же час жаждал загоревшимся оттуда восторгом своим воспламенять всякого, кого считал или предполагал до сего способным. Тож мало кажем, если выражаемся, что книжки свои он только «дарил друзьям»; надобно лучше сказать: он ревнительно «накидал им свой дар» с той усиленной просьбой, дабы тем же даром яко наилушим добром они на деле, т. е. прилежным чтаньем, пользовались. То редкое свойство даров приношения в книгах сохранялось в нем живо и до поздней старости.

Что до содержания книжек, за студентского времени для чтения ним приобретаемых, тое было степени умственного развития его соотвѣтно. Сперва любовал он себе в повестях сказочных и ужасных, якими тогдашня литература, как немецкая, так и польская

(переводная), была над миру богата (пригадуем Rinaldo-Rinaldini, Räuber-geschichten и пр.); потом, уже яко синтаксис (тогда ученик IV гимн. классы), читал он с убольшенным любопытством всеобщую историю и дела полезного научного содержания; в конец же не скорше, як в поэтице (тогда V класса), «влюбился» також и в поэзии. Не без цели кажем тут: «влюбился в поэзии», ибо то выражение точно соответствует оживленному настроению его чувства в том отношении, и оно еще больше оправдывается в дальнейшем рассказе о его жизни.

Примечательный был у него также способ чтения книжек, особенно в его юности: он почти никогда не читал, сидячи или даже стоячи на одном месте, но поспешно проходясь или таки «бегаючи» по комнате (и тут лишь зимой или в непогоду), а наичастейше под открытым небом в огороде или на местах прогульных. Только у мест в книжке больше привлекательных, прекрасных останавливался он на минутку в ходу, выражая при том внутренний восторг свой наружными движениями тела. Тож не раз случалось, что проходящие мимо люди, особенно необразованные, видячи нашего молодца, як он, держачи в одной руке книжку, другой делал живые движения и при том то усмехался с умилением, то восклицивал якое слово с восторгом, держали его за «чудака», за якого толпа людю вообще уважает всякого энтузиаста.

За чудака уходил он по части и у своих соучеников, однако ж в ином, самом ласкательном смысле, понеже поводом тому были его необмеженное добросердие и почти дитвиная доверчивость. Побуждаемый своим добросердием, он весьма часто принимал на себя не только грехи своих школьных товарищей, но также за тех же и кару, которая за тогдашнего времени бывала строжайша, чем ныне, ибо тогда в гимназиальных классах, особливо в низших, над кафедрой учителя еще висела плетенная нагайка («дисциплина»), грозная для «малых» грешников. Жертву такую из себя творил он охотно и безропотно, отчего друзья, веселые мазурики, называли его «kozlem obarnym», яким и был он на деле, посвящаясь добровольно за их пустоты.

Что же до его доверчивости, та происходила именно от его искреннего добросердия и была до такой степени наивна, что шутливые товарищи не преминули и в том отношении из него насмехаться. Так, например, один из них, приметивши, як легко он доверял рассказам о выдуманных припадках и оттого увлекался непритворным сочувствием, сложил на него «сатиру», из которой наш Михаил запамятал себе до старости следующее потешное двустишие:

Jakby w cuda Matki Boskiej
Wierzy w bajki nasz Kaczkowski.

И хорошо то еще было, когда школьные друзья над тем свойством благородной души юного Михаила только насмехались; в последствии времени люди не раз злоупотребляли его добродушием и легковерием, но, помимо того, таки никогда не успели подкопать оптимизма, в доброй природе его глубоко основанного.

Приходится нам упомянуть тут и о любовных его чувствах, которые в буйной жизни такого молодца развивались в сравнении еще не так скоро, як бы предполагать подобало, а то тем больше с причины, что наш юноша проживал свои «подлётные лета» в мазурском городе, где, як известно, развитие природы вообще происходит приметно скорее, чем у нас, в холоднейшей Руси.

Первое впечатление любовной симпатии в самом чистейшем смысле дознал он таки в родительском доме, привязавшись тут нежнейшим, чем привычно братским чувством, к наймолодшей сестричке своей Юлии. Было то на вакациях по окончании Лежайских нормалок, коли та же сестричка Юлия, тогда 9-летняя, одного вечера запевала брату новозаученную народную песенку «У суседа хата бела», - а запевала с таким солодким выразом чувства и голоса, что восторженный братчик от умиления не знал, чем больше любоваться: хорошенькой песней чи милой певицей. От того времени родственная привязанность тех двоих детей крепилась и возрастала до искренних чувств любви, которая неизменно связывала их даже до преждевременной кончины Юлии. Примечательно в жизни нашего Михаила, что та первая любовь платоническая к сестре заронилась в его вспылчивом сердце враз с замилованьем для русской народной песни, которое - то сперва неяко инстинктивное замилованье возмоглось до пламенной любви для поэзии в обширнейшем значении в то время, когда доспевающий молодец в высших классах гимназии найшел случай ближе познакомиться с плодами книжного стихотворства.

На студиях в Решове наш юноша имел больше способности сходиться с молодежью женского пола так в доме, где жил на станции, як и в домах соучеников-товарищей. Однако ж отношения те ограничивались лишь на нежном знакомстве, а не увлекали его до степени любви продолжительной, постоянной, яко такой из многих взглядов для «студента» вредной. Причина таких «мимоходных» отношений лежала собственно в его натуре, чрезмерно живой, неусидчивой, которая як с одной стороны не сотворила нашего Михаила меланхолическим Абелардом, ни мечтательным Петраркой, так с другой спасала от него всякую невинную Гелоизу и Лавру.

Немного больше занялся он тем чувством уже яко «слушатель» оной памятной для него «поэтики», коли то любовные элегии Тибула и Овидия в первый раз разогнали живую его фантазию.

А был он тогда на станции у одной мазурки-вдовы, матери троих дозревающих девчаток, у которых всех уже на думце был жених и корыстная женитьба. Тем-то девчатам любил наш «поэтист» то задекламовать с жаром який «амурный» стишок из Бродзинского, тогда улюбленного его поэта, то припевал яку русско-народную думку, толкуя принадным мазуркам слова, для них непонятные, то вконец исполнял наскоро где-якие прислуги в их работах, разумеется, для каждой из них с еднакою готовностью и охотой. Не дивно, что и тут, где вместо одной богданки было нараз аж «три грации», любовное дело також не ишло ловко – «якось не вязалось».

В тую пору было настроение души его до такой степени восторженно, что, як то сам сознавался, бывало в классе при самой жаркой декламации стихов перед лицом профессора иногда не ставало ему голосу, и орудия беседы отказывали ему своей службы на целую минуту (*haesit in ore lingua*); тогда, очевидно, сдавалось, якобы он заданной декламации не выучился, хотя дома знал ее на память отлично. Так случилось ему и в реторике (в VI классе) при изустном рецитовании Катилинской орации Цицерона, в которой после энергичного восклица вступных слов: «*Quousque tandem abutere Catilina patientia nostra*» он нараз замолк, стал совершенно безгласен, а учитель, не прождавши минуты расцепенения его языка, дал ему «*malam notam*» за незнание, несмотря на то, что именно сию славную Цицеронову орацию, тогда раз докладно научившись, знал повторить почти целиком еще и на поздней старости.

Скончивши в г. 1820 гимназийские школы с добрым успехом в Решове, он привез оттуда с собой в дом родительский в Дубно довольный запас знаний в каждой отрасли наук школьных, а, кроме того, еще сбереженный из даванных лекций грош в немалой на то время сумме 10 дукатов и 20 талеров, которые для дальнейшего сберегания поверил матери Анне.

В Дубне же на каждых вакациях Михаил, по своему обыкновению, принимался живо за работу около сельского хозяйства, ставал тут из студента, як он шутиливо выражался, «добровольным паробком у своей матери», громадил сено, ставил полукопки, свозил снопы и пр., исполняя всякий подобного рода труд не то для самой забавки, но в цели приспорения корыстнейших плодов жатвы. Только в дни Недельны и святочны предавался он литературе, призывая к соучастию в том же занятии також своих сестер (пока те не повыходили замуж), а дажо и челядь, для которых, проходясь по пекарне, читы-

вал в голос яку повестку или деклямовал стихи со свойственным себе энтузиазмом. В такие дни успевал он перебегнуть и село во всех направлениях для дружеского сообщения с сельской молодежью, которая «панича Михася» искренно любила и которая охотно прислуживалась ему пением народных думок, бывших для него всегда самым лучшим ума наслаждением.

На последних гимназийских вакациях наш Михаил враз с братом Иоанном (тогда богословом IV года) переехал в столичный город Львов для продолжения студии на так званом философском факультете, который тогда состоял из двух годов - «логики» и «физики» и, хотя причислен к университету, но был собственно только przygotowительным училищем для перехода в три настоящие университетские факультеты, якими были богословие, право и медицина.

С философского факультета начинался в то время для доспевающего молодца новый период жизни. Сам убо над меру внезапный переход в студиях по их содержанию и форме, який за тогдашней системы учения тут отбывался, производил в юных людях примечательное преобразование в отношении так умственного их развития, як даже в объявов внешности. Здесь-то скромненький «студент» гимназии, в которой, кроме латыни, обстоятельно и с довольною основностью преподаваемой, прочие гуманистические предметы предлагались лишь побегом и в весьма сокращённых очерках, - той «студент», который за опущение или незнание ежедневных лекций, за своевольство в школе, як и по-за школоу, подвергался еще наказанию коленопреклонением, «карцером», а даже «дисциплиною», переходячи на философский выдел, ставал на раз «слушателем университета», где уже не учено наскучной грамматики, а выкладано (большою частью по-латине) с повагою и подробностями науки универсальные в обширнейшем значении, в числе которых первое место занимали логика, геометрия, физика, метафизика и всеобщая история. До того ж «слушатель» любомудрия, ставши в настоящем смысле только «слушателем» (Hörer, auditor), уже навсегда освобождася от «изустного заучиванья» ежедневных лекций, от всяких телесных наказаний, а даже от непременного посещения школы каждого дня, потому что и в сем взгляде профессоры-философы уважали не так на ежедневную прилежность, як больше на знание предмета в целости при курсовых испытаниях. От того «слушатель-философ», поровнявая себя со «студентом-гимназистом», из якого уже «вызволялся», чувствовал себя неяко высшего рода существом да от такого чувства «рос в гору», гордел и предавался иногда такому буйству, что приводил тем в движение, в беспокой весь город. Такой «философ» уже и наружным видом выражал буйную, почти дикую

натуру, грозную особенно для пологихливых жидов и филистров: он носил долгое волосье, в густых кудрях на рамя спадающее, запускал усы и бородку, закидывал шапку набекрень, чемарку на опашки, по городу ходил замашисто, с люлькой в губе, сукатой палицей по камням постукуючи.

То буйное житье философов с его свободой и небрежением школьного ригора пристало сразу сильно до сердца нашему Михаилу, и он с природным себе жаром кинулся подражать манерное поведение своих новых «коллег», которых тут нашел богатое число от различных сторон Руси и большою частью веком даже от себя старших. Первое, что здесь он яко «философ» сделал, было, что купил себе в еврейском склепе суковатую палку, с которой сейчас пошел за другими философами в «коллегию на прелекции» записаться. Дальше от той палицы не мог он в «философстве» нияк допроводити, ибо спиняли его в тех подвигах три значительные недостатки, свойственные в родине Качковских, - а то малый рост, отсутствие заросту на лице и отвращение к люльце. Ти и именно недостатки творили его «неизбираемым до компании философов великих» и, очевидно, самых буйных; а хотя он рад был сперва до той компании даже грошми вкупитися, но не принят мимо всех усилий, принужден был вконец пристати до так званых «философов-мальчишек», которые в классе сидели звычайно в первых лавках, а на улице не имели привилея буйствовать и шуметь. Затем единая философская привилегия нашего «мальчика» состояла в палце и немного долшом волосе.

Як отже из одной стороны дознал наш философ разочарования через непотешное зачисление в «мальчишки», так из другой еще больше опечалился он на первых же днях своего школьного посещения трудности наук на философии. Несмотря бо на то, что он лучше, чем многие, подготовлен был в знании латинского языка из гимназии и что хорошо понимал тут на «логице» латинские преподавания знакомитых того факультета профессоров (як Нападиевича, тогда профессора философии, Кодеша - математики), но все-таки сам предмет преподаваний, совершенно новый и излагаемый в тонких абстракциях или альгебранческою методою, был сначала почти целиком непонятен для нашего молодца, ставшего нараз «любо-мудрецом», не бывши перед тем «мыслителем» в правильном того слова смысле.

Пришла затем для нашего Михаила пора сомневания, недоверия в свои силы, которое доходило было уже до отчаяния, так, что по истечении первого месяца, когда все еще «логика» была для него «хаосом абстракцийных букв и формулок», он решался уже от той «тьмы неспасенной» бегством спастись, но, к счастью, в то же время

попалась ему в руки якая-то немецкая книжка (яко есь Compendium der Philosophie), содержащая популярное изложение всех делов философского учения, которая преимущественно причинилась к разъяснению непонятого дотоль для него предмета. При помощи того «Компендия» и за прилежнейшим с той поры посещением школьных прелекций наш ободренный Михаил вскоре заохотился до философии, стал запускаться в живые «диспуты» с опытнейшими из коллег, приучился доказывать формулами - словом, сделался «философом» в значении тогдашней рациональной схоластики.

Труд его в том направлении был не без пользы для него, особенно из сего взгляду, что учился он «над собою мыслить». А раздумючи над своим «я» и задавая себе «философские» вопросы: «какой я? в чем мой характер? в чем цель моего жития?» - он уверился, что чрезвычайная живость его темперамента, доходящая до рассеянности и забудчивости, необходимо потребует преобразования, т. е. именно усмирения посредством неких правил в занятиях дня и в поведении жизни. Начал он затем сие дело своего преобразования от того, что принуждал себя целыми годами сидеть над книжкой, а из товарищей своих не посещал он теперь як одного - двух ежедневно, принимая при том в сообщении с ними вид больше серьезный «философа».

Подвиги тии, поднятые для усмирения надмерной энергии и непосидчивости, были поистине сначала для нашего Михаила весьма мозольны, стоили его много посвящения и насилованья свойств прирождённых; но они таки вконец допровадили до утешительных успехов. Пред истечением первого полугодия философии он уже привык до того, до чего не успевал привыкнуть за все лета гимназии, т. е. он возмог, сидячи за столом два-три часа в день или вечер, постоянно писать. И коли бывало в Решове ледва сдолол принудить себя, дабы два-три раза в год к родителям в Дубно написать письмо - вот в сих коротко словах: «Jestem zdrow – i upraszam o przyslanie pieniedzy na ten meisiac – Michał Kaczkowski», - то теперь высылал он из Львова в Дубно или к сестрам на село долгие «послания» в целый лист или два почти каждого месяца, расписуючись пространно и с философской замашкой о всем, что делал и что деется в столице. Такое упражненье в сочинении писем наиболее помогало ему в тяжелом труде его над собой, над развитием правильного его «мысленья».

Привыкши же раз до присиживанья над книжкой и над писаньем, он сохранял ту добрую привычку даже до окончания всех университетских студий, которые и самы тогда посидущой прилежности от слушателей своих вымогали, уже для того, что так на философии, як

и на других факультетах всеучилища в то время почти не было еще печатных учебников, а профессора прелеговали большую частью из «скриптов» и давали тии ж слушателям в их употребление переписывать.

Тож воистину с «философии» начался для нашего Михаила новый период жизни - период, совсем противоположный тому, яким он бывал для многих других «философов-коллегам»; ибо для тех бывал то период разбуйности, а для него - управильнения надто буйной природы.

На втором году философии (на «физице») посчастливилось нашему Михаилу получить лекцию в доме одного заможного помещика, некого пана Л.,* который в цели воспитанья двух своих малолетних сынов пребывал с ними через школьный год во Львове, а только на время вакаций переселялся в свое село около местечка Любычи Жолковского округа. Лекция та была для Михаила истинным счастьем - не только с причины, что нашел он тут помещение в честном порядочном доме, но еще больше для того, что помещик, вскоре полюбивши его яко прилежного и совестного ментора-«гувернера», условил его себе для своих детей на целых 5 лет, т. е. аж до окончания их гимназийских наук. Сие условие, с которым, впрочем, наш Михаил охотно согласился, имело на его будущность решительное влияние: ибо як из одной стороны оно, освобождая его от поддержки из родительского дому, обеспечивало ему выгодный быт на все лета университетских студий, так с другой дозволяло избрать после философии мирский факультет прав, до которого радо определяла его и родина, и он сам чувствовал в себе наибольшую наклонность.

И преимущественно ж оной лекции у помещика Л. от Любычи Михаил наш навсегда благодарен был за то, что вышел потом в знакомитые люди мирского звания, до якого нашим русинам-поповичам в тогдашнее время еще далеко труднейше было дойти, чем ныне, а то для многих важных препятствий; такими между прочими были особенно скудные средства содержания в священнических родинах, недостаток яковых - будь стипендий, а больше всего недостаток «протекций» для не шляхты и русинов в получении мирских чиновнических мест, до которых тогда без таковой протекции «вельможных» никак нельзя было и достигнуть. Для сих-то препятствий наши поповичи почти исключительно обмежались на посещение

* Бл. п. Михаил назвал мне раз того помещика по имени, однако ж се имя - кроме начальной его буквы - я ныне никак не могу пригадать. И мой шурин о. Гавриил Паславский, приходник Равы-Русской, родной брат бл. п. о. Петра Паславского, бывшего шурином нашего Михаила, знает также кое-что о оной лекции у помещика, но имени его тоже ныне не помнит.

факультета богословского и яко кандидаты духовного звания уже с философии помещаемы были на пропитании в духовной семинарии во Львове; на мирские же два факультеты, на права и медицину, только редкий кто из них успевал достатися, так, что, напр., во время оно на всех 4 годах прав в числе около 200 слушателей было враз с нашим Качковским всего-навсего лишь 6 русинов-поповичев, а на медицине (во Ведни или в Празе) не было ни одного! Тож и миряне-достоиники от Руси, як славный Ярына, Нападиевич, были тогда в краю феноменом.

Дивным отже случаем наш Михаил, благодаря приватной лекции в доме польского пана, благодаря долгу служебной неяко своей зависимости, поступил и причислен был тогда к «лику тех избранных» эмансипированных сынов Руси, которые, ставая «феноменом» в краю, имели статися предвестниками освобождения той же Руси от преобладания Польши в отношении чиновственном и национально-политическом.

Дневные занятия Михаила на физике и на правах умножились затем значительно так вследствие принятой оной лекции, для которой посвящал он по 3-4 часов ежедневно, як и по тому поводу, что никогда он не пропускал преподаваний на университете, отдаленном от теперешнего его жилища на четверть години ходу (дом пана Л. был где-то на «Зеленом»). До того ж обязан он был со своими элевами выезжать почти каждый вечер на прогулку, для которой-то цели на стайнях пана Л. стояла отдельная пара коней и кабриолет, отданы, впрочем, совсем в распоряжение «пана гувернера», который имел также свой вольный билет в фамильную ложу пана Л. в театре, на концерты и другие продукции, какие давались тогда проезжими труппами артистов в нашей столице.

Разумеется, такое пестро-оживленное занятие дня и вечера было як найбільше по сердцу нашему Михаилу, и он был тут серед того пружистого неустанного труда ума и тела, среди шумного, кипучего житья столицы як бы в «своем элементе». А хотя при таком способе дневной жизни приходилось ему иногда класти спать аж далеко под полночь, то таки каждый следующий день начинал он с неизменной бодростью духа, с властивой себе живостью чувств, вставая из постели всегда перед досветками, як до того привык был под оком матери Анны в Дубне с детства, да и на весь свой век. Такими-то поранками, коли в доме пана Л. еще все почивали во сне, наш Михаил пробегал со скриптами в руках по огороде, в слоту по коритарям дома, корыстая с той поры исключительно для себя, т. е. изучая задачи и лекции своего факультета.

Дом помещика Л. гудел особенно житьем в осени и зимой, коли

съездила сюда из села также сама помещица с дочками, сестрами и целым женским двором. Тогда-то начинались угощения, музыкальные вечера, забавы с танцами, до которых приглашаем бывал и наш «пан гувернер». Он же принимал участие в таких товариществах тем охотнейше, что яко энтузиаст вообще имел и для женщин весьма жаркое чувство.

Здесь-то случилось ему полюбить больше других нежно якую-то Юлию С., хорошенькую девицу, которая со своею матерью, женою одного высшего чиновника- немца, часто бывала в доме помещиков Л. Нежное сие чувство возродилось в его сердце тем случаем, что встретил он в помянутой девице много подобия с симпатичной личностью своей наймолодшей сестры того же имени, Юлии Паславской, которая тогда недавно что была умерла в Боратыне коло Ярославля (в г. 1820). Осиротелое по утрате улюбленной сестры сердце Михаила чейже само глядало да и нашло тут некоторое утешение в явлении красавицы, ей подобной, которая под влиянием немецкого воспитания и была для нашего гувернера больше снисходительна, чем другие девы того общества, гордые дочери Польши.

Впрочем, то нежное отношение, перерванное после выезда госпожи Л. на село через все лето, продолжалось другой зимы только до мясниц, ибо в те мясницы Юлия С. нечаянно вышла замуж за богатого дворянина, имевшего несколько камениц во Львове. Наш Михаил не был на ее свадьбе, однако ж и по той свадьбе не поступил себе як отчаянный Вертер Гете, а, напротив, был как всегда жив и весел, да еще ж от той поры стал заровно вежлив и сердечен для всех хорошеньких дев, желая всякой широдушно «счастливого замужества за богатого дворянина».

Уместно будет приметить тут, что в так буйно оживленной природе, какая была у нашего Михаила, редко случается сосредоточение чувств воедино, а частейше происходит многостороннее их разветвление - или, выражаясь терминами больше отвлеченными, чувства здесь не бывают индивидуально-субъективны (як были, напр., у Шиллера), но универсально-объективны (як у Гете). Ближнее пояснение такой универсальности чувств у нашего Михаила последует еще в дальнейшем очертании характера его яко зрелого мужа и старика, а здесь прибавим еще только, что даже в своей юности, в той поре мечтаний и идеалов, он не смог с субъективной исключительностью влюбиться в одну-единую женщину, как звичайно любят сердца с настроением сентиментальным, а любил в одно и то же время да с еднаким чувства жаром все красавицы, любви достойные, как вообще любит всех добрых людей объективный оптимист, настоящей человеколюбец.

Оттого-то любовь его для женщин по такому расположению всего его чувственного организма бывала всегда счастлива, весело играющая; затем, очевидно, и находила она себе взаимность подобно-го же настроения веселого, игрового. То ж и любили женщины сего «радостно-восторженного аманта», не то с пафосом мечтательным, глубоким, а так себе для милой игры сердца, для забавки, да и потешали не раз себя и его различными незлобивого рода пакостями и шутками.

Так, одного разу сговорились домашние девчата панства Л. со своими гостями-подругами привести «милого пана гувернера» среди салона в «сон магичный» и вышли с ним на то даже в заклад о талерка в пользу убогих св. Лазаря. А избрали они до той забавки вечер после дня самого «рабочего», в котором Михаил наш имел был як наибольше заходов и занятия, был затем уже накрепко утомлён и в немалой обаве проигранья закладу. Несмотря на то, явившись в веселое товариство девчат, он весь ободрился и резвый, як на пружинках, забавлялся с ними даже к полночи. Во все то время игры с девчатами он не принимал от них ни подаванного чаю, ни тестечок, ни даже воды, опасаясь, чтобы они не примешали тут для него какой усыпительной микстурки, от которой в самом деле не трудно бы ему задремнуть и талерка потерять. В такой предосторожности и уверен в свои оживленные силы, он около полночи дозволил девчатам усадить себя посередь салону на пуховое кресло с поручьями, дабы так с шуткой выжидать «нашествия сна магичного». В ту минуту одна из девиц стала играть на фортепьяно какую-то сентиментальную мелодию в moll, прочие же красавицы позаседали на козетках по кутам, будто прислушиваясь музыце, а с тиха хохотаючи. Дабы их еще больше потешить, наш «магик поневольный», тоже усмехаясь, прислонился на пуховое изголовье своего кресла и удал будто «уже спящего». А столько ж то и было тут его бодрости и чуванья! Не магичный, а настоящий здоровенный сон с храпением охватил его мгновенно - и от той хвиле он не знал уже, что дальше творили с ним пакостные девчата. Только на досветках, в звычайную пору своего от сна вставанья, пробудился он на пуховом кресле посеред опустелого салона - и узрел тут себя, обставленного зеркалами, без чемарки, без чобот, а с высоким волнянным колпаком на голове, с вышиваным символами покрывалом от шеи до ног и с тростью магика в руке правой! Очевидно, еще того ж дня отдал он своего талерка на убогих у св. Лазаря, а целый дом помещика Л. имел на долгое время сердечную потеху сгадовати о том «магичном сне любого пана гувернера».

Подобные «комедийки» любили еще не раз заигрывать с ним молодые девчата в помянутом доме, и он принимал на себя в тех играх охотно какую-нибудь потешную роль, уверившись из всех поступков товарищек-комедианток, что они забавлялись с ним совсем беззлобно, для самой невинной добросердной шутки.

По уговору с помещиком наш гувернер обязан был на каждые вакации ехать с элечами в его поместье; но и тот обовязок вовсе не был для него тягостным, потому что и в сельском дворе пана Л. имел он всякие возможные выгоды, был уважаем якобы приналежным к родине, а к тому пользовался большой свободой в препровождении времени и в выборе улюбленных занятий. Такими же занятиями больше всего были содействие в работах хозяйских по привычкам из Дубна и прогулки по селе промеж люди, которых знал и посещал он почти всех от хаты до хаты, изучая у самого источника характер, обычаи, беседу и песни русско-народные. А селяне любили «добро-го, людяного панича дворского» и горнулись к нему тем раднейше, что в оно время панщины не раз той панич, имеючи голос и влияние в дворе, особенно у самого пана Л., прислуживался им полегчением тягостей подданчих или же оборонял их от напастей эконома или мандатора. За то госпожа помещица, одна тогда в дворе закоренелая аристократка, уважала его «демагогом», да и то демагогом самой невредливой породы, ибо честные свойства души его и сердца были всем и тут надто известны.

Понятно, что с принятия лекции в доме пана Л. Михаил наш - помимо воли, а иногда и тоски сердечной - не мог навещать дом родительский в Дубне столь часто, как прежде, коли то из соседнего Решова бывало ездил туда не только на каждые вакации, но и на свята Роздвенские и Великодные. Теперь, за 5 лет своей гувернерки, был он там всего три раза, и то забавляя лишь по несколько дней у родителей, а на проезде по дню и у сестер в Порохнику и Залесьи. Зато не забывал он частейше писывать до милой своей родины, которая из каждого письма его с искренней радостью узнавала о добром его поведении и утешалась надеждами на светлую его будущность.

В году 1827 Михаил Качковский окончил правничие студии, и тогда имел он уже сбереженный за 5-летнюю гувернерку капитал в сумме сверх 1000 злр., большою частью в дукатах и талерках, которы и были коренным фондом значительного имения его, якое впоследствии возросло до суммы над 60 000 злр.

На том заключаем очертание юношеской жизни его, а следуючи далее в большой части тому же источнику - изустным его рассказам, приступим к изображению нашего Михаила на веку его мужеском до 1848 г.

МУЖЕСКИЙ ВЕК МИХАИЛА (до 1848 года)

Период оный мужеской жизни Михаила - собственно от 1828 до 1848 года - отличается не меньше многообразием примечательных переходов и событий, однако по преимуществу сосредоточивается в буденных занятиях в бюро канцелярийном да в дружеском сожитии с людьми всяких званий и сословий.

Еще на вступе своего полнолетия понес он болезненную утрату через смерть своего родителя о. **Алексея**, которая последовала дня 30 юния 1825 г. На несколько дней перед тем уведал наш Михаил об опасном недуге своего отца, поспешил затем из Львова в Дубно, но прибыл уже на похороны, которые при трогательном участии родины и народа отбылись дня 2 юлия того ж года. Печальное сие событие еще тем больше напоминало его шествовать путем жития о своих собственных средствах и силах...

До такого ж самостоятельного ходу дорогою жизни он, к своему счастью, имел уже способность привыкнуть на студиях во Львове, когда за получением лекции у помещика Л. добровольно отказался от помощи из родительского дома, отступая тую ж в пользу наймолдшего брата Онуфрия, тогда гимназиста в Решове.

Докончивши однако ж потом правничии науки во Львове, он нашел себе в немалом затруднении под взглядом вопроса: что дальше с собой делать? Предстояло бо ему выбирать из двух: или поступить сейчас в чиновную службу на «практику», или остати еще надальше на лекции у пана Л.

Из одной стороны уважал он потребу немедленного вступления в урядовую практику над все для себе важной, уже из самого того взгляда, чтобы не терять лет, которых, как известно, на цесарской службе числится 40 до выслужения целой пенсии (до пенсионования); а хотя такая практика в урядах бывала тогда по 2-4 лет бесплатна, но Михаил наш, имея уже сбереженный капиталик свой в сумме сверх 1000 злр., был на тот случай довольно забеспечен - и затем решился сперва стать «практикантом» при львовском или - в недостатку места тут - при котором-либо суде в ином городе Галичины.

Однако ж, из другой стороны, честный помещик Л., у которого условленное пятилетие гувернерки уже кончилось, полюбил нашего Михаила за его прилежание, благонравность и добросердие так искренно, что не хотел его никак от себя отпускать, а на всякий случай старался даже повышением годовой платы задержать его во Львове, где при суде места практикантов были вправде все тогда заняты, но таковое могло было в течении времени таки отворить-

ся. На то, впрочем, корыстное предложение не склонялся сначала Михаил наш наиболее с причины, что и на случай приобретения тут практики сомневался он в возможность совестного исполнения двоих неяко служб, а «жить на ласце» не пристал бы он хоть бы у як доброго пана. Только се одно предложение пана Л., что на следующую весну тот же выправит его с дорастающими элевами в путь в Швейцарию, - то привлекательное предложение едино побудило вконец Михаила приостати еще и дальше на выгодной гувернерце у помянутого помещика.

Случилось бо в ту пору нашему Михаилу прочитать несколько книг славнейших туристов, описавших в занимательный способ свои путешествия по Европе и другим сторонам света, - да от того чтения воспалился его живовосторжимый ум до такой степени, что о ничем другом не мечтал он тогда, як о путешествиях в далекие свету. Тож и оный план поездки в Швейцарию, предложенный помещиком Л., пристал так дюже до его сердца, что за-для него покинул он всякие иные взгляды, а немедля заинсталовался наново в доме своего благородного рачителя.

С горячковым нетерпением выжидал он затем лета 1828 г., и в самом же деле, на последних днях юния того же года отправился он в путь со своими элевами и вместе с одним лекарем, который яко друг дома пана Л. принял был на себя обязанность руководить сынов его, не отличававшихся здоровьем, на том санитарном их путешествии в Швейцарию. Севши на почтовую повозку во Львове, они по истечении трех дней заехали в Краков, где пребыли два дни, осматривая достопамятности сего когда-то престольного города давной Польши, потом переехали мимо Берно в Ведень, остановившиеся тут в пути на одну неделю. Во Ведни посетил наш восхищенный турист своего шурина о. Петра Паславского, тогда сотрудника parroхии при тамошней русской церкви св. Варвары, за руководством которого он тем лучше ознакомлялся с великолепною столицею державы. Из Ведня наши путники ехали мимо Линц, мимо Монахию и земли Баварии к подгорскому местечку Линдау, откуда переправились Боденским озером в Швейцарию. Пробывши в Цюрихе снова одну неделю, посещали они его окрестности, пленяясь на каждом шагу величием и красотою северношвейцарской горской природы. Оттуда пустились они горами мимо Бернский кантон в Лозанну, полонину над Женевским озером, и тут остановились на целый месяц в одной из прекрасных вилл над реченым озером - на теперь собственно целью их швейцарской поездки. Окрестность-то, як известно, богатством, многообразием видов и красотою южной природы сама пленительна в целой Швейцарии, воодушевлявшая туристов и

поэтов всех сторон образованного света, которые издавна (особенно же со времен Жана-Жака Руссо) сие озеро избирали себе целью своих путешествий и воспеваний.

Кругом оно-то Женевского озера наш Михаил, не имея в своих спутниках равных себе силами и здоровьем товарищей, оставлял их на купелях и прогулках в околице надбережных вилл, а сам, большою частью даже без местного проводаря, прохаживался, или, собственно говоря, пробегал по вершинам Альпийских гор, раз запускаясь на запад меж стромкие скалы Юра, другой раз на юг к роскошным Савойским, то, наконец, на восток к настоящим швейцарским Альпам. Тут взойшел он и на гору св. Бернгарда, славную своим гостеприимным монастырем, где человеколюбивые монахи при помощи своих редкого свойства собак посвящают себя спасению людей от гибели посреди гор, часто навешаемых снеговиками и обрывами грозных лавин.

Впечатление, какое дознавал он на всех таких трудивых, иногда даже опасных прогулках в горах Юго-Западной Швейцарии, превосходило далеко меру его воображения, кормленного перед тем только описаниями - слабыми копиями живых видов, которые теперь наглядно представились восторженным насквозь его смыслом. Сия затем первая поездка в дальнюю страну, поднятая не то по собственному замыслу, а по счастливому случаю, возжегла в нем навсегда до подобных путешествий сильную охоту, которая в последствии времени стала у него пристрастной настолько, что, як сам он не раз о том выражался, «за сближением каждой весны сердце его рвалось в дальние края, мовь тая перелетная птица рвется о своей поре далеко лететь на вырай...».

Повернувши из Швейцарии, он уже не медлил поступить на практику при краевом карном суде во Львове, оставаясь, по настойчивому желанию пана Л., еще и на дальшее время в его доме. А решился же он практиковать не в ином яком уряде, только при суде, по тому ж самому побуждению, по какому еще и доныне русины - юристы судебную практику преимущественно себе избирают, именно по поводу большой независимости судейского становища, которое легко обходится без так званых «политичных протекций», бывших за тогдашнего времени во всех других чиновных дикастериях весьма влиятельными и необходимыми.

В году 1829 в месяце марте поразила его весть о кончине матери **Анны**, которая после короткой болезни упокоилась в Дубне (дня 9 марта) и там же похоронена в гробе вместе с мужем о. Алексеем. Вскоре после того опечалила его и другая весть об ондовении найстаршой сестры Феклы, которой муж пр. о. Яков Галецкий на 46 году

житья упокоился в своем приходе Порохнику дня 19 марта того ж 1829 г. Получивши обе те вести уже по похоронах, не возмог добросердный Михаил воздать последнюю прислугу тленным мощам даже своей искренно любимой матери, а оплакивал ее страту в отдалении, освящая память о ней милыми згадками всегда и до старческих лет своих...

Только летом того же года посетил он свое родное село Дубно, где уже пятый год на приходстве был старший брат его о. Иоанн, который, кроме обязанности содержания своей власной семьи, имел попечение и о овдовевшей сестре Фекле, и о наймолодшем брате Онуфрии. Помолившись примерно у гробов родителей, собранные тогда почти все живущие еще члены родины Качковских потешали себя взаимно воспоминаниями о минувшем и надеждами на будущность. В тую пору зашла между братьями также беседа об оставшемся по матери Анне наследии (остались по ней дом, хозяйские будынки и сверх 20 моргов поля), да при той способности наш Михаил, которого доля доходами из лекций была довольно обеспечена, отказался своей части наследия в пользу брата Иоанна*.

С осени 1829 г. начинается собственно его канцелярийная жизнь, какую он сам себе был избрал, хотя, как то постараемся дальше указать, тот выбор не вполне отвечал его природе, ибо тая предназначала его скорее на управителя какого большого воспиталища, на наставника молодежи вроде знакомого педагога Песталоция.

И поистине, на первом же вступе в канцелярийное бюро уверился наш Михаил, что мимо своих усильных трудов над собою, поднимаемых на студиях университетских в цели «поборения своей непосидчивости», та же цель еще далеко не была им достигнута. Приходилось бо тут не так, как перед тем по године - две, но по 5 и 6 годин каждого дня постоянно сидеть, а се с начала было для него до невытерпенья. По несколько раз убегал он затем от канцелярии, решаясь больше до ней не вертати**, однако ж только мысль, что за окончаньем правничих студий не было для него, кроме канцелярии, другого прибежища, а к тому и взгляд на свою родину, которая больше рада была видеть его судейским чиновником, принуждали его завертати назад к раз обранному званию - к сидячей жизни в бюро.

Единое, что он тут для полегчения своей доли успел выеднати себе у своих настоятелей, было то, что ему дозволено вместо обык-

* Наследие матери Анны, сохраненное почти в целости, есть ныне собственностью младшей сестры о. Иоанна, вдовы по о. Ил. Дудровичу, живущей с 3 детьми-сиротами в городе Бережанах.

** Через то практика его была несколько раз прервана, а время ее не вчислялось в лета службы.

новенного бюрового стола употреблять пульпит, при котором писал он, стоячи или приседая только хвиеливо на так званом пульпитовом конику. Тую привычку - писать при пульпите на стоячки или на конику - сохранял он и до поздней старости.

Трудно то было ему на первых летах практики даже за таким полегченьем в способе писанья привыкнуть до пребывания почти по целым дням в затворе бюро, и случались не раз с того поводу неприятные столкновения с настоятелями, которые для тогдашнего практиканта, переводимого еже несколько месяцев из одного бюро в другое, часто сменялись и бывали большою частью закоснелые бюрократы, строгие наблюдатели внешних форм даже в способе канцелярийного писанья. Ведай не в каждом бюро находились пульпиты; надобно затем было нашему практиканту при каждой смене бюро прежде всего о «привилегию» поседанья пульпита стараться, потом же каждого нового настоятеля со своею необычайной живостью освоять и вырозумелым для ней сделать, что у таких людей нелегко ишло и не всегда удавалось.

То ж паны бюрократы, особенно старые подагристы да ипохондрики, с очевидным недоверием смотрели на сего «пульпитового» практиканта, который вечно стоячи писал и читал, а для собрания летучих мыслей своих по 10 раз на годину поспешно прохажался по канцелярии, то по коридорам, как бы якої загубы глядаючи. По той причине они часто подвергали строгой контроле канцелярскую его работу, которую однако ж всегда находили в наилучшем порядке и с наибольшею точностью исполненную.

Отличался бо наш Михаил также и тем примечательным свойством, что, помимо выдающейся поверхховной рассеянности, помимо внешнего беспокойя всего своего организма, никогда не терял из виду головной мысли своего занятия, а всякую работу свою творил, вправде с малыми перерывами, но все-таки скоренько и точно доводил ее до конца. Потому-то даже и найстрожшие бюрократы, хоть и як сначала недовольны внешним поведением в его практике, в конец таки приневолены были своею совестью выдавати за его труды хорошее свидетельство.

Яко оптимист с природы, вскоре привыкающий уважать и всякое состояние, в какое вступил, для себе добрым, наш бесплатный практикант за недолгое время сжился с наскучным бюро, как бы в нем и для него был родился. Сношения и пересправы судового чина с премногими людьми различных сословий и характеров ставались для него чем раз больше занимательны, и он радовался особливо тем увереньем, что на никаком факультете не изучится психологии по теории и практике столь основно, як в канцелярии суда карного. А

в познании людей успевал он здесь тем лучше, что не то из привычки, а по влечению сердца любил с людьми как наиболее общаться.

Так прошло первое время его канцелярийной практики, ставшей теперь для него уже приятной.

В конце г. 1829 наш Михаил выпровадился окончательно из дому пана Л., дальнейшее пребывание в котором походило уж теперь в его очах на житье о «панской ласце» - хотя, впрочем, того никак не давано ему тут приметить, а, напротив, старанося год за годом больше его к себе привязать. Несмотря на то, он опасался далее от такой «дворской» жизни изнежиться, а еще далее изленети, чем гнушался зарано, как бл. п. мать его Анна. Затем, якобы повинувшись загробному упомнению блаженной покойницы, которая всегда призывала свои дети до спартанского способу житья, он не дал себе уже надаль сдерживать помещику Л., а, попрощавшись вежливо с целым его домом, переселился куда-то на «Подзамчье» в малый домик с огородом, где устроился своим питоменным ладом, простым, а здоровой натуре его сходным. Тут-то, споживая только раз в день вареные стравы на обед, едал на снеданье и вечеру разовый хлеб с сырым молоком или овощи. Спал же на самой твердой постели, накрываясь лето и зима легким ковриком; так и оденье носил в каждой поре года легкое, а выгодно скроенное до скорого ходу.

Устроивши таким образом свой самостоятельный быт, он наглядно здесь уверился, как то небогато стоит для одинокого человека житье без вымыслов и избытков, а как то полезно и здорово до такого житья навсегда привыкнуть.

Вставая, по своему обыкновению, все раненько перед светом, он имел довольно дня для занятий своего чиновного звания, для дружного сообщения с суседами - жителями «Подзамчья», да и для живых прогулок по Высоком Замку, по огородам и лесистым устороньям за городом. На таких-то прогулках он пивал свежую воду из каждого жерела, с каждой студни, якая по дороге встречалась, нося всегда при себе для той цели кожаный ковшичок.

А чтобы особенно бодрое время поранков без доходной корысти для себе не проводить, принял он снова несколько лекций в таких только домах в городе, где мальчики до науки готовы были вставать раненько. В такие-то дома забежал он на досветках и, побудивши сам своих учеников, брал их в погоду с собой под Высокий Замок, где с восходящим солнцем давал им лекции, стоячи или с ними середь зелени дерев весело проходясь. Корысти из тех поранковых наук были для детей велики да и для него приятны и доходны, потому что сами доходы из них выстарчали на его скромное содержание, и не потребовал он нарушать на то свое старанно сберегаемый капиталик.

В бюро канцелярии являлся он каждого дня первый, выходил из него последний. Но, помимо своей незапереченной способности, правосудных знаний и прилежания, не успевал он тут еще долго достигнуть ни даже самой низшей посады с годичным жалованьем. Благодаря тогдашним скудным отношениям финансов державных, яко и канцелярийному шлендриану, пробыл он при карном суде еще два годы бесплатным заставовым практикантом, т.е. всего разом около 3 лет. А несмотря на то, он яко настоящей добряк (оптимист), доволен всем, что на Божьем свете людям дается, не вырекал никогда на свою судьбу, не допрашался ее получения, не старался о ниякую протекцию так в то время, як и за все течение своей долгой жизни. Оные три лета практики употребил он на приготовление к статским испытаниям, которые и тогда вымогались для достижения чина в судейской службе, а которые сложил он в течение года 1831-1832.

Имеючи свободу отбывать свою бесплатную практику при котором-либо суде в Галичине, Михаил наш переехал в осени 1830 года в город Решов, где в самом близком суседстве - в Залесьи - жила сестра его Мария за приходником о. Георгием Галецким. Обитая частью в Решове, частью у сестры в Залесьи, он практиковал при ц. к. карном суде решовском до начала 1832 года, по чем вернул назад во Львов в цели приобетения посады судового акцесиста.

Только в марте года 1832 получил он царский декрет на найнижшую посаду судейского акцесиста, сперва бесплатного, потом (от 1833 года) с жалованьем 200 злр. мон. конв. в год, в котором-то звании сложил он на дни 19 марта оногo же года торжественно присягу в зданиях карного суда львовского. С того же дня начинается его судейская служба в официальном того слова значении. Яко акцесист определен он был на службу к апелационному суду во Львове.

Як и маленькое было первое жалованье нашего акцесиста, но он возрадовался ним и возблагодарил от искреннего сердца Богу как бы за наслание надзвычайной благодати свыше. Теперь убо начал он вкушать первый плод своего прилежного, а к тому для него немало тягостного труда в бюро - таковой же первый плод, известно, на молодой поре жития всегда бывает вкусу наймилейший.

При тогдашней дешевизне житейских засобов вообще, при истинно спартанской простоте жития-бытия нашего Михаила в особенности, сама одна половина той годовой платы достаточной казалась ему для заспокоенья скромных потреб его на весь год, а другую половину (100 злр.) возмог он щадить на улюбленную цель своих снова отживших мечтаний - на путешествия в далекие края, если на то удастся выпросить у властей довременный отпуск на 6 недель или хоть на месяц.

Уместно будет упомянуть тут, что первобытная цель щадения так доходов из лекций, як и одной половины чиновнического жалования, была у нашего Михаила именно лишь тая: собрать средства для поднятия путешествий за границу. Но понеже такового путешествия за-для трудности получения одномесячной отпустки чиновнику нельзя было предпринимать, как один раз на два-три годы, а наш Михаил даже в случае путешествия успевал обходиться малыми издержками: то сберегаемый для той цели грош его убольшался ежегодно и составил за дальшим авансом на царской службе уже в году 1844 сумму около 6 000 злр., которая-то сумма, вложена до краевой щадничой кассы (тогда чтонно во Львове открытой), приносила самых отсоток 240 злр. в год, затем о 40 злр. больше первой платни судового чиновника. Капитал тот и проценты возрастали тоже до размеров далеко над потребу того, что он выдать мог на путешествия. То же коли в памятном году 1848 имение то поднеслось до суммы 13 000 злр., а возродившаяся к новой жизни Русь наша затребовала от сынов своих большого посвящения в силы и жертвах, восторженный русским народолюбием Михаил надал своему щадению высшую цель, як о том будет рассказано подробнее в своем месте.

Первоначально (до г. 1844) та операция щадения ограничалась на самом складаньи невыданного гроша, а сложенная на первые два-три тысячи сумма причиняла сберегателю немалую журбу. Не только бо что сумма она, доколе касс щадничих ни ценных паперов (акций) в краю еще не было, не приносила никаких отсоток, но еще бывал с нею клопот: где ее подети, где беспечно схоронити? Деревянная скриночка - единое наследие Михаила по матери и первое хранилище всего больше ценного - хотя и была хорошо кована и под двойным замком, однако не обеспечивала ни от огня, ни от злодея, который, закравшись коли случайно в комнатку, мог был то сокровище в одной руке унести. Тоже для предосторожности, особенно от злодея, наш молодой чиновник-«богач» менял червонцы и сороковцы, тогда наибольше в обегу бывшие, на царские банкноты по 100 и по 1000 злр. мон. конв. и носил тии же всегда с собой в кожаной торбинце под сорочкой на грудях. С таким «omnia tесит porto», посбившись журбы, ездил он и на урядовые комиссии, и отбывал путешествия за границу.

Начавши свою службу при цесарском суде, как то кажут, «с простого», наш Михаил в сравнении с некоторыми так званными «детьми протекции» авансовал весьма медленно. Так пробыл он на наинизшой посаде акцесиста при апелляцийном суде во Львове всего только 1 год и 3 месяца; но зато, поступивши на д. 2 юлия 1833 г.

о один степень выше, на посаду судейского авскультанта, сперва с жалованьем 200 зр., потом 300 зр. мон. конв., служил авскультантом целых 7 лет, т. е. даже до окончания 1840 г.

В том звании авскультанта перенесен он был в г. 1833 в самборский окружный суд, куда с охотой переехал яко в страну, уважаемую гнездом и колыбелью обоих его родителей.

В Самборе - сем когда-то престольном городе владык русских - он скоро ужился, удамашнился так, як перед тем нигде-инде. Сам воздух того приютного города, овеванный дуновениями от чистых вод Днестра и свежестью от недалеких Подкарпатских гор, действовал на нашего Михаила крепительно и ободрительно, а в окрестностях Самбора жили тогда еще люди, тут родственники по матери Анне, там по отцу Алексею, витавшие молодого чиновника от своего роду с искренним дружелюбным сердцем.

Тут-то, в самом Самборе, застал он власне тогда парохом пр. о. **Андрея Петрасевича** (рожд. в г. 1771), бывшего что-ино недавно (до г. 1832) приходником в Лежайску и настоятелем Канчужского деканата, затем мужа близко знакомого еще из Дубна, где той же в доме Качковских часто бывал и нашего Михаила знал от лет дитинных.

В близком же соседстве Самбора проживали тогда поважные веком и значением священники: в Кoble-Старом - родной брат матери Анны Качковской **Автоном Ревакович** (рожден еще в г. 1769), в Чукове - **Трофим Качковский** (рожд. в г. 1779), а дальше оттуда в Михалевичах, коло Рудок, - **Поликарп Качковский** (рожд. в г. 1776), в Новоселках Гостинных - **Наркис Ревакович** (р. в г. 1798), сын Автонома, с которыми, яко со своими сродниками, наш Михаил радо дружился с первого же времени своего прибытия в их окружный город. Почтенные люди те принадлежали к «товариществу» так званых старосамборщан, которые все отличались непритворным добродушием, жертволюбием, а найпаче «крепким постоянием друг за друга». В челе сего «товарищеского союза старосамборской земли» стояли в то время знакомитые три Василия, пользовавшиеся доброй славой и повагой также и за пределами своего округа: были то именно **Василий Яновский** (рожд. в г. 1762), парох Гордыни, тогда яко найстарший священник деканата, уважаемый патриархом духовенства в Самборщине и доживший патриаршего веку (упокоился в г. 1846 на 84 году жизни); **Василий Лавровский*** (р. в 1782 г.), приход-

* По свидетельству одного из самборских друзей Михаила, именно о. Иоанна Коростеньского, был тот же «Василий Лавровский изряднейший богослов и отличный грек, всегда молившийся из греческого молитвослова. Он был братом кр. Иоанна архидиакона Перемышльской капитулы, а стрыйком известного сов. Юлияна».

ник в Ольшанику (потом в Торчиновачах), отличавшийся не толиким, правда, значением, но больше постоянным характером, чем впоследствии братанич его, известный советник апелляционный и посол краевого сойма **Юлиан**; наконец, **Василий Товарницкий** (рожд. в г. 1795), парох в Сельце Мокрянского деканата, но с г. 1832 настоятель Самборского деканата, муж основно ученый, особенно отличный в знании классических языков, с которым, яко из них наимолодшим, наш Михаил вскоре завязал самую нежную приязнь.

Влияние от тех людей-авторитетов Самборской Руси было на нашего молодого чиновника благотворно наибольше из того взгляду, что в сердцах тех же стариков жило еще традиційно почутье русской народности, которое объявлялось в беседе и в делах их резкой оппозицией против Польши. Затем случилось тут такое, что наш Михаил, проживший юность свою в мазурском городе Решове, а молодецкия лета в доме польского пана, хотя ни тут, ни там никогда не увлекся польским патриотизмом и на восстание Польши в г. 1831 смотрел целком безучастно, то лишь теперь, за прибытием в Самбор, при самом первом столкновении с репрезентантами нашей старшей Руси, начал с большим вниманием застановлятися над международными отношениями нашего края – и, очевидно, яко русский попович почувствовал себя здесь по национальности русином. В последствии времени то почутствие, в Самборе по раз первый в груди его зароненное, стало глубоким самосознательным чувством, в конец же и головным принципом жизни, произведшим плоды самые утешительные для возродившейся Руси.

Обмеживши сперва свое сообщение на кружок тех и других русских людей из соседства да на несколько больше симпатичных лиц из среды молодых чиновников в Самборе, наш Михаил пильновал, впрочем, прилежно канцелярии, в которой старшие чиновники, великою частью фаворизованные немцы и чехи, налагали звычайно наибольший труд на молодых, а способных авскультантов. Одним же из способнейших авскультантов уважаем был именно он, Михаил, который, свежо прибывши из Львова с хорошими свидетельствами, принимал на себе без малейшего противоречия, а с видимой охотой самые труднейшие судебные дела, желая достигнути тем не так отличия у старшин, як больше основных познаний в круже своего действия.

Среди тех-то канцелярийных занятий не раз он, увлеченный занимательным предметом судовой пересправы, весь погружен в раздумыванье над ее разрешением, с живым поспехом прохажался то по комнатам бюро, то по подворью, то по улицам города, обращая на себя внимание людей, как когда-то за студентских времен в Ре-

шове, где по поводу подобных прогулок с книжкой в руке прохожие считали его «чудаком». Такой незавидной славы, особенно у просто-народа, достигнул он теперь и в Самборе, да тут еще больше с причины, что на самотных прогулках по улицам здешних предместий он весьма часто заглублен в разбирательство трудной якой sprawy, произносил не лишь поодинокое слова с восклицом, но таки разговаривал сам с собой в голос, якобы истязая перед судом спорящие стороны. Таковые монологи, ставшие и на позднейших летах его привычкой, особенно в судебных занятиях, доказывали власне, как интенсивно переимался он делами своего звания и с каким напряжением умственных сил переводил он в себе борьбу мнений для издания справедливого засуда.

Так оными монологами, как и спартанским способом житья, устроенным целиком на тот же лад, как во Львове на Подзамчы, приобрел он также и в маломещанском городе Самборе название настоящего чудака, за якого уходил он у людей, позорно судящих или противной русинам партии, даже до своей старости. И наш ославленный «чудак», никогда никому не вредивший своими поступками, за якие тем прозвищем окрещен был, переносил тот нелестный эпитет без гнева, без журбы, утверждая всегда в доброй вере, что не всем людям следует жить-быть на одно копыто, а всякий да живет себе так, как ему добро и как природе или целям его соответственно.

Следующую по первом швейцарском путешествии поездку за пределы Галичины предпринял он уже из Самбора, и то не скорше, как летом 1834 г., коли удалось ему тут в первый раз на царской службе получить отпуск на 4 недели. А понеже ту дорогу он из ошадности отбывал приватными оказиями, по части даже нешки, то добрался он тогда только до Ведня, где при помощи и руководстве своего шурина о. Петра Паславского, духовного сотрудника при церкви св. Варвары, близше познакомился и с великолепной столицей, и с прекрасными ея окрестностями - близ царских летних дворцов, в соседних горах и над Дунаем. Таковые путешествия до Ведня, ставшего для него улюбленным городом, предпринимал он в последующих летах почти за каждым получением нескольконедельного отпуска, чи то случалось летом, чи осенью, да за каждым разом делал оттуда все новые поездки в города Верхней Австрии, в Стирию, или по Дунаю к пределам Угорщины, раз даже в Триест и Венецию.

С г. 1835 произошла в составе русского приходства города Самбора перемена, которая и на нашего Михаила была не без особенного влияния. Почтенный настоятель того же прихода о. **Андрей Петрасевич**, 64-летний старик-вдовец, стал в то время соборным

крылошанином и яко такий переехал на свое новое достоинство в Перемышль. Заведательство прихода Самбора передано было по нем дотеперешнему сотруднику того же, о. **Иоанну Дудкевичу** (рожд. 1810), молодому, а хорошо образованному человеку, который только что в г. 1834 кончил св. богословие; а духовным сотрудником в его местце в Самборе настал теперь отлично образованный о. **Иларион Ильницкий** (р. в г. 1810), рукоположен в иереи того же самого 1835 г. Управление сего великого приходства перешло затем в руки двух ровновеких юных людей, которые, принявшись за дело со свежими силами и молодецкой ревностью, внесли также в товарищескую жизнь города новые стихи и больше развитое движение с приметами русско-народного характера.

Тогда убо молодежь русская уже начинала проникаться духом своей питомой народности, и по воздуху нашей Руси стало веять якобы леготом-предвестьем сближающейся весны, которая заповедалась уже проявлением первых цветков - песен, пленяя ними прежде всего юные сердца. Еще в г. 1821-23 начали появляться в львовских повременных изданиях, как был альманах «Der Pilger von Lemberg» и журнал «Pielgrzym Lwowski» (издаваемый знакомитым проф. Иосифом Маусом), поодинокое русско-народные песни с приложением нот и соответными предисловиями-росправами, составляемыми то университетским профессором К. Гиттнером, то найстаршим Галицкой Руси литератом, нашим Денисом Зубрицким. В г. 1822 напечатал во Ведни Иосиф Левицкий (р. в г. 1801), тогда богослов II года в Веденьском семенищи, свои три стихотворения «Учащемуся младенчеству народа славяно-русского», а в г. 1830 издал кто-то во Львове славную оду Державина «Бог» на русском, польском и немецком языках, которая-то ода сейчас разнеслась в численных экземплярах по русской духовной семинарии во Львове да и великолепием изложения предмета в великорусском первотворе приводила в удивление, в восторг русское юношество. В г. 1834 уже появились два специальные сборника русско-народных песен: один в Перемышли под з. «Russkoje Weselje» Иосифа Лозинского (р. в г. 1807), тогда приходника в Радохонцах Мостиского деканата, другой, больше просторонный сборник во Львове (1833) под з. «Piesni ludu Galicyjskiego» Вацлава с Олеска (Залеского), чиновника-поляка, собравшего именно русские песни того же издания при помощи русской школьной молодежи, из различных сторон Галичины во Львове пребывающей. Вслед за тем в г. 1834 явилась в Перемышли уже и первая «Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien» Иосифа Левицкого - после песен и мечтаний уже и первый плод размышления над духом и правилами русского слова.

Современно с появлением тех изданий уже готовились до лета в область славы молодые поэты наши - Маркиян Шашкевич, Николай Устыянович, Антоний Могильницкий - все три рожденные в г. 1811, а вслед за ними мыслящие плекатели русского слова: Иван Вагилевич и Яков Головацкий – последний веком из всех них най-молодший (р. в г. 1814). В даровитых головах тех юношей уже роились тогда мечты о будущей лучшей доле русского отечества, за которого жизнь духовую они вскоре имели стать головными репрезентантами.

Молодые два наши священники, Иоанн Дудкевич и Иларион Ильницкий, поставленные в г. 1835 заведателями русского приходства в Самборе, принадлежали тоже к числу тех благородных мечтателей-патриотов нашей Руси, да именно последний яко один из друзей гениального энтузиаста, нашего Маркияна, занимался прилежно свежеезданными плодами русско-народной словесности, а яко изрядный любитель пения возбуждал в обществе любовь для того же искусства в русско-народном направлении.

Затем познание и возродившаяся вскоре тесная дружба с одним из лучших представителей тогдашней молодой Руси, яким явился тут о. Иларион Ильницкий, была для нашего Михаила под многими взглядами самая желанная и благодатная. Из одной стороны, нашел Михаил в бодром, образованном молодце-священнике милого товарища своей дотоль уединенной жизни; из другой же - он за его близшим познанием уверился, к своему удовольствию, в первый раз наглядно, что пробуждающаяся к жизни молодая Русь имеет основы для своего будущего быту далеко сильнее и прочнее, чем на каких стояла Русь старшего поколения, а какими были собственно только резкая, но неналежито сознаваемая негация и оппозиция против всего, что было Польшей. Молодая Русь, уже за оногo времени поставивши себе девизом: «познай себе, полюби свое», доходила тем путем до самопознания, до раздобытия и оценивания своих народных сокровищ, своей старинной истории, - а традиционную оппозицию против Польши она умела уже фактами истории и особенностями характера народного пояснять, мотивовать, о что тут власне и наиболее ходило. От того же и следовало, что оное почувствие русской национальности, которое зародилось было в сердце нашего Михаила при первом столкновении его с «поважными товарищами старосамборской земли», стало теперь под влиянием духа молодой русской генерации озаряться приятнейшим светом самопознания, стремящегося к образованию русско-народному по форме и характеру.

И такое направление юной Руси, заснованное не на самой не-

приятной негации, а на светлых началах поэзии народной и науки, пристало больше к сердцу нашего Михаила, с природы сотворенного оптимистом. С правдивой любовью принялся он теперь за изучивание русско-народных песен, и довольно богатый сборник тех же издания Вацлава с Олеска почти не выходил из его рук. Те «*Piesni ludu galicyjskiego*» стали теперь улюбленной его книгой, а «Вступную росправу» в том издании, списанную Вацлавом Залеским поистине привлекательно и со многим знанием предмета, читал и перечитывал он столь часто, доколе всех прекрасных ее уступов о русских песнях не затвердил дословно в памяти. Тут-то и объявлялся наследственный по матери Анне восторг его для прекрасных мыслей, выражаемый с ровной силой як в обществе людей, так и на самотных прогулках.

С той то поры замилованье Михаила для думок и песен русских, датующееся еще из лет дитинных с Дубна, а бывшее дотеперь просто потребой и безотчетным влечением чувства, получило высшую, сознанием одушевленную цель - так, что и он мечтал теперь стать собирателем духовных сокровищ люду вроде Зоряна Ходаковско-го, Вука Караджича или хотя бы Вацлава Залеского. К сожалению, для такой цели не было у него ни достаточно свободного времени, ни потребной к тому терпеливости, и все, что он на том поприще успел доказать, было едино: что, выходячи с оловцем и записной книжицей за город на болонья, до поблизких приселков, заставлял там сельских мальчиков-пастушков отпевать якие-либо коломыйки, а раздавши каждому спеваку по крейцару, редко записывал пропетую песенку, потому что не так легко нашлась тут между ними яка новая, неизвестная ему чи из давнейшего наслыху, чи из печатных сборников.

Та охота на прогулках и проездах выслушивать пения от селянских пастушков стала у него привычкой неразлучной даже до поздней старости, и всякий, кто с ним коли проходил или ехал проселочными дорогами, пригадает себе, что наш Михаил, зазревши где-нибудь сельских мальчиков, не занедбал николи скликать их до себе и, понуждая каждого заспевать яку песню, давал за тую ж по крейцарику из своего полотняного мешатка, которое всегда для той цели было в его кармане наполнено дробной монетой.

И велика же бывала радость Михаила, если случайно на таких «собираТЕЛЬСКИХ» прогулках за городом удалось ему найти «сокро-вище» - новую думку-коломыйку! Тогда целый восторженный он забегал до своих молодых друзей на приходство, отпевал новую строфку вслух им и их женам-красавицам да тешился своей находкой, как дитя новой игрушкой.

А на приходстве бывали тогда часто устрояемы певче-музыкальные вечерники, на которых при соучастии нашего Михаила производились хоральные пения русско-народные, и не раз тут раздавались новозаученные украинские думы со славных времен козацтва (по изданию Михаила Максимовича из г. 1827), пленявшие особенно нашего «собирателя-энтузиаста» великолепием своего содержания и напева.

Так, увлечен новым стремлением духа молодой Руси, наш Михаил посвящал свободное время, какое оставалось ему после канцелярийных занятий, то списыванью русско-народных песен, то приятному сожитию в кружку доброй русской молодежи, среди которой наибольше полюбил он Илариона Ильницкого. С тем-то другом своего сердца он, найрадше сообщаясь, запускался часто в живые разговоры о русской словесности, о будущем ее развитии и успехах, пользовался его подробными в том предмете знаниями, а як и охотно соглашался со всеми его умными воззрениями и мнениями, так лишь в одном упорно противоречил ему - и то именно в вопросе букв. Тогда бо Михаил наш, еще не знаючи русской азбуки, которой нигде в школах не учили, а идучи за примером Вацлава из Олеска и нашего Иосифа Лозинского, который свое «Русское веселье», а потом и «Русскую грамматику» напечатал также латинскими буквами и правописью польской, не только списывал сам свой сборничек песен русских той же правописью, но к тому уважал ее и вообще для русской словесности соответной, даже необходимо потребной. Надаремно старался добрый друг Иларион опровергнуть то его предупреждение основными доказательствами о превосходстве славянской правописи, а враз же и тем, что не пощадил труда своего, дабы жаркого приверженца латино-польских букв в русской азбуке обучить да за самым тем обучением до лучшего ее оцениения привести, - Михаил наш, хотя и научился уже в конце немного читать по-славяно-русски, хотя и прочитал остроумную брошюрку Маркияна Шашкевича, изданную в Перемышли еще 1837 г. под з. «Азбука i abecadlo, odpowiedz na zdanie I. Lozinskiego o wprowadzeniu abecadla polskiego do pismiennictwa ruskiego», но таки не отступал от своего, на то время утилитарностью довольно узадаченного мнения; и стоял при нем упрямо даже до г. 1849^{*}.

Участником таковых прений между друзьями бывал иногда и о. Василий Товарницкий, который яко настоятель Самборского дека-

^{*} Письмо Михаила к о. Илариону Ильницкому изд. д. 18 февраля 1849 г., которое сообщено будет на своем месте в той же биографии, почит нас само, что было вконец поводом к отступлению от оногo предрасудочного его мнения.

ната часто заездил в город Самбор и тут почти за каждым побытом сходиллся с нашим Михаилом, любил с ним как с равным себе знатоком классической латыни разговаривать тем языком старинной Румы и отдавал ему даже свои рукописные творения, сочиненные по-латыне, к перечтению и «ласковому оценению». Михаил наш рад был такому предпочтению со стороны своего старшего друга, а хотя латинские сочинения того же относились почти исключительно к предметам ему чужим, бо чисто богословским, но, перечитывая их прилежно, он восхищался классическим пером автора и уверился еще тем больше, что Русь наша поистине имеет мужей, прекрасно ударованных и отличных во всякой отрасли науки.

В г. 1837 последовала в складе Самборского приходства снова перемена: довременный заведатель того же о. Иоанн Дудкевич получил парохию в Ричигове Горожанского деканата, а действительным парохом Самбора поставлен был дотеперешний приходник Старого-Кобла о. **Автоном Ревакович**, сродник нашего Михаила по матери Анне.

Сей-то о. Автоном Ревакович был старик около 70 лет, а в приходском душпастырстве трудился уже на пятый крестик (44 лет); но, помимо своего преклонного веку, отличался еще такой бодростью духа и тела, что владыка Иоанн Снегурский, познавши его лично, сам наставлял на предпочтение его пред другими наймолодшими убегателями о великое Самборское приходство, утверждая остроумно, что «следует раз и заслуженным старикам отдать тучную паству». Тому-то благорасположению своего архиерея одолжен был о. Автоном оною справде редкой честью, якой достигнул на старости лет и якой в самом деле был достоин.

Для нашего Михаила было прибытие о. Автонома с родиною в Самбор тем приятнейшим событием, что в той же родине видел он почти такие же приемы и обычаи домашнего сожития, якие когда-то водились в его родном Дубне, а кроме того, в доме у о. Автонома расцветали три дочери-красавицы, и сама же их мать была женщина над свой век молодша как живым умом, так и постоянным доброго сердца весельем. Затем началось для нашего уже немножко стареющегося авскультанта наново близшее общение с женщинами, для которых он всегда имел жаркую кровь и был безусловным энтузиастом. Нежное сношение со сродственным домом о. Реваковича велось обоесторонно с соответной искренностью и приличием, да затем Михаил наш радо проводил тут особенно зимовые вечера, припевая веселым девчатам русско-народные песенки с тем большою вервою и житьем, что находил в милых своих слушательках широкосердное сочувствие.

Товарищеский кружок на Самборском приходстве, ставший теперь поистине идиллично-патриархальным, убольшился в г. 1838 молодой еще родиной о. Петра Лозинского (рожд. в г. 1806), который, только что посвящен в иереи, прислан был туда в звании второго приходского сотрудника для Самборской церкви. Возмущающийся убо возраст города Самбора чрез умножение чиновничества и улучшение дел школьных побудил нашу Перемышльскую консисторию от несколько лет стараться о поставление еще второго духовного сотрудника при русской церкви в Самборе, которая еще от владычих времен пользовалась преимуществами соборного храма (кафедры) и до которой причислены еще две дочерние церкви на предместьях. Старанья консистории только в помянутом году достигли своей цели, и с той поры при церкви в Самборе постоянно действуют два приходские сотрудника.

О. Петро Лозинский яко отличный спевак с высоким и благозвучным тенором был неоцененным приобретением для русского общества в Самборе, и наш Михаил особливо любил его за питомо-русский выраз и звонкие переливы голоса, с какими он производил заровно приятно слуху чи то церковный гимны, чи простолюдные думки. Впрочем, о. Лозинский как старший и перебивший различные колеи житья человек (по окончании богословия он с 6 лет бывал то на гувернерках, то на канцелярийной службе) был мило витанный в каждом товариществе, умеючи тут и убавить, и занять людей рассказами о приключениях - то потешных, то трогательных - из своей многообразной жизни.

Год 1839 был памятен для нашего Михаила появлением нового сборника русско-народных песен Жеготы-Паулия. Сей сборник, изданный в двух томах латино-польской правописью, но содержащий песен в большом числе и лучшем упорядкованьи, чем сборник Вацлава с Олеска, привел Михаила как из одной стороны в восторг правдивой радости, так из другой - диво! - в немалую журбу. Уверился убо он, наш скромный самборский «собираатель» таких же песней, что после сего столь пространного издания «сокровищ русского людю» теперь уже не останет для него собирать что-то нового в народной сокровищнице, так беспощадно другими исчерпываемой! С тех пор он, заровно как тот юный скрипач-честолюбец, что за услышанием виртуозной игры старого артиста разбивает свою лютню, так и он покинул от теперь навсегда звание «специалиста-собираателя», а остался просто тем, чем и был от роду: жарким любителем народного пения во всех его проявлениях.

Из других сочинений, якие Михаил о том времени читал, а якие большой частью доставлял ему друг-литерат о. Иларион Ильницкий,

обратили особенное внимание его «Historya miasta Lwowa» кармелитского монаха Игнатия Ходынецкого, изданная еще в г. 1829, а больше над то две примечательные брошюры нашего русского историкографа Дениса Зубрицкого «Historyczne badania o drukarniach rusko-slowianskich», изданные во Львове 1836 г., и «Rys do Historyi narodu ruskiego w Galicyi, Lwow 1837». Дело Ходынецкого, хотя все списанное недостаточно и в направлении польского духа, но оно довольно ответило любопытству Михаила, стремящему теперь с большой силой к распознаванию отечественной истории, в которой тогдашня русская молодежь - по недостатку сочинений того рода русских - зачерпывала самые скудные известия только из польских историй Альбертрандия, Бандкого и Нарушевича. Из двоих брошюрок Дениса Зубрицкого сильно заняла Михаила невеликая она, изданная только яко «вступное слово» до истории Руси в Галичине под з. «Rys do Historyi narodu ruskiego», а поучающая в несколько очерках наглядно о том, что Галичина наша даже по-за реку Вислоку была вся русская земля и владели в ней свои русские князи, доколе край той насилием оружия не попался под власть ненавиденной Русью шляхотской Польши. Другое, тоже маленькое вправде, но с основным знанием предмета и с русским патриотизмом написанное дельце «О русско-славянских печатнях» Дениса Зубрицкого поучило весьма во многом нашего дилетанта-историка, паче всего же в том, что ставшая в то время уже бессловесной наша Галицкая Русь имела когда-то в самом Львове 5 русских типографий, столько же и в других местностях края (даже по селам владычим и монастырским), а межи теми типографию славного Ставропигийского братства Львовского - найстаршую веком на весь земский шар! Тот доказ когдашняго словесного богатства Галицкой Руси одушевлял нашего Михаила светлыми надеждами на ее возрождение в лучшую ее будущность, в которую уже тогда верил он тем больше, что добрый товарищ его о. Иларион с каждым годом предлагал и отчитывал ему свежие плоды юнорусской словесности, издаваемые трудом молодых людей и славяно-русским письмом, яко были, напр., «Русалка Днестрова», напечатанная в Будяне 1837 г., «Звон Шиллера», переведенный Иосифом Левицким и изданный в Перемышли 1839 г., да и другие поменьшие брошюрки и стихотворения (между прочими, напр., «Печальное слово Григория Яхимовича о упокоении души Франциска I, императора Австрии», перевод с нем. Стефана Семаша, изд. во Львове 1835 г., «Слеза на гробе Михаила бар. Гарасевича», во Львове 1836 г., сочинение даровитого поэта Николая Устыяновича и др.).

Занимаясь литературой только в свободных от канцелярии годинах, наш Михаил уважал все-таки канцелярию головным поприщем своей дневной деятельности и своего звания да был тут всегда одним из наиприлежнейших чиновников. Однако, как мы то уже сказали, помимо всего прилежания, всей точности в советном исполнении своих обязанностей в судовом бюро, он надто долго не удостаивался соответного признания за свою добру и верную царю службу. И теперь-то именно с болезнью сердца приметил он, что сближался уже к сороковому году своей жизни, что многие школьные товарищи его уже и достигли высших чинов, и живут в лучшем быте с семействами, а он все еще на наинизшем чине, авскультантом старается и яко такой о женячце не посмеет и задумать! Не дивно, что при так долговременном застою и безнадёжности аванса настигла на него снова печальная хвиля недоверия в свои силы, как когда-то за вступлением на студии философские, - и, подозревая теперь, что труды его на судовой службе чей же или неудачны, или не под меру малые, он еще удвоил свою прилежность в бюро, исполняя тут найтруднейшие работы каждого дня за себя и за других, пребывая у своего пульпита дольше всех над обыкновенные часы канцелярийные.

От той поры он, который и так не во многих бывал товариствах, разве на приходстве и в касине, обмежил еще больше свое общение с людьми по-за канцелярией и оттак, творячи неяко насилие своей природе, стал нелюдим и бюрократ по преимуществу. Редко заходил он теперь в общества, даже свои прогулки ограничал лишь на один прямой ход до реки Днестра, в котором, по своему обыкновению, купался летом ежедневно с восходящим или западающим солнцем. И не довольно казалось ему того умноженного труда в бюро; он брал еще с собой недоконченные работы дня до дому и тут усовершал их не раз до поздних годин ночи или же переписывал дежурные выробы с наибольшей старанностью начисто.

Но даже и таким убольшением канцелярской ревности он никак не помог, а, напротив, еще и повредил себе паче всего у найнизших и найвысших слуг царского суда, которые обоесторонно смотрели теперь на Михаила неблагосклонным оком, а то именно первые (т. е. возные, где-якие дурнисты и канцелисты) недолюбливали его за то, что не раз за-для него принуждены были засиживаться в бюро дольше законного времени; вторые же (некоторые советники) на-ходили его элабораты, точно и всесторонне умотивованы, над меру просторонными, отже богато времени к их перечитанью вымогающими. Из взгляда на се последнее обстоятельство случалось, бывало, что не один советник аж задрожал при виду объемистых актов

якой судовой пересправы, вносимых возным для перечитанья в его бюро; и он же, советник, як и всякий в суде, ведал о тех толстых фолиалах, что се «элабораты авскультанта Качковского», который не только наибольше из всех в суде писал, но еще писал наибольшим из всех почерком - буквами на четверть цали великими и соразмерно тому толстыми. Сей оригинальный почерк нашего Михаила как и был для читанья всякому оку dogodный, но, наполняя целые фолиалы бумаги, ужасал не одного, кто имел обовязок тоже читать.

Один только был тут в суде чиновник, степенем высший от Михаила, оценивший иначе объемистые труды нашего прилежного авскультанта: был то судовой актуарий (ныне столько, что адъюнкты) именем Луцкий, который также над меру долго служил в низших чинах, а также чувствовал свою обиду супротив фаворизованных немцев и чехов. Той же п. Луцкий яко старейший и опытный судья не только почитал высоко нашего Михаила за его постоянный ревностный труд в бюро, но больше всего еще ценил и выдатные плоды того же труда, которые всегда были произведены не побечно, урывочно, а со всесторонним пояснением и вычерпаньем предмета да в заключении с засудом, имеющим полное основание и в законе, и в совести праведного судьи. Ту овою признательность для трудов и подвигов запознаваемого в суде авскультанта не залишал благородный он актуарий подносить при каждой надавшейся способности в судейском сенате, где имел он уже децизивный голос советника, и оборонял своего любимца перед всякой напастью, якая от стороны некоторых бюрократов поднималась иногда даже против приватного образа жизни Михаила, ухотившего, як известно, у многих за «чудака».

Само собою разумеется, что такое благорасположение к себе актуария Луцкого отвдячил наш Михаил самой искренней дружбой, которая тем нежнейшей объявилась в то время, когда оба сии добросовестные чиновники Самборского суду почувствовали себя претерованными, обиженными через долголетнюю застою их аванса.

Другой человек, значно молодший веком, для которого Михаил с первого познaкомления в бюро повзял особенную симпатию, был поляк родом, некий п. Лев Липский, вступивший с началом 1840 г. в звание практикующего канцелиста в Самборский окружный суд и перебивший тут до конца 1844 г.* Сей юноша, тогда 18-летний, определен был канцелярским помощником к нашему Михаилу, имевшему яко старший авскультант свое отдельное бюро, и, отли-

* Тот даровитый человек есть ныне отлично действующим, многоуважаемым секретарем громадской зверхности города Жолкви, и ему-то одолжены мы за многие с того времени о Михаиле известия.

чаясь прилежностью, хорошим почерком письма, а больше всего живопонятливым умом и честным характером, приобрел здесь вскоре благосклонность и приязнь у своего бюрового настоятеля. Для сего же последнего был он молодой друг тем пожаданнейшим приобретением, что после долгого времени нашелся тут для него случай стать снова ментором - наставником и учителем, которое-то звание, як мы уже не раз на се указывали, было як найбільше по сердцу Михаила.

Одарен свойствами настоящего ментора, принялся затем наш ав-скульптант за приятный для него труд дальнейшего образования своего молоденького друга, который в самом деле тогда по недостаточному учению в средних, ним свежо оконченных школах нуждался еще во многом для довершения своих знаний так в теории, як и в практике жития. И он же, г. Лев Липский, по собственному своему признанию, скорыстал за то время премного доброго от нашего Михаила, который, приметивши в самом начале, что юный поляк пишет протоколы по-польски с ошибками, и, укоривши его за то добросердно словами: «Jestes Polakiem, a nie wstydzisz sie Pan czynic grzech i krzywde macierzynskiej mowie», по власному побуждению и с наилучшей охотой выучил его основно польской правописи и стилистике, а кроме того, и в житейском отношении влиял на юношу-друга добрым примером и образцовой моральностью жизни. Наш убо Михаил, як се с особенной признательностью упоминает доньне о той поре его г. Липский, хотя окричанный был чудачком найбільше за для своего простого, ощадного способа житья, как и по поводу позорной рассеянности в обществах и монологов на самотных прогулках, но яко муж с правым спартанским характером возбуждал у всех мимовольную честь и действовал особливо на наймолодших примером своей высокоморальной личности. Другу своему Липскому давал он, звычайно с ним проходясь скоренько, умные наставления в словах коротких, лаконичных, но в каждом его слове выражался глубоко обдуманый принцип, а даже в чертах его лица при живой беседе высказывалась серьезная мысль и крепкая воля учить добру не самым говореньем, а действительным делом. Доверяя тому свидетельству, выданному о нашем Михаиле честным, а вовсе тут бессторонним поляком, мы можем ныне ясно вообразить себе, каким тот Михаил на своих молодших летах был отличным педагогом, юношества наставником и руководителем; можем ныне легко и то понять, для чего и он помещик от Любычи, сдерживавший его в своем доме гувернером около 7 долгих лет, в конце расставался с ним не иначе як по необходимой потребе и с найбільшим за ним сожалением.

Только на заключении 1840 г. повышен был наш авскультант, имеючи уже 39 лет от роду, на посаду судового актуария, с годовым жалованьем сперва в 500, потом (с г. 1841) в 600 зр. мон. конв. Тот аванс ободрил нашего Михаила и наполнил его лучшими выглядами на будущность; а что не меньше корыстным было для него, имел сей аванс свое влияние как на улучшение его житейского быта, так и на убольшение сберегаемого им ежегодно капитала. Як убо начал он был сперва от того, что, получая 200, а далее 300 зр. платежа, выдавал из той скромной суммы на свои житейские потребности только половину, с. е. 100 и 150 зр. в год, прибавляя другую половину до сложенного капитала; так от теперь определял он на житье лишь немного большую сумму, именно 200 зр. ежегодно, а прочими 300, потом 400 зр. убольшал свое коренное имение, которое при других еще законом определенных доходах за комиссии, на какие он с г. 1840 в звании актуария частейше выездил, доросло в г. 1844 до суммы около 6000 зр. мон. конв.

Следуючи показаниям достоверных людей, и которые о том времени знали его лично и жили с ним в близших сношениях, представим тут в беглых чертах образок домашней и канцелярской жизни его яко судового актуария (по-нынешнему - адъюнкта).

Обитал он в каменице с предпокоем под ч. 12 в самом рынку, имеючи тут одну просторную комнату с видом на фронт на 1 пядре. Комната сия была скромно вправде, но под каждым взглядом порядочно устроена, вовсе не показывая на скупость, а только на бережливую расчетливость да на замилованье в чистоте и ладу хозяина. С весны до поздней осени окна в ней затворялись только на ночь, несмотря и на докучливую иногда стужу. Зимую печь огревалась весьма мерно, а хозяин, если случаем был дома, ходил вечно по ней без халата или сурдута, надевая только для вступающего гостя легкий тужурок. До прислуги был тут звычайно хлопчик, який бедный студент, которого наш Михаил добирал себе всегда за знанием и препоручением школьного директора и за которого весьма часто исполнял меньшие послуги около себя сам.

Встаючи всегда дюже раненько, зимою он читал или писал при свечке, потом, если то был день торговый, выходил со своим служкою на торговицу меж селянок - куповати «с первой руки» съестные припасы, як то хлеб, сыр, масло, бульбу, яйц, всяких круп и овощей на запас целой недели для себе и для служащего хлопчика. Летом - а было для него лето от 1 мая до конца октября - он прежде всего шел в Днестр купаться, а потом еще пробегал кругом город в различных направлениях аж до часа открытия бюро канцелярийных. На снаданье в зиме пил звычайно вареное молоко с хлебом, в лете

съедал кусень хлеба да якти овощи, найчастейше на прогулке под открытым небом. Зато обед споживал в частных трактирных домах с наилучшим вкусом, не перебирая в стравах, которые все добры были для его здорового желудка. О вечеру он уже немного дбал и, перекусивши снова хлеба - то с малом, то с сыром - да споживши несколько яблок или других овощей, в зиме же обыкновенно печеных бульб, клался спать правильно о 9 часе вечер. Люльки ни табака не употреблял во всю жизнь никогда, напитков лишь изредка, в веселом обществе и то весьма умеренно.

В товарищества заходил редко; частейше бывал в касине, где после беглого перечтения газет заседал на годинку-две с яким добрым партнером до игры в шахи, единственной из всех товарищеских игр, которую довольно любил и в которой был игрок быстрый и нелегко победимый. В карты или бильярд не играл николи, а только иногда придивлялся играющим. В мясницы он не занедбывал являться прилично и на каждый бал, в котором чиновники принимали участие; но и тут только приглядался танцам и оставался не дольше, як до полночи.

В канцелярийном бюро он имел где-якие привычки, свойственные людям-систематикам и бюрократам, а доказывающие разом его бережливость даже в малейших вещах. На столе его и на пульпите все снаряды к писанью были всегда в наилучшем порядке, раскладаны и складаны ним каждого разу собственноручно, без употребления прислуги возных или слуг канцелярийных.

Что до делового его занятия в бюро, тое производилось ним не только в образцовом ладу, но и, к немалому удовольствию тяжущихся партий, поспешно и с належитым увзгляднением всех их мотивов и обстоятельств. Слабой стороной его как судьи были только личные истязания преступников, на которых он, оптимист от природы, нелегко познавался. Хотя убо при таковых истязаниях он всегда прибирал поверховно вид сурового инквизитора, хотя сначала порывисто выражал тут свое омерзение для преступления вообще, но при близшом рассмотрении сокрушенного или сокрушение симулирующего преступника, проворно извиняющегося, он вскоре становился сострадательным, даже мягким, затем иногда судьей не бессторонним в строжайшем смысле. Особенно оказывал он тую слабость супротив преступников-селян, грехи которых в самом деле проистекали часто не так от источника злонамеренных замыслов, як больше от грубого невежества или по увлечению минутного пристрастия. В таком случае наш судовой актуарий не раз заколебался, бывал в своем рассуждении нерешен, а то тем больше в разе ловко проведенной симуляции, на которой он, яко был добродушен и надмерно

доверчив, весьма редко порозумевался. Оттого-то часто происходила в нем она внутренняя чувств борьба, которая не раз измучила его морально и которая выражалась явно даже оными прославленными монологами на прогулках, звертавшими на него внимание и подив людей прохожих.

В подтверждение оптимистичного его характера, мало сходного со званием строгого судьи, наводим тут сей примечательный факт, сообщенный нам г. Липским: что когда случилось ему яко актуарию в первый раз реферовать в сенате дело о убийстве, то он, выголошав засуд смерти на преступника, яким был тогда случайно один русский селянин, содрогался весь, по несколькократно прерывал чтение засуда и в конце заплакал як дитя, производя трогательное в членах сената действие.

В г. 1841 переменялись на русском приходстве в Самборе духовные сотрудники: именно первый сотрудник Иларион Ильницкий, сам лучший друг нашего Михаила, перешел на парохию в Селец Мокрянского деканата, откуда дотеперешний приходник и самборский декан о. Василий Товарницкий переселился на свое новое приходство в Старую-Соль, а второй самборский сотрудник о. Петро Лозинский перенесся в Львовскую епархию, где и стал сотрудником при Успенской церкви в городе Львове. На место о. Ил. Ильницкого настал в то же время о. Иосиф Бержинский (р. г. 1810), высвященный в безженстве 1840 г., а на место о. П. Лозинского поставлен был в течение 1842 г. вторым сотрудником в Самбор о. Иоанн Коростенский (р. г. 1814.), посвящен в иереи 1839 г.

С о. Бержинским как человеком светового поведения, глядающим товариства, забавы и сутого угощения в домах заможных, преимущественно польских, Михаил наш не вступал никогда в близкое сообщение и сходил с ним только редко в доме дяди своего о. Автонома Реваковича. Зато с г. 1842 нашел он в лице нового второго сотрудника Самборской парохии отличного друга, который вполне заступил ему выселившегося оттуда о. Илариона.

Затем станем дальше рассказывать о сношениях Михаила с тем новым другом о. Иоанном Коростенским, уважаем уместным навести тут в сокращении автентичные известия о Михаиле, сообщенные нам именно оным высокопочтенным другом его о. Иларионом Ильницким, ныне парохом в Сельце Мокрянского деканата. Вот что пишет нам в том деле, между прочим, впр. о. Иларион из Сельца (в письме своем из дня 21 юния 1876 г.): «С Михаилом Качковским познакомился я в г. 1835, когда он был судебным авскультантом, а я приходским сотрудником в Самборе. От начала и всегда имел он великую для меня симпатию: запрашал меня с собой на свои про-

гулки, в свой дом, да бывал и в моем доме, что уважалось особенным из его стороны снисхождением, ибо в других домах он, мимо запросин, не бывал, разве только на Новый год, на Великдень или когда приличность dokonче того вымогала. И для того держано его за чудака. Но зимой ходил он каждого вечера в казино, которое уже тогда в Самборе было устроено, читал тут газеты, играл в шахи или придивлялся играющим в бильярд и в карты. В торговые дни заходил он меж толпы селян да любил тут с русскими селянками, особливо с хорошими, беседовать, отчего поговоривано о нем, что любит женщин. Но когда, бывало, я упрекал его, зачем не женится, отвечал звычайно, будто практичные люди говорили ему: живешь сам - имеешь одну журбу; женишься - достанешь их десять. Яко авскультант он обитал в одной комнате, потом яко актуарий в двух, всегда прилично устроенных, и давал запомогу якому бедному студенту. В церкви бывал в Недели и в Свята да искренно любил свой русский обряд. Раз зашли мы до приселка Бискович, где хотел он осмотреть дочернюю церковь Самборского приходства. Тут нарекал он, что ни в Самборе, ни в Бисковичах не было в церквах иконостаса, и советовал сделать складку, дабы устроить храмы наши точно по русскому обряду. Вообще, разговоры о поднесении блага Руси были уже и тогда любимым его тематом, яко чиновник был дюже ревный и совестный, а в своем раз повзятом судейском мнении никак не уступчивый. Знаю, напр., что, будучи еще авскультантом в бюро советника Ц., посперечался с тем же о засуде так жарко, что сов. Ц. во гневе воскликнул: "Ja pana wyrzuce!" - на что отрубался Михаил: "A jak ja bede mocniejszy, to ja pana wyrzuce". Тогда сов. Ц., немного охолонувши, закончил суперечку словами: "Nie moze panu odmowic zdolnosci, ales bardzo uparty", а Михаил притакнул: "Bom Rusin". Такие и тем подобные происшествия в бюро спинали его аванс, яко о том не раз говорили его товарищи-чиновники, почитавшие высоко его рефераты, писанные тогда, по их же признанию, найкрасшою латиною. Для протекторства, тем больше же для подкупства Михаил наш был строго неприступный, як о том добитно сведчит его поступок в процессе гр. Дульского из горожан, где яко актуарий при исследовании никак не дал себя подкупить. А как и любил он хоть бы наименьшую прислугу от других вынагорожати яком даруночком (вот, напр., четверкою добрых яблок, которых и сам богато споживал, купуючи их не раз за высокую цену), то сновь из другой стороны за свои прислуги, за добрый совет в делах правных не принял награды за ничто в свете, так что на его имении не тяжит ни за шпильку неправого приобретения - и затем оно принесет нашей Руси благословенство!».

Новый друг Михаила о. Иоанн Коростенский, бывший дотоле коадьютором при стареньком о. Василии Яновском в Гордыне, принадлежал тоже к числу многонадежных представителей юной Руси, отличаясь при том заровно, як и его молоденькая жена, хорошим образованием и симпатичным обхождением в товарищеском сожитии. Дружеское сообщение с ним было для нашего Михаила столько же благотворно, как перед тем с о. Иларионом, ибо оно имело всегда на цели не только удерживать приятное соглашение подружившихся сердец, но враз и взаимно образовать себя умными разговорами о предметах, дотычащих народности, которая уже мало-помалу ставала вопросом занимательным и насущным, особенно для приверженцев идеи юнорусской. Сам Михаил сознавался не раз с умилением в своей старости, что як и мало понимал он тогда еще стремления и цели якой-то будущей Руси, як и сильно потягала его иногда к себе преобладающая в то время Польша, могущая своим больше развитым образованием и общежитием: но «в присутствии и под личным влиянием сего русина-друга находил на него всегда русский дух, который будто отгомоял в сердце его свойским звуком русско-народной песни, милым позвоном скромной домашней церкви, а который решительно повелевал ему любить свое, держаться всего своего, что русское»^{*}.

Затем, хотя Михаил наш, по тогдашнему обычаю, как чиновник в великие лат. свята бывало заходил в латинский костел, но теперь, особенно за прибытием о. Коростенского в Самбор, привык больше навещать русскую церковь^{**}, которую и полюбил вскоре яко свою, родинную, матернюю святыню, где «русины-братья славят Господа по-русски». Тут благодатно действовал на него весь чин св. богослужения, совершаемый под проводом старенького дяди его о. Автонома Реваковича, а не меньше ободрительно влияло постоянное при таких богослужениях присутствие знакомого и в городе вообще поважанного мещанина старика Яворского, который яко имущий властелин двоих камениц в Самборе и яко старший брат соборной

* Почти теми словами выражался Михаил сам, бывши в мае 1872 г. у меня в Смерекове, когда случайно зашла беседа о о. Иоанне Коростенском.

** Сам же о. Иоанн Коростенский, ныне парох Грушова и настоятель Мокрянского деканата, в своем письме из д. 15 июня 1876 г. извещает нам о тогдашнем религиозном расположении Михаила следующее: «Михаил был любителем своего обряда, учащал в церковь и занимал тут последнее месце под хорами с президентом карного самборского суда г. Леськевичем, також русином, который, так як и тогдашний презес города Самбора г. Сокольниковский, отправлял пасхальную исповедь и причащался в церкви каждого года в Великий четверг».

городской церкви складал от искренней любви для той же церкви в пользу ее щедрые жертвы и всеусильно причинялся к поднесению ее славы и блеску.

А немалым же блеском воссияла именно о той поре русская церковь в нашем краю, имевшая тогда трех великого имени владык, яко митрополита Михаила Левицкого (рожд. в г. 1774), высоко почитаемого в иерархии целой державы австрийской, епископа Иоанна Снегурского (рожд. 1784 г.), изо всех в краю наиболее популярного, всеми любимого и действовавшего по преимуществу в духу русском, наконец, наймолодшого из них, епископа-суфрагана Григория Яхимовича (рожд. 1792 г.), который только что в г. 1841 с великим торжеством поставлен был в святители русской церкви во Львове, и которого наш Михаил издавна уважал и любил яко своего законоучителя из студий философии. По-при тех светло отличенных Руси святителях пользовались уже тогда розголосоm учености и широкой в краю славы русины - члены иерархии, як то особенно крылошане и доктора богословия во Львове: Венедикт Левицкий, Онуфрий Крыницкий, Яков Геровский, Иоанн Ильницкий; в Перемышле: Иоанн Лавровский, Фома Полянский (позднейше епископ), Григорий Гинилевич и профессор Игнатий Кубаевич. Имена тех мужей науки имели громкий звук в целой Галичине, даже за ее границу, и они были уже тогда порукою неоспоримого существования и будущей лучшей доли нашей Руси.

Почти всех тех знакомитых людей, светлых репрезентантов старшей Руси, видел наш Михаил лично в г. 1841, бывши власне д. 9/21 новембрия - в день торжественной интронизации Григория Яхимовича случайно во Львове; некоторые же из них, как именно кр. Геровский и Гинилевич, были с прежних лет добрые знакомые его, а один из венчаных митрой иерархов, протоигумен и архимандрит (с г. 1836.) чина св. Василия В., о. Орест Хомчинский, был даже его близкий сродник, происходя по матери прямо от родины Качковских.

Занявшийся с тех пор больше делами, относящимися к русской церкви, Михаил наш обратил теперь прилежнейшее внимание на словесные источники, которые могли были лучше познакомить его с церковной жизнью Руси от известного начала ее существования. А як и скудные были еще во время оно те урывочные источники, появлявшиеся за побуждением епископа Снегурского только в духовных шематизмах Перемышльской епархии с г. 1837 - 1845, но Михаил отчитывал и те с великим любопытством, узнавая из них много такого, о чем перед тем лишь недостаточное имел понятие. Были то именно статейки, объёмом от 7-14 листочков, но писанные

со знанием молодшими священниками сперва в польском, потом в латинском языке, печатанные в помянутых шематизмах на последних страницах, а о содержании которых говорят следующие их заглавия: 1) «O Księgach cerkiewnych ruskich» (статья, извлеченная из веденьского журнала «Oester. Zeitschrift für Geschichte und Staatskunde» из г. 1836) в шематизме из г. 1837; 2) «O Metropolitach ruskich» (статья о. Михаила Малиновского, тогда префекта семенища Львовского), в шем. из г. 1840; 3) «O wprowadzeniu i ustaleniu wiary chrześcijańskiej na Rusi» (статья о. Антония Добрянского, пароха Валявы под Перемышлем), в шем. из г. 1842; 4) «Quaedam de conversionibus Ruthenorum ad religionem Christianam» (статья о. Бенедикта Левицкого, профессора университета Львовского), в шем. из г. 1843 и 1844; наконец, 5) «Series Metropolitaram Kijoviensium» (без подписи автора), в шем. из г. 1845.

Со словесными русскими изданиями того времени познакомился Михаил при помощи друга о. И. Коростенского, который и тут заступал для него после о. Илариона место чтеца и интерпрета достойным образом. Но, к сожалению, тогда на оном поприще як старшая, так и молодшая Русь наша производила весьма мало, и единым средоточием эфемерно печатаемой русской словесности уважался все еще о. Иосиф Левицкий, который, переселившись в г. 1844 из Шкла на новый приход свой в Грушев Мокрянского деканата, сделал знакомство о том времени и с нашим Михаилом, находя в нем великого своего почитателя. Да, поистине сей последний почитал «первого» языкослова Галицкой Руси также и «первым» той Руси поэтом, хотя он же поэт сам никогда не делал на то особенных притязаний, уважан себя собственно лишь «знатоком» русского стихотворства, яким в самом деле выказался еще в первом издании своей грамматики в г. 1834. Впрочем, Иосиф Левицкий до г. 1844. написал лишь несколько подлинных стихков, как то были, напр., «Стих в честь Василию Поповичу, новопоставленному мукачевскому епископу», «В честь митроп. Михаилу Левицкому в день тезоименитства», печатанные в Перемышлях 1838 г., и «Стих в честь Григорию Яхимовичу в день его рукополагания в епископы», изданный во Львове 1841 г.; все другие плоды его на том поле были переводы из немецкого, як то Гетова баяда «Богиня» (Erlkönig), изд. в Перемышлях в г. 1838, да Шиллера романцы и баяды «Звон» (1839. г.), «Борьба со Смоком и Порука» (1842 г.) и «Водолаз, Ход до железной гуты и Рукавица» (1844 г.) - все изданы тоже в Перемышлях в русской епископской типографии (учрежденной еп. Снегурским еще в г. 1829). Изданный же в г. 1841 во Львове сборничок мелких стихотворений другого русского поэта, о. Рудольфа Моха, под з. «Мотыль» - яко плод в каждом взгляде слабый и малоценный - не удостоился внимания ни у

современников, ни тем меньше у потомства.

Больше, чем те книжные «стихи», любил сын матери Анны на прогулках с другом своим о. Коростенским слушать читанные тем же «Галицкой приповедки и загадки», собранные Григорием Илькевичем и напечатанные в Ведни 1841 г. Многие из тех приповедек пригадынались ему еще из лет дитинных с Дубна, а остроумнейшие из них учился он наизусть да при случае выголошал их с непритворным восторгом.

О «Gramatyce jezusa ruskiego» молодого тогда Ивана Вагилевича, изданной во Львове 1845 г., имел наш Михаил только понаслышке такое понятие, что она наилучша из всех до той поры печатанных и писанных грамматик русских. Такою же и была она в самом деле на том основании, что сочинитель ее умно воспользовался великорусской грамматикой Востокова, который и доныне в мире славянском уважается первостепенным языковедом. Ближе не познакомлялся Михаил наш с грамматикой Вагилевича, раз с причины, что не находил для специального изучения филологии довольно свободного времени, во-вторых же, потому, что еще тогда постоянно упорствовал он против русско-славянской азбуки, с которой, помимо всяких примирительных усилий о. Коростенского, таки аж до г. 1849 никак не мог погодиться.

Зато занялся он тем прилежнейше новым делом ученого Дениса Зубрицкого, изданным в г. 1844 во Львове под з. «Kronika miasta Lwowa» и с дней первого явления сильно расширявшимся в публике, особенно между русинами. Дело сие имело великий успех у нашей Руси наиболее по тому поводу, что под скромным заглавием «Кроники одного города Львова» оно предлагало собственно историю всего края Галичины, списанную в первый раз на основании самых верных документов, затем на основании исторической правды, затем с русским характером и в духе русском. А понеже к тому в сей примечательной «Кронике» не только указаны львовские местные архивы и архивальные числа наведенных документов, но также документы пояснены еще самою совестною и бессторонною критикой: то действие ее на прилежного, а мыслящего читателя было, как и есть всегда, глубоко убедительно - и по правде доныне нелегко бы найти другой книги даже в русском языке, которая бы делала была в пользу Руси столь могучей пропаганды, как именно тая «Кроника» Д. Зубрицкого.

Не дивно, что и на нашего Михаила произвела она «Кроника города Львова» неимоверное впечатление, да он, як в том сам не раз сознавался, не то читал, а студировал сию книгу с большим еще занятием и любопытством, чем когда-то русско-народные песни в

сборнике Вацлава с Олеска, делая из нее выписки, извлечения, хронологические табели, як бы готовясь к чиновному испытю. От тогда-то (с 1845 г.) начинается для него собственно период самопознания под взглядом понятия народности, так что, упоминая раз о том времени в разговоре со мною в Смерекове, он положительно сказал: «Перед тем я только чувствовал себе русином по роду и по униатскому обряду; а по перечтении “Кроники” Зубрицкого я познал себя русином по требованию истории и веры православной».

Затем памятный г. 1846 - год несчастного двойного мятежа: панов польских и селян мазурских - застал нашего Михаила уже русином с самосознанием, с ясным понятием о своей народности, смотрящим на Польшу как на сторону, Руси противную. Понятно отже, что события, потрясшие в месяцах феврале и марте того же года мазурским западом Галичины и появившиеся спорадично да не меньше с неудачным для Польши результатом также в русском нашем крае, как то именно в селе Горожанне (Самборского округа) и под местечком Нараевом, события те поучили и уверили еще тем больше Михаила, что владычество гордой шляхотской Польши в нашем краю есть иллюзией, выроенною по дворам и где-куду в ополяченных городах, а наспротив того тихие и смиренные еще тогда надежды русинов на лучший народный быт имеют свою будущность жизни, обеспеченную не лишь существованием многомиллионного сельского народа русского, но также категоричным повелением времени и последовательным ходом событий истории. Впрочем, имел тогда наш Михаил самые верные известия о том мятеже на Мазурах, потому что шурин его о. Георгий Галецкий, настоятель Канчужского деканата, был в то время все еще парохом в Залесьи под самым Решовом и тоже в нескольких письмах очертал ему живо события, происходившие около Решова и Тарнова*, следуя в своем очертании вовсе не вымышленным рассказам, а настоящей правде - как человек, в том деле бессторонний и по части наочный свидетель.

Летом того же 1846 г. наш Михаил поражен был ужасной вестью о смерти своего шурина о. **Петра Паславского**, пароха при церкви св. Варвары в Ведни, насильственно убитого в той же церкви на д. 24 юния оного же года. О примечательном муже сем подобает упомянуть здесь немного подробнее, найпаче для того, что и Михаил наш любил часто вспоминать о нем с самым нежным чувством не только как и добром супруге своей улюбленной сестры Юлии, но в особенности как о человеке с светлым умом, праведным характе-

* Так, город Решов, как и Тарнов, суть от давних времен филиями русско-го приходства Залесья.

ром и с теплым сердцем для Матери Руси.

Рожден в г. 1792 из отца дьяко-учителя в селе Лазах коло Ярославля, Петр Паславский уже с самой юности показал способность, свойственную дельным людям, а состоящую в стремлении к высоким целям о собственных силах. Без ничей помощи, только трудом своего ума покончил он все школы, ведущие к духовному званию, и в г. 1818, женившись с Юлией Качковской, при самом чине своего рукоположения в иереи в Перемышле обратил на себя внимание знакомого Иоанна Снегурского, ставшего власне тогда епископом Перемышльской епархии. Поставлен в то же время парохом в Боратынь около Ярославля, овдовел уже в г. 1820, и вскоре потом, в марте 1821 г., по желанию и за старанием самого же преосв. Иоанна выслан митрополитом Левицким со званием духовного сотрудника к приходской церкви в Ведень, где по возведении в епископы Иоанна Снегурского, до г. 1818. пароха при той же церкви, был приходником угрорусин, старенький о. **Иоанн Фогараш**. Само то определение к парохии в Ведни было в очах современного клира обоих епархий предестинацией великой доносности для о. Паславского, который поистине на своем новом становище в столице державы вполне удовлетворил ожиданиям своих владык и своих родимцев. Не только бо заступал он тут - сперва как сотрудник, с г. 1835 как парох, а с г. 1844 как почетный крылошанин - дела святой церкви русской с примерно повагою и соответным блеском, исполняя все богослужение точно по восточному обряду и проповедуя каждой Неделе слово Божье в языке русском^{*}; но к тому сделал он свой порядочно устроенный дом средоточием и приютом для всех во Ведень заездивших галичан, так русинов, як даже и поляков. Также знакомитые славяне, как Копитарь, Вук Караджич, Колярь, Людевит Гай, были его добрые знакомые и личный друзья, а первый наш языкослов Иосиф Левицкий пользовался его «Сокращенной русской грамматикой», составленной еще перед г. 1820^{**}.

Многоуважаемый муж тот, достигши 54 лет самой крепкой жиз-

^{*} В церковь св. Варвары в Неделе и Свята собирались, кроме нечисленных русинов, тем численнейше соплеменные славяне, как сербы, хорваты, чехи, а то именно и наиболее с целью, дабы послушать прекрасной проповеди русской о. Паславского.

^{**} Рукописи оной грамматики, яко и богатого сборника «Русских проповедей» о. Петра Паславского, четкою скорописью ним начертанные, сохранялись долгое время у брата его о. Гавриила Паславского, ныне пароха Равы-Русской, который от гимназийских школ даже до окончания богословия (г. 1833) жил и воспитывался в доме того же своего старшего брата о. Петра во Ведни. Помянутые рукописи, который и я сам видел еще в г. 1848, погибли, к сожалению, при случае великого пожара Равы-Русской в г. 1863.

ни, пал жертвою своего добродейания и священнического долга от злобивой руки таким вот печальным образом: в г. 1845 сголосялся до него некий молодой человек (именем Ковальчук?) происхождением из Самбора, который для продолжения студии на медицинском факультете в Ведни просил у о. Паславского себе содержания и помощи. Готов всегда помогать своим землякам и, уверившись, что реченный студент достаточно обучен в церковном пении, о. Петр Паславский выеднал для него провизорично чин дьяка при своей приходской церкви с годовым жалованьем 300 зр. Вскоре однако имел он справедливый повод пожалеть своего благодеяния для К., ибо тот оказался не только в службе своей неточным, но паче сего еще человеком безнравственным, лукавым. По той причине о. Паславский относился по несколькократно в Львовскую консисторию с просьбой, чтобы та же прислала ему в Ведень способного дьяка, которому он готов был, кроме постоянной платы, дать еще у себя и выгодное жилище. Но меж тем дьяк такой из Галичины не являлся, а с К. шло дело с каждым днем горше и все горше. В месяце мае 1846 г. прибыл во Ведень некий о. Прокопий, правосл. священник из Буковины, который для переведения некоторых тягостных дел своего прихода должен был сдержаться в той столице нисколько месяцев. Тот же бывал также в церкви св. Варвары, познакомился тут и с помянутым дьяком, с которым, зашедши одного вечера в якую-то господу, зачул от него при стакане пива беседы столь безбожные и богохульные, что со сгоршением опустил сейчас его товарищество, заповедавая ему внести против него жалобу к его настоятелю-пароху. В самом же деле на другой день рано о. Прокопий явился с такою жалобой у о. Паславского, наставляя в своей священнической ревности на немедленное удаление из церкви Божьей человека, который не верит даже в Того, Ему же по званию своему служит. Тогда о. Паславский написал уже к самому впреосв. митрополиту Михаилу Левицкому нарочно просьбу, о чем скорейшее прислание дьяка для своей церкви, а выжидая прибытия такового с дня на день, принужден был, в недостатку другого певца церковного, держать еще до времени сего человека. В тую-то пору он, хотя человек в самом расцвете своего мужеского века, но, вероятно, в видимом опасении перед местью злобивого безбожника, списал собственноручно свое предсмертное завещание*, сохранивши тое ж в бюро своем под

* По сему завещанию о. Паславский записал все свое имение в ценности до 1000 зр. в пользу русского женского монастыря в Яворове, брату же Гавриилу - свои книги, образы и священническую одежду. Между паперами его найдено тоже рукописную летопись Веденьского прихода, в которой он, между прочим, записал и о Спиридоне Литвиновиче, что тоже, заехав-

замком. И предчувствие его вскоре оправдалось самым страшным способом. Дня 24 юния помянутого года о. Паславский, совершивши по 8 часе рано св. богослужение в своей приходской церкви, зашел после того за великий алтарь, где по своему обыкновению еще с час у аналоя читывал из книг церковных дневные молитвы, весь погружен в богоговенье. Тую минуту употребил бессовестный лукавец к исполнению своего мстительного замысла. Забегши в дом о. Паславского, взял тут из кухни сокиру, повернул с нею, скрытою под одеждею, в церковь и, заперши туго изнутри, совершил на молящемся у алтаря слуге Божьем ужасное, доселе в летописях Руси неслыханное убийство, изрубавши освященную голову своего благодетеля многими смертельными ударами до непознания! Когда около полудни отворено церковь при помощи слесаря, найдено у алтаря труп о. Паславского, весь в крови лежащий, а в правой руке его пригорсть выдертых волос К...ка, служивших ораз доказом насильной обороны перед убийцею.

Для довершения того сумного рассказа об убиении о. Паславского прибавляем здесь еще, что мстивый безбожник не поперестал на той одной жертве. В своем разъярении он, выбегши из церкви св. Варвары, которой двери запер старанно, ключи и сокиру скрывши под одеждею, пошел оттуда прямо на передместье Landsstrasse - в тот дом, где на станции жил оный православный буковинец о. Прокопий. А тот же, можно сказать, по особенному благоволению Провидения имел случайно одного же дня столь богато занятия в городе, что там же остал и на обед и не вертал домой аж до позднего часа ночи. Затем злобивец К. от 9 часа рано целесеньный день присиживал в супротивном доме в кавярни у окна, смотря оттуда неустанно в ворота дома, где жил о. Прокопий, да ежевременно забегал и к его станции, с горячковым нетерпением выжидая прибытия своей другой жертвы. Аж под вечер, когда уже и до помянутой кавярни донеслись вести об утреннем убийстве в церкви св. Варвары, ба уже и по имени называно убийцу, за которым по городу следила полиция, - аж тогда сей лукавец удалился поспешно из кавярни и, не исполнивши своего другого дела мести, исчез из виду людей в мраках ночи. Только в четыре недели после того трагического события найдено где-то в корчах над Дунаем коло Ведня (в окрестности Augarten) труп зловонящий, на котором сконстатовано самоотруение сильною дозою арсеника, а в искаженном трупе познан убийца

ши раз в Ведень, в угодность латинянам служил там службу Божью – на оплату. Та летопись о. Паславского сохранялась в церкви св. Варвары, но где она теперь, не знаем.

о. Петра Паславского.

С приметным содроганьем чувств рассказывал наш Михаил то печальное происшествие, поразившее его летом 1846 г., и при каждой поминке о своем любимом шурина о. Петре Паславском выражался он с искренним убеждением: «Праведный был человек, с великим характером; если бы был прожил, непременно стал бы был Руси владыкою!».

В том же 1846. г. понес наш Михаил еще и другую страту, болейшую для всей его родины: старшая сестра Мария Галецка, бывшая его добродетелькой и как бы другою матерью за двократного побыту его в городе Решове (за гимназийских студий и за судебной практики в г. 1830-31), упокоиась в селе Залесьи под Решовом, оставивши в глубокой печали мужа-вдовца Георгия и две выданные дочери: Людвигу Ганасевичову и Каролину Феттерову. Женщина то была, как мы уже упоминали, живым темпераментом, быстроумием и всею своею личностью наиболее похожа на мать Анну, затем страта ее тем доемнейше опечалила сердце нашего Михаила.

Из литературных новостей того времени подивлял Михаил наш красивое издание русского альманаха, появившегося в г. 1840 в Ведни под з. «Венок русинам на обжинки, уплел Иван Ф. Головацкий» (Часть I). Сия книжечка, хорошенькая внешностью и содержанием, была одной из тех немногих плодов нашей словесности с периода до 1848 г., которые численнейше других распространялись в кружках русских, особенно меж молодежью - так в школах университетских, как и даже по гимназиям. Был убо тот «Венок» Ивана Ф. Головацкого (жившего тогда в звании войскового лекаря в Ведни) некая продолжением словесных трудов тогдашней молодой Руси, которая свой первый несмелый и меньше удачный выступ на поприще литературы сделала еще в г. 1837, издавши тогда за границу отечества, в мадыарском городе Будине, подобный альманах под з. «Русалка Днестрова» и стягнувши на себя тем изданием, а больше употреблением в нем новаторской, чудовищной орфографии негодование от стороны старших русинов. Альманах веденьского издания 1846 г., явившись в исправной форме что-до правописи*, избег негодования

* Такое же мнение о о. Петре Паславском высказывали многие другие поважные, а бессторонные люди, знавшие его за жизни лично, яко то между прочими выслуженный протоигумен чина св. Василия впр. о. Емилий Коссак, бл. п. кр. Гинилелич, Иосиф Ляврецкий, наш языкослов Иосиф Левицкий и др.

** Издатель выкинул только полугласную ъ на конце слов; но в II части своего «Венка», напечатанной г. 1847 тоже в Ведни, исправил и ту погрешность, употребляя во всем точно правопись славяно-русскую.

старшей Руси, а добором прекрасных статей и стихотворений самых ударованнейших писателей русских приобрел общую признательность и одобрение всей тогдашней нашей публики.

С сожалением только признавался Михаил на старости лет, что даже и той прекрасной русской книжечки не умел тогда еще читать сам, а давал ее себе отчитывать какому-то ученику Самборской гимназии, беглому в русской азбуки еще из сельских школ, - да и на старости пригадывал он с умилением, что «ни одна русская книжка перед тем не пленяла его так дюже, как именно сей веденьский «Венок», милый для ума и сердца содержанием, для ока же красивыми гражданскими черенками и белой бумагой». Особенно понравилась тут Михаилу поважная и ядреная проза обоих братьев Головацких, т. е. самого же издателя Ивана и славного нашего Якова, да из поэзий наибо́льше мелодийные песенки Маркиана Шашкевича: «Шуми, ветре, шуми, буйный», «Ох, ты, доле, лиха доле», и «Повеи, ветре, ветресеньку, там, где тужит мила», которые поистине все так аж просятся до спеву хором. Вообще уверился наш энтузиаст для «Венка» о великих успехах молоденькой словесности русской, наипаче под взглядом образования языка, который из-под пера юных писателей русских, восторженных на поре своего неснянного развития, выходил весь поэтичный, спевный и плавный, как тот чудный щебет певца весны - соловья.

Не меньше того занялся тогда Михаил наш и немецкой брошюрой под з. «Uiber die Zustände der Russinen in Galizien», изданной в Липску 1846 г., которую привез ему давний друг его о. Иларион Ильницкий, заездивший из суседней парохии Сельца часто в Самбор и тут с Михаилом дружелюбно сообщавшийся. Брошюра та была произведением резкого пера нашего Иосифа Левицкого, тогда пароха в Грушове Мокрянского деканата, который уже от г. 1843 начал сперва в чешской газете «Dennice» ученого И. Дубровского, потом в «Jahrbucher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft» д-ра И.П. Иордана помещать свои полемические статьи о печальном состоянии русской словесности в Галичине, стараясь строгими над меру выходками против митрополита Михаила Левицкого, кр. Иоанна Могильницкого и о. Иосифа Лозинского побудить дремавшую тогда Русь нашу к большой деятельности на поприще народном и литературном. А несмотря на то что выходки и упреки И. Левицкого против помянутых и других заслуженных мужей-русинов были под многими взглядами слишком пристрастны и на то время даже несправедливы, но вышереченная брошюра его, составленная из статей липского журнала д-ра Иордана, а списанная, впрочем, с жарким русским патриотизмом, была в лето своего появления сильно

распространена и производила побудительное действие у русинов. Она понравилась также нашему Михаилу, который тогда же выразил свой восторг перед другом Иларионом выше меры обыкновенной^{*}.

В г. 1847 дознал снова Михаил, дознала и самборская Русь чувствительную страту через смерть о. Автонома Реваковича, пароха при соборной церкви в Самборе, упокоившегося д. 9 апреля на 79 году жизни, а на 54 году своего священства. Яко родной брат матери Анны Качковской о. Автоном уважаем был самым близким да по преклонному веку найстаршим членом родины дубненских Качковских, которая в живых имела теперь уже только трех братьей, принадлежащих по своему воспитанию к генерации нашего XIX столетия. Со смертью о. Автонома утратила и «старосамборская» Русь одного с преимущественных своих репрезентантов, из числа которых померали еще перед ним старики: Трофим Качковский в 1841, Поликарп Качковский в 1844, Василий Яновский в 1845 г., а старшего от него уже в целом Самборском округе и не было.

Уронивши искреннюю слезу на свежоусыпанной могиле своего милого дядька, Михаил наш привязался теперь тем нежнейше до осиротелой его родины, состоявшей из матери-вдовы, 3 сынов и 4 дочерей. Особенно возобновил он тогда свою давнюю дружбу со старшим сыном Автонома о. Наркисом Реваковичем, ровесником и школьным товарищем своего брата Иоанна, в то время парохом Новоселок-Гостинных Комарнянского деканата.

И других добрых друзей своих встретил он в тую же пору в Самборе, заездивших частейше туда по случаю убежательства о сию парохию из соседних деканатов. В числе тех же были именно о. Николай Негребецкий, парох Купнович, комарнянский декан, и о. Иосиф Ляврецкий, парох Броницы и настоятель Мокрянского деканата.

Первый из них, о. Негребецкий, молодой веком (рожд. г. 1809), но отличенный заслугами как изрядный богослов и проповедник, начавши еще с г. 1833 свою душпастырскую деятельность в Порохнику Канчужского деканата, был отдавна добрым другом родины Качковских, больше же всего почитателем нашего Михаила, который еще за университетских своих студий во Львове учил его математике и латине. Дружба такая имела из обеих сторон крепкую связь, и она про-

* О.И. Ильницкий в своем письме изд. д. 21 июня 1876 г. дает нам о том событии следующее короткое, но характеристичное справозданье: «Когда в г. 1846 вышла брошюра "Zustande der Russinen in Galizien", а я получил ее до перечитанья, поехал я до Самбора, дабы тую ж моему другу Михаилу как ревнителю - русину прочитать. Я встретил его по обеде вертающего домой; он запровадил меня до себя, а по перечтении сказал мне: "Tos mi rap przuyetny dzien w zyciu zrobil," послал по воду Щавницку и вино да угощал меня – хотя то не было у него звычайем».

должалась даже до смерти о. Негребецкого, последовавшей в 1858 г.

Второй из тех друзей Михаила, о. Иосиф Ляврецкий, о котором еще не раз придется нам упоминать в дальнейшем течении сего биографического очерка, достоин уже и на том месте нашего близшего с ним познания. Рожден в г. 1797, он кончил с отличием все студии, именно гимназийские школы в Перемышли, философию и богословие во Львове да, высветившись в г. 1821 безженным, сперва был капеляном при епископе Иоанне Снегурском, потом около 15 лет священником при ц. к. галицком полку, в крепости Оломуцу стоящем, а спенсионовавшись яко такой в г. 1839 (с жалованьем 600 зр. м. к.), жил приватно во Ведни, с ревностью помогая своему давнему другу о. Петру Паславскому в деле поднесения лепоты восточного обряда в русской приходской церкви св. Варвары. Повернувши в г. 1843 в Галичину, получил парохию Броницу и вскоре потом чин декана мокрянского, а яко муж со всесторонним образованием и розголосоный ревнитель русского обряда был еще за жизни недугующего о. Автонома по общему мнению предопределен его наследником на Самборскую парохию, которую и обнял он вскоре после того же смерти из назначения консистории, действуя тут со славою как самборский декан и крылошанин даже до своей кончины, т. е. до 26 декабря 1873 г.

Дружба Михаила с о. Ляврецким была не так давной даты, но милая своим зачатием - в доме о. Петра Паславского в Ведни, где Михаил наш пребыл несколько дней своей летной отпуски в г. 1840 и уже на первой встрече с тем отличным мужем возымел для него высокую честь и искреннюю приязнь. Поистине бо был о. Ляврецкий из природы одарен такими свойствами души, которые поневоле пленяли сердца всех, возбуждая в них, безусловно, доверие, соединенное с уважением и любовью. Яко человек в свете бывалый, собиравший опыты и ведомости так на палатах, як и в притонах нужды, в больницах и лазаретах войсковых, он познал людские недуги души и тела во всех их проявлениях, да яко правый гуманист старался исцелять их богатым запасом знаний из области наук не только своих специальных, но и медичных, до которых от юных лет имел особенное замилованье и собственно призвание. Потому-то издавна прослыл он между людьми природным лекарем, да и сам он пользовался тою славою вовсе не для зыску, а для заспокоенья своих благородных стремлений - на благо недужного человечества.

* Ровной славою «чудных лекарей» пользуются еще и донине два оо. Ляврецкие в Сяноцких горах, куда заезжают к ним от всех сторон края особенно люди, страдающие грудными болезнями. Видно, что призвание к лекарскому искусству есть в родине Ляврецких наследственно.

Само собою разумеется, что личная дружба с тем примечательным человеком, к тому самым лучшим патриотом русским, была для нашего Михаила весьма пожаданна и на него благотворительна, хотя после того возобновления ее в Самборе друзья наши вскоре снова разлучились на целых 8 лет (до октября 1855 г.), по истечении которых, еще раз соединившись, жили уже оба в тесной дружеской связи таки до смерти, временно одна с другою недалекой.

На летних месяцах того же 1847 г. достигал Михаил наш уже 45 лет жизни - достигал веку, который обычно уважается уже переходом к пределам старости, а еще не утвердилась, ба почти не повстал в нем серьезная мысль о женитьбе - той высокой цели житья каждого добросовестного человека. А выдается-то даже удивительно, что муж, такой крепкий, здоровенный, одаренный хорошими свойствами души и сердца, а к тому отъявленный энтузиаст для женского пола, допустил тут «наилучшим летам» пройти мимо, не женившись, не ставши хозяином своего дома семейственным. Но уменьшится наше удивление, если пригадаем прежде всего чрезвычайную живость его характера, не дававшую ему ни предмета любви себе постоянно позыскати, ни влюбиться так на-серию и с такою постоянностью, як того для заключения супружеских союзов поистине требуется. Кроме того же, был он через 8 лет найкрасшой «жениховой» поры акцесистом да авскультантом с так скромным годовым жалованьем, что направду о жене не смел и подумать; потом, за получением большой платы на посаде актуария, последовали оные холоднейшие 40-е годы жизни, в которых человек не так уже скорый до женячки, а если и женится, то больше по расчетам тверезого рассудка. А на таковую женитьбу казалось нашему Михаилу еще довольно времени в будущности, и он «ждал затем себе поры, аж коли дослужится золотого колиеря, с которым и жениться можно тем корыстнейше».

Но таки и с «золотым колиерем» не было суждено Михаилу жить женатым и отцом семейства.

Дня 7 юния 1847 г. получил он царский декрет, именующий его криминальным советником с жалованьем 1200 зр. м. к. в год, но враз же определяющий ему круг действования в том новом звании где-нигде, а то при карном суде в местечке Висяиче - на Мазурах. В силу того декрета обязан он был опустить милую Самборщину, где уже с людьми близко сжился и где по своему плану рад был как советник в доме какого русского священника ожениться, - готовился сейчас переселяться в чужой сердцу свет, да так и видел себя принужденным отречься повзятой мысли о женитьбе уже по той причине, что, как сам он часто твердил, «нельзя русину жениться

с мазуркой»^{*}. На Мазурах вскоре «заскочил» его 1848 год - возрождение Галицкой Руси - участие чем-раз больше взмогающееся в подвигах той же Руси народных, в издательствах ее литературных, дальше разбудилась вновь наклонность к путешествиям за границу, наконец, старость, а с нею тем большее жертволюбие для духовых благ нашей Руси - самые-то события, которые одно за другим все сильно отвлекали от женячки и решительно побудили нашего Михаила стариться да умереть стариком на 70 годах жизни безженным.

Повертая назад к рассказу о достопамятном для Михаила авансе его из актуария в советники, упомянем тут и о вероятной побудке к тому авансу, как о сем рассказывают сведущие тех дел люди. Михаил - так гласит сие предание - удался в начале 1847 г. по совету яко-го-то знакомого русского иерарха (чей же которого из трех наших владык) с письменной просьбой к царскому престолу, в которой, жалующись на двократное претерование свое при номинации советников ц. к. суда, заявил себя «лояльным русином, который ведай ничем не отстоит от лояльных поляков, прежде него авансовавших»^{**}. Имела ли та просьба свое действие, или попер ее своим влиянием кто из русских иерархов, у царского двора тогда поважанных, не знаем; довольно, что в течение того же года именован «лояльный русин» в самом деле советником - на Мазурах! О тую «ссылку на Мазуры» он не просил вовсе; но она может еще ныне послужить доказом, что в высших судебских сферах уже и во время оно были очи, которых заколола «русская лояльность» просителя.

Возрадовавшись и вместе опечалившись своим номинационным декретом, наш советник сейчас изготовился к переезду на свое новое становище да, попрощавшись чувствительно с самборскими друзьями, отправился в дорогу, завертая тую аж на Львов с такой нарочно целью, дабы там отбыть службовые и церемонийные визиты у высших властей и лиц по случаю своего аванса. Исполнивши тот необходимый долг во Львове в новосправленном мундире «с золотым колиерем», он не преминул зайти и к преосв. епископу-суфра-

^{*} Один его сродник, упоминая о побытии Михаила на Мазурах с г. 1847-1855, пишет нам следующее: «Jego przeicie sie literatura ruska tak go zajmowalo, ze niezostawil sobie czasu pomyslec o potrzebach osobistych, - a nie majac w Wisniczu zadnej komunikacji z ludzmi swej narodowosci, zapomniał i ożenic sie».

^{**} Один добрый друг Михаила цитует вам из той же просьбы даже следующие слова: «Wahrscheinlich – für einen Pohlen gehalten – bin ich praeterirt; doch bin ich kein Pohle, sondern ein loyaler Ruthene». Нам кажется, текст русский, повыше наведенный и списанный со слов одного чиновника, больше властивым содержанием помянутой просьбы.

гану Григорию Яхимовичу, который повитал его как давно знакомого ученика своего, радуясь о его возвышению на службе царской, и благословил его на дальшую счастливую путь жизни.

Из Львова поехал Михаил наш прямою дорогою мимо Перемышль, где задержался так же с нарочной целью, дабы представиться тогдашнему настоящо русскому владыке кур Иоанну Снегурскому. Представление то навсегда милым стало памяти Михаила так по поводу сердечной искренности, с якой принял его у себе популярный тот и наиболее улюбленный Руси святитель, як и по тому приятному обстоятельству, что весь разговор с ним отбывался от начала до конца в русском языке. Владыка Руси задержал у себе советника-русина на целый день, беседовал с ним прилюдно о всей его дубненской родине, которую знал и любил как свою братию, как своих детей, - особенно же выражал по несколькократ свое сожаление о смерти о. Петра Паславского, столь несчастно случившейся перед годом, да из другой стороны не залишил похвально упомянуть о брате того же Паславского о. Гаврииле, которого сборник «Наук парохияльных» - первый труд того рода в галицко-русском наречии - издан был недавно (I часть еще в 1842, II часть в 1846 г.) в Перемышльской епископской типографии. Также возвестил он при той случайности Михаилу, что намерил овдовевшего шурина его о. Георгия Галецкого, тогда пароха в Залесьи и канчужского декана, спровадить в Перемышль в звании пароха соборной церкви и крылошанина*.

Ободренный на той гостине у перемышльского владыки в своем русском патриотизме и одушевлен архиерейским благословением, Михаил отправился дальше в свою дорогу, посетивши на проезде еще своего старшего брата о. Иоанна в Дубне и своего шурина о. Георгия Галецкого в Залесьи под Решовом, сообщая тому последнему приятную весть о предстоящем назначении его в иерархи Перемышльской владычой капитулы.

Не скорше как в месяце августе того же года прибыл он в определенное для его службы мазурское местечко Виснич, а уже в другой половине следующего месяца достигла там его печальная для целой Руси весть о смерти Иоанна Снегурского, последовавшая после короткой болезни в Перемышли д. 12 (24) сентября 1847 г. Як и прискорбно подействовала та весть на русинов вообще, а на

* Сие намерение исполнилось и в самом деле вскоре по смерти преосв. Иоанна Снегурского в 1848, и тогда на место переселившегося в Перемышль кр. Г. Галецкого стал канчужским деканом о. Иоанн Качковский из Дубна, бывший уже сверх 10 лет вице-деканом и куратором библиотеки деканальной, а парохом в Залесьи – зять кр. Георгия о. Юлиан Ганасевич.

Михаила нашего в особенности, который еще так недавно видел сего изрядного благодетеля своей родины совершенно здоровым и помимо его 63 лет веку не стариком, а крепким мужем; но из другой стороны ободряло всех и поднесло на духу вскоре распространившееся известие о предсмертном завещании владыки Иоанна - самом прекрасном помяннику его жизни и кончины святительской. Завещание то, учреждающее великодушно всем имением покойника значительные фонды в пользу просвещения и духовных успехов Руси, укрепило Михаила еще в большой чести для приснопамятного святителя и уверило его в той правде, что муж он, который «стремил и достигал до великих целей, был истинно великим». То ж и сознавался Михаил наш на старости лет, что именно уже то векопомное завещание Снегурского возбудило в нем по первый раз желание и мысль последовать его примеру в случае присбирания щедрейших средств в будущности.

Упомянем еще о новом месте пребывания Михаила - о мазурском местечке Висниче. Оное местечко, считая 2300 душ мазуров, а 2500 евреев, принадлежит к числу самых малозначных городков данного Бохенского округа, не имея, кроме каменного здания когда-то кармелитского кляштора, кроме почты и тривиальной школы с одним учителем, впрочем, ничего больше, что различало бы его от соседних мазурских сел, разве что имеет оно еще и так званый рынок, переполненный еврейством. Одна только околичность, что в сем местечке Висниче, когда-то «дворской столице» воеводы Станислава Любомирского, построил тот же воевода Польши после своей Хотинской победы над турками в 1621 г. великий каменный кляштор для босых кармелитов, поднесла значение оного местечка не лишь за Польши, но и за владения Австрии. Сталось бо так с помянутом кляштором, что австрийский царь Иосиф I, уничтоживши в г. 1763 чин кармелитов в Висниче, перетворил порядочные кельи их в хранилища для криминальных арестантов Бохенского округа, - а понеже к тому в пространном кляшторном здании находилось еще довольно больших комнат и зал, пустою стоящих и к бесплатному помещению канцелярий весьма удобных, то он же, благоразумный монарх, учредил тут с г. 1780 также ц. к. карный суд, который и существовал в Висниче даже до новейшей организации, т. е. до г. 1855.

К тому же карному суду в Висниче определен был с г. 1847 в звании советника наш Михаил, которому, очевидно, после дотеперешней службы его в Самборе, имеющем сверх 12 000 жителей, всякие дикастерии чинов да, кроме мужских и женских головных школ, еще и полную гимназию, выдался теперь городок Виснич именно тем, чем и был: местечком, несмотря на хорошую подгорскую

окрестность, нужденным, заглохлым и от еврейства занечищенным. Но помимо того всего он, природный - як сказано - оптимист, вскоре удомашилня и тут, привык яко-такo и до мазуров, несмотря на многие свойства, различающие их некорыстно от русинов.

Дабы еще хотя мимоходом показать душевное настроение Михаила на первых порах побыта его среди мазуров, наводим тут из письма, в 15 месяцев по приезде в Виснич писанного им к давнему другу о. Илариону Ильницкому, следующий занимательный урывок: «Gdym jeszcze w tamtych zostawal stronach, mialem z panskiej laski niemala o postepie literatury naszej wiadomosc, a nawet z cyrylika obznajomilem sie niecos. Tutaj poprzestac musze na marzeniu o drogiej mi narodowosci i mowie naszej, i na odspiewywaniu niektorych piosnek w jezyku naszym... Wreszcie kontent jestem, jezeli temi piosnkami luba jaka Mazurke zadowolnic potrafie. (Zwrotka znanej panu zapewnie piosneczki: “U susida chata bila – u susida zinka myla; a u mene ni chatynki – ne ma szczastja, ne ma zinki”, - najbardziej sie tu naszym molodycom podoba). Chociaz Wisnicz przy pieknych, a nawet zachwycajacych okolicach i niektorych innych przyjemnosciach – ma te dla urzednika, wojazowac lubiacego, bardzo wazna dogodnosc, ze w kilka godzin mozna byc za granica, zem tedy z dotychczasowych dla zwiedzenia cudzych krajow przeznaczonych urlopow w Galicyi prawie nic nie potrzebował utracic; to mie cos przecie w ruska Galicye ciagnie i z kazdym dniem przekonuje, ze i ja podlegam temu, co Niemcy Heimweh nazywaja».

Предоставляя дальнейшее описание чиновных событий от 1848 года к II части биографии Михаила Качковского, мы не можем воздержаться, чтобы не дать здесь еще короткий загалный очерк всей его службовой деятельности при ц. к. суде, выписанный из чиновнического «Personalstand-Ausweis», який о нем и дoныне сохраняется в дoтычных судовых архивах. Ото сей «официальный выказ» в русском переводе: «Михаил Качковский служил непрерывно от дня 19 марта 1832 года - а то до 2 юлия 1833 яко акцесист при ц. к. галицком апелляционном суде, - а до 6 юния 1847, частью как авскультант, частью как актуарий при Самборском ц. к. карном суде; от 7 же юния 1847 до 28 сентября 1855 яко ц. к. криминальный советник (Kriminal-Rath) при ц. к. карном суде в Виснице; а от 29 сентября 1855 служил он, вследствие решения, в министерии правосудия из 29 юния 1855 яко ц. к. советник краевого суда (Landesgerichtsrath) при ц. к. окружном суде в Самборе с годовым жалованьем 1600 зр. мон. конв.; в году 1857 поднесен в высшую степень жалованья в 1800 зр. мон. конв., а в силу закона из 24 апреля 1869 года вызначено ему жалованье в 2000 зр. а. в. - решением из 20 марта 1872 пен-

сионован с полным жалованьем и с наданием ему титула советника высшего суда краевого (Oberlandes-Gerichts-Rath), а дня 8 августа 1872 на путешествии из Швеции в Россию помер в Кронштаде».

ВЕСНА 1848 ГОДА

Прибывши под осень 1847 г. в новом своем звании криминального советника в мазурское местечко Виснич, наш Михаил застал тут при ц. к. карном суде, состоящем из председателя, 6 советников и с 10 подрядных чиновников, одного русина, тоже попovichа, веком о год молодшего, по летам службы и авансом старшего. Был то именно криминальный советник г. Константин Кмицикевич, с которым от первого же дня познaкомления в Висниче завязал Михаил наш самую теснейшую дружбу, сохраняя ту неизменно даже до своей смерти.

Тот новый друг, висничский «Диоскур» Михаила, принадлежащий с 1848 г. к числу явных патриотов русского мирского сословия, достоин из обоих тех взглядов близшего нашего познaкомления, которому и посвящаем тут следующий биографический очерк:

Константин Кмицикевич, сын священника о. Иоанна, бывшего парохом в Дикове Олешицкого деканата, родился в г. 1803, а, отличаясь с самой юности великой прилежностью в науках, предназначен был, заровно как наш Михаил, к правничным студиям, по окончании которых во Львове в г. 1826 избрал, подобно ж Михаилу, практику при ц. суде, исполняя тую же сперва во Львове, потом с г. 1828 при карном суде в Висниче, где пробыл авскультантом 8 лет, а то первые 4 лета бесплатным, другие с годовым жалованьем 200 зл р. мон. конв. В г. 1836 он именован был судебным актуарием с 700 злр. жалованья и в том звании перенесен к апелляционному суду во Львов, где, пробывши на службе дальших 4 лет, поднесен был в г. 1841 на степень криминального советника, а яко такой выслан того же года снова на Мазуры в городок Виснич. Тут действовал он в звании советника других 8 лет*, потом, в мае 1850 г., именован апелляционным советником при высшем краев. суде во Львове, откуда при новой организации судов в г. 1855 перемещен был к апелляционному суду в Краков, а в г. 1862 назначен снова к высшему краевому суду во

* Тот вторичный побыт его на Мазурах стал роковым в его жизни: познaвшись в г. 1847 в Висниче с донькой одного тарновского обывателя, венчался с той же в Тарнове 1851 г., но в несколько лет потом жена сия опустила его своевольно и тем подала повод до разлуки навсегда в дороге правной.

Львов, где служил уже беспрерывно до 1869 г., в котором-то году и спенсионирован после 41 лет службы с полным жалованьем 2500 злр. ав. Участвуя с г. 1848 в подвигах возрожденной Галицкой Руси яко член знакомитых обществ ее, именно «Матицы» и «Народного дома», он, по выслужении ц. службы в г. 1869, принял павший на него выбор первого старейшины Львовского Ставропигийского института и в том звании действовал три лета с прилежной ревностью, доколе усилившаяся недуга очей на преклонном веку не побудила его отказаться от принятия выбора такого же на дальшее время.

Дружеское сожитие сов. Кмицикевича с нашим Михаилом в Висниче, продолжавшееся полных два лета, совпадает с самым интересным периодом истории нашего края - с периодом потрясающих волнений и переворотов, которые по природному развитию событий опрокидывали давние социально-политичные основания, а заготовляли новый лад во всех отношениях тукраевого жительствова.

Именно в западной части Галичины, среди жаркокровных мазуров, тот период переворота (революты) самым грозным способом объявился еще в начале 1846 г., и когда Михаил наш под осень 1847 г. проездил в Виснич мимо округи Решовский, Тарновский и Бохенский, он встречал тут по дороге еще следы того грозного времени: зруйнованы панские дворы и свежоусыпанные могилы панов - шляхты...

В самом же Висниче он нашел на новом поприще своего действователя - в криминальном местном суде - целые стопы тяжбных актов, относящиеся к ужасным событиям 1846 года, а многие из тех, еще не покончены, переданы были ему в реферат к судейскому разрешению. Тут-то изучал он наглядно и у самого источника деяния мазурского бунта, изучал целую хронику той дивной ребелии тем основнейше, что руководителем и верным интерпретом был ему здесь сов. Кмицикевич, в исключном реферате которого находились именно головные эпизоды революты на весь Вадовицко - Бохенский округ и на часть Краковской области.

Он-то, сов. Кмицикевич, указывал тут своему русскому другу Михаилу крепкие здания Висничского замка и когдашнего кармелитского кляштора, построенные в XVI и XVII столетиях воеводами Кмитами и руками пленников татарских за славного воеводы Станислава Любомирского; указывал подземельные в них вязничные кельи, в которых за времен Польши схоронялись уголовные преступники да полоненные старшины из войн русско-казацких и татарских, а в которых-то обоих зданиях - дивным поведением судьбы - за владения Австрии в оном 1846 г. затворено сверх 300 людей-поляков, большую часть панов-шляхты, разбитых малым отрядом

ц. к. майора Бенедека в потычце под Гдовом, но на бегстве соромно половленных, сповязанных и приставленных мазурскими селянами к суду криминальному в Висниче.

Дивную судьбу тех каменных зданий польского Виснича подивлял наш Михаил теперь на самом же месте, да еще о дивнейших событиях Польши из того бедственного ея времени уведал он тут тем основнейше так от своего помянутого друга, как и от бессторонних людей местных, именно: что в мазурских округах, когда происходил он, несчастный мятеж, чиновники судовые и политичные, так поляки, як и немцы, одни заповедали себя недужными, другие укрывалась не зная куда, и затем целое дело усмирения и суждения бунта поверено было почти исключительно тем немногим высшим чиновникам-русином, якие случайно здесь на службе царской оставались, а которые одни за прочих недужных или скрывшихся каждоденно здоровы в чиновные бюро являлись. Так, напр., в Тарнове, в самом ужасном центре мятежа, принуждены были исполнять сию тяжелую и опасную задачу политичные комиссары высшей степени, русины-поповичи Антоний Калитовский и Иоахим Хоминский, из которых особенно тот последний за приобретенную еще давнейше популярность свою между мазурами-селянами стянул на себя пристрастную ненависть и наичернейшие клеветы от стороны панов-шляхты; в Висниче же передано было в оное время не только судовое делопроизводство с политичными преступниками, но и относящееся к тому личное сообщение с «недужным» Бохенским староством крим. сов. К. Кмицикевичу, который один из всех чиновников Висничского суда был тогда здоров и имел отвагу ехать в Бохню сквозь толпы вооруженных селян, стоявших грозной стражей по всем дорогам против панов-поляков. Даже и в Самборе реферат горожанской sprawy в том году поверен был преимущественно нашему Михаилу Качковскому, тогда актуарию Самборского суда, отличавшемуся всегда крепким здоровьем и цивильной чистой совестью отвагой^{*}.

И мимоходом скажем тут, что, хотя те чиновники-русины за верное исполнение своих обязанностей подверглись были непростибельному гневу и очернениям со стороны аристократов польских, но отличные свойства и добросовестная деятельность их на царской службе приобрели признательность в. правительства даже в

* Из достоверных уст знаем, что в то время один богатый помещик от Горожаны, подверженный за участие в мятеже судовому исследованию, предлагал нашему Михаилу великий откуп за себя в золоте, но дознал за то соромной укоризны и тем строжшего засуда, который, однако, заровно как и подобные другие, не был исполнен вследствие выданной вскоре потом монаршей амнистии для политичных преступников.

то время, когда польская партия в краю нашем снова заняла было больше влиятельное становище. Так, напр., оба наши судовые советники К. Кмицикевич и М. Качковский удостоились значительного аванса при случае нового устройства судов в году 1855, а окружные комиссары наши Тарновские, А. Калитовский и Иоах. Хоминский, стоявшие по своему званию в непосредственной зависимости от краевого наместника, каким в нашей Галичине был от года 1849 с невеликими перерывами даже до своей смерти (1875 г.) гр. Агенор Голуховский, польский аристократ *per excellentiam* - те комиссары достигли впоследствии за того же гр. Голуховского также самых высоких достоинств, именно был первый окружным старостой сначала в Новом-Сонче, потом в Жолкви, наконец-таки в Тарнове, второй же - директором полиции во Львове.

Повертая назад до наших висничских друзей, с удовольствием записуем тут, что как один из них за своего долголетнего pobytu в Виснице уже отдавна позыскал себе повагу у чиновников-товарищей и местных жителей, так другой за первым же явлением в году 1847 обратил на себя внимание всех особенно своим демократизмом в способе житья и поступания, отличавшим его корыстно в очах численной низшей версты жительства от прочих высшего чина слуг царских. А як и сходны были во многом свойства их в отношении точного и прилежного исполнения обязанностей службы - свойства, известные у мазуров только по названию «твердорусского характера», но, из другой стороны, оба наши «твердые русины» сохраняли и тут свои особенности по внешней форме житья-бытья, которые различали их друг от друга почти противоположным образом. Так, напр., сов. Кмицикевич провадил издавна дом открытый для всех, бывал в гостях у товарищей-чиновников и у поважнейших мещан, а обходячи у себе ежегодно русские свята довольно выставно, принимал на Роздво, на Великдень русский и на русского ц. Константина в своем доме численных гостей, заявляя себя среде мазуров в тот способ как остентацийно русином. Насупротив того, сов. Михаил, хотя, по преданию, у многих уходил даже за богатшого, чем был поистине, не отступал ни в наименьшем от своего надмеру скромного образа жизни, не бывал в гостине у никого, кроме у друга своего сов. Константина, которого не раз таки укорял за «сутые прийма мазуров» и не принимал у себя в нанятом малом домку людей, разве по чиновному делу.

Лишь на своих ранних или вечерних прогулках Михаил наш, не смотря на гордое чувство, якое имел он о своем звании яко судовый советник, любил часто заходить в скромные хаты предмещан или блискоокрестных поселян, будь то «на молоко с разовым хлебом», а

собственно с той целью, дабы ближе познакомиться с характером и домашним бытом мазуров. Деланные тут опыты его утвердили в нем повзятое давно понятие о превосходстве русского селянина над мазурским под взглядом моральным и эстетичным, да помимовольно возбуждали они в сердце его тоску до родной Руси.

Единый «збыток», якогo тот «скупой для себя советник наш» себе позволял, были, по уверенью его друга, обильные запасы добрых винных яблок, за которыми он не раз ездил в Бохню или даже в Краков, куповал их дорогой ценой, не торгуючись*, и сохранял так у себя дома, как и в канцелярийном бюро, споживая их ежедневно неимоверное количество. А была в тех яблоках, по мнению самого ж Михаила, наилучшая пресерватива для него против жарких напитков, до которых привыкать он всегда опасался, а которые вообще после спожитья большого запаса винных овощей вкусу нияк не сприяют, ибо, кажется, в таком случае суть уже для человека совсем излишние.

Но меж тем приближался достопамятный год 1848, год великих реформ и перетворений в Европе, ставший и для нашего Михаила новым периодом жизни и действия на всю его будущность.

Сему неизмеримо важному времени должны мы на том месте посвятить больше обстоятельную восминку, стараясь пояснить оное в таком смысле, якогo свойственный был тогдашним репрезентантам нашей Руси, к числу которых вскоре явно записались также пребывавшие на Мазурах советники наши М. Качковский и К. Кмицкевич.

Мы уже выше упомянули, что время социально-политичных переворотов самым грозным проявлением началось в нашей Галичине еще с года 1846, именно от злопамятного бунта на Мазурах. Примечаем же тут, что и вообще известно, яко подобные бунты селян против шляхты не были редкостью в истории давной республики польской; но ни один из таковых бунтов не имел столько роковых для шляхотской Польши последствий, что сей мазурский в помянутом году. Несмотря бо на упорно голошенные извинения панов-поляков, что затеваемая нами тогда революция против Австрии «не удалась будто по поводу подкупления мазурских селян чрез орудия абсолютистичного министра кн. Метерниха», несмотря на те ловкие извинения, уверилась из самого факта того селянского мятежа, во-первых, вся Европа, что шляхотская Польша в Галичине не имеет

* По рассказам сов. Кмицкевича, Михаил наш, несмотря на неумеренную ошадность в выдатках на свое житье, платил в дорожню овощей иногда по 5 и 10 кр. за одно яблоко, так что небольшое мешатко того овоща, какое привозил с собой из Бохни, стоило его 5-10 злр. мон. конв., а спожито бывало ним до несколько дней.

за собой народа, затем не имеет ни сил, дабы с надеждой на успех подняться, ни основания, на каком бы ей самостоятельно существовать. Во-вторых, уверились теперь и сами паны-поляки, что уже невозможно погас прежний блеск их могущества, поддерживаемый еще и за Австрии, между прочим, на так званом «постуляционном сойме» во Львове, где до сих пор в контушах и при карабелях заседала почти исключительно одна шляхта, - уверились паны сами достаточно, что пала из голов их авреоля давной славы, затмилась звезда непобедимости их оружия, оказавшегося теперь перед косами селян ломким да ничтожным. Наконец, в-третьих, хотя бунт селянский вскоре усмирился, но народ вообще, раз взволнованный, объявил себя до дальнейшего несения ярма панщины в такой степени неохотным, что следовало непременно социальный переворот в пользу дотеперешних подданных чем скорее же до конца допроводить.

Очевидно, тот последней вопрос - вопрос о дальнейшей судьбе панщины в нашем краю - стал от той поры так по селам, как и в бюро политических, а даже судебных властей на порядку дневном. Разосланные по краю на жалобу панов помещиков войсковые отряды за-для принуждения селян к работе на дворских ланах показались самому же правительству для той цели не только недостаточными, неуместными, но даже и ненадежными, потому что уже и в простом воинстве объявлялся дух, панщине сильно противный*. Также царский патент из д. 18 дек. 1846, дозволяющий подданным выкупиться от панщины грошми или другими данинами, яко не меньше тягостный для подданных, оказался в практике неисполнимым. Не предоставляло центральной власти во Ведни ничего иного, яко употребить тут лагоднейших, но не меньше энергичных мер в цели усмирения обоих раздраженных сторон - и с тем назначением прислан был в Галичину 1847 г. наместником края изряднейший муж державы гр. Франц Стадион, уважаемый яко либерал и искренний друг народа, едино для той цели соответным.

А был же тот гр. Стадион поистине муж, с явлением которого в нашем крае заповедалось время реформы уже вовсе не грозно, но почти столько же приметно, как с возникновением мазурского бунта.

Вот здесь о том примечательном муже короткая биография:

Гр. Франц Стадион родился во Ведни 1806 г. из отца Иосифа Филипа, бывшего тогда при царе Франце I министром дел внешних,

* Бл. п. Михаил рассказывал нам, что, когда в осени 1846 г. решено было выслать с такой целью из Бохни отряд стоявшего там галицко-русского полка в одно мазурское село, капитан того ж отряда заявил старосту, что в случае действительного опоры селян он не полагает на своих воинов, панщине весьма враждебных; по тому поводу отряд сей и не выслано.

а потом, с г. 1809 до своей смерти (1824 г.), - министром финансов. Принадлежащий по отцу и по матери (тоже из дому гр. Стадионов) к самой знакомитой родине немецких графов «сиятельных» (собственно с титулом *Ihre Erlaucht Reichsgrafen auf Thannhausen und Warthausen*), гр. Франц проуказал уже в юности редкий тогда либерализм, отрекаясь своего права старшинства и фамильного титула «сиятельства» в пользу молодшего брата Рудольфа. Окончивши правничьи студии во Вьенне 1827 г., он вступил яко 21-летний юноша в царскую службу политическую в Вьенну; в г. 1828 перенесен был в звании бесплатного практиканта к наместничеству во Львов, в г. 1829 назначен концептовым практикантом при окружном старосте в Станиславове, в г. 1830 - окружным комиссаром в Решове, в г. 1832 - губернияльным секретарем в Тироле, а в г. 1834 - надворным советником во Вьенне, достиг затем возвышения в тогдашнее время необычайного, авансировавши в 5 годах от концептового практиканта до надворного советника. В г. 1841 именован губернатором Тереста и австрийского Побережья, где прославился вольнодумием своего управления до такой степени, что тогдашний канцлер державный кн. Метерних стал уже опасаться надобыкновенной его популярности в крае, яко и стремлений его к радикальным реформам, да переместил его нечаянно под д. 21 апреля 1847 г. в том же звании губернатора в Галичину, который-то край больше других областей австрийских потребовал теперь поистине управителя со свойствами гр. Стадиона. От губернаторства в Галичине призван был он уже в конце мая 1848 г. во Вьенну для утворенья нового министерства, которое однако не состоялось; а бывши в ту же пору избран послом державного сойма от сельских громад повета Равы-Русской, принял тот же выбор с оштентационной радостью и заседал по-при русских послах в помянутом державном сойме от д. 10 июля, а даже и тогда, коли с д. 21 ноября того же года именован был министром дел внутренних и просвещения. Надмерное умысловое напряжение при занятиях в сойме и в обоих министерствах довело его вскоре до опасной недуги, которая уже в м. апреле 1849 г. объявилась замертвением орудий беседы и помрачением ума, не отступавшим его и до смерти, на д. 8 июня 1853 г. во Вьенне последовавшей.

Из 47 лет жизни того знакомого мужа державы важны для нас только два несполна года - с половины 1847 до апреля 1849 г., когда пробыл он сперва у нас краевым наместником, потом во Вьенне соучастником центрального правительства. В том надмеру коротком

* За действием влиятельного на весь повет русского селянина из Каменки-Боброед Ивана Владыки-Залужного.

времени своего действия для нашего края он успел с честью выполнить одну высокую миссию, какой от него требовали тогдашние обстоятельства и стремящий к преобразованиям дух времени.

Заехавши в наш край власне в такую пору (в м. юлии 1847 г.), когда во Львове казнено смертью пп. Вишневецкого и Капусцинского яко головнейших зачинщиков польской революции 1846 г., гр. Стадион старался по своему благоразумию прежде всего усмирять и так уже глубоко опечаленных панов-поляков надеждами на лучшую будущность, до которой советовал он им достигать посредством лагоднейшего обхождения с народом, как и ревнейшим содействием к его просвещению. Панам-шляхте из тех округов, где тогдашние подданные упорно отказывались от панщины, подавал он спасительную мысль предложить селянам приступную для них меру выкупа от панщины, подаряя наименьше половину сервитутов добровольно. Впрочем, не занедбывал он больше загорелых патриотов Польши охоложать указыванием на соседнюю Россию, которая будто готова каковых-либо новых бунтов в Галичине не терпеть, и о которой гр. Стадион как германец имел и расширял самые отстрашающие понятия.

Из другой же стороны, не медлил он разослать окружные письма ко всем старостам в краю с приказом точного наблюдения иосифинских патентов, изданных в г. 1781-1787 в цели больше людяного управленья отношений подданных к помещикам, поясняя тии же патенты по возможности самым корыстным для подданных образом да препоручая устранять всякие зашедшие от тех времен злоупотребления и вообще заходиться с народом гуманно, помня на то, что «чиновники для народа, а не народ для чиновников».

В том же духу гуманности и с целью уничтожения бюрократизма гр. Стадион действовал сам в средоточии своего управления, заходя в подвластные ему канцелярийные бюро каждого времени и уделяя чиновникам своим наставления всегда в смысле вольноумной реформы и ровного всех управления. Супротив же застоялых бюрократов или неудольных слуг закона бывал он судьей беспощадным, наказывая их паче всего в тот способ, что упрекал их поступки явно посредством литографованных окружников, рассылаемых во все староства в цели посрамления виновных, а враз же для предостережения других от подобных поступков. Намеряя при том устранить раз уже узаконившееся за прежних наместников протегование чиновников чужой, особенно немецкой народности, он фаворизовал теперь преимущественно тукраевых, прибравши к своему *ad-latus* именно гр. Агенора Голуховского, а оказуючи особенное благоволение свое министерiallyному советнику Вячеславу Залесскому, изда-

телю сборника галицко-народных песней, которого, познавши еще во Ведни, предназначал достойным своего звания наследником^{*}.

Вообще вся деятельность, все чиновное и частное поступованье гр. Стадиона в подчиненных ему бюро и с жителями всяких сословий нашего края было по правде утешительным предвестием лучшего времени, верным залогом тех реформ, на якие наша больше других краев забвенная и пренебреженная Галичина издавна от правительства своего ожидала, а якие с той поры уже и начали извыше - от самой же личности нового наместника-реформатора - приметно проявляться. Был убо тот гр. Стадион даже по своей внешности из всех австрийских губернаторов, якие, начавши от г. 1772, в нашей Галичине пребывали, первый и единственный такой, который, несмотря на свое происхождение от высокой аристократии, всегда являлся в скромном одеянии мирского человека, сам лично заходил в купеческие лавки, в трактиры, в резничьи ятки, наблюдая тут за ценой, за мерами и вагами да исполняя в случае потребы справедливый суд таки на месте. Таким делом был он в очах жителей нашего края не то яко повелитель-властелин по подобию прежних шефов немецкого чиновничества или войсковой парады, но яко хозяин-демократ, первый того рода образец людянного управителя и всенародного друга.

Само собой разумеется, что явление и действование в Галичине такового краевого наместника было благодарно и радостно принято от стороны таких чиновников-демократов, якими природно были все наши русины-чиновники, яким был и наш Михаил Качковский, который, хотя по своему судейскому званию и не зависел непосредственно от политично-начальнической власти гр. Стадиона, но, яко человек с принципами народолюбивыми, смотрел на таковую деятельность нового наместника царского с ободрением и непритворным восторгом, чая от него и для русского люда добра в будущности.

В г. 1848 тот восторг нашего Михаила слился с общим восторжением воскресающих до новой жизни народов Западной Европы, к числу которых, по дивному назначению Истории, принадлежал также найдальше к востоку примыкающий народ - наш русский народ в Галичине.

Первый толчок к тому воскресительному движению народностей подала внезапная революция в Париже месяца февраля 1848 г., следствием которой было низвержение Орлеанской династии и

* По уступлении гр. Стадиона из губернаторства Галичины и за его личным влиянием во Ведни стал той же сов. Вячеслав Залесский с м. августа 1848 г. губернатором нашего края, но был им всего полгода, упокоившись надто скоро, к великому сожадению своих соотечественников.

провозглашение Французской республики. От Парижа - тогда политического центра запада Европы - волнение распространилось больше всего по Германии и по Австрии, где абсолютно владел политический друг прогнанного теперь Орлеана Людовика-Филиппа I князь Лотар Метерних.

Во Вьенне вспыхнуло народное волнение д. 13 марта, и того же дня уступил кн. Метерних от правления, а благодушный царь Фердинанд I издал д. 15 марта высочайший патент, торжественно объявляющий надание конституции «всем народам» Австрии.

Некий помещик-галичанин, выехавший д. 15 марта из Вьенны, привез первый д. 18 марта один печатный экземпляр того ц. патента во Львов и доручил оный частным образом гр. Стадиону. Возрадованный тем даром наместник гр. Стадион сделал тут поистине шаг, на какой никогда не важился бы другой, меньше конституции сприяющий чиновник царский: ото он, не ожидая на официальное доручение и на выразный царский приказ голошенья помянутого патента, велел оный сей же час литографовать, экземпляры между народ раздать, по всем ц. к. староствам разослать да обнародовал его формально посредством урядовых львовских газет (немецкой и польской) на д. 22 марта, т. е. в сам тот день, когда только что получил царское решение из дня 18 марта о публикации вышереченного конституционного патента^{*}.

Следствия того ревностного, а в наилучшей для края мысли поюзного поспеху оказались вскоре для самого же гр. Стадиона не весьма приятны. В своем бо ликовании о наданной царем конституции наш вольноумный губернатор, не имевший, впрочем, еще довольно времени со всеми народными стихиями в Галичине, именно же с русской, ближе познакомиться, предался сначала весь одной только польской партии, которую одну и видел громко шумящую по улицам города, радостно восклицающую в честь «конституции и гр. Стадиона» под окнами губернаторской палаты. С полным удовольствием принял он затем от той же партии уже на д. 19 марта так званный «адрес к монарху», домогающийся всяких благ для одной польской народности в краю, а следующих дней, восторжен овациями академиков и начальников польской же парии, приказал под собственной ответственностью выдать из царских арсеналов вооружение на 30 000 людей львовской «народной гвардии», ба

^{*} О том факте известил сам гр. Стадион в своей оборонительной статье, которую дал напечатать в официальной «Wiener Zeitung» из д. 3 июня 1848 г. в цели опровержения меморандума польской партии из м. мая, грубо упрекавшей его во враждебном промедлении (!) оглашенья конституции, яко и в раздвоении «еднолитого народа» в Галичине.

составил при боку своем «Совет (Beirath) из мужей доверия в краю», т. е. собственно из самых почти поляков^{*}.

Среди шума польских гвардистов, среди численного заезду панов шляхты и эмигрантов целой Польши завязалась во Львове д. 15 апреля уже и польская «народовая рада», а русины наши все еще медлили выступить на сцену действия, на которой до теперь столь разголосо владела все Польша и Польша.

Только на д. 19 апреля, т. е. в целый месяц по громко-демонстрационным доручениям польского адреса, явилась у гр. Стадиона скромная депутация старших львовских русинов с кр. Куземским в челе, складая до рук царского наместника Галиции свою «петицию к монарху», списанную в немецком языке, но содержащую в цели умотивованья 7 точек просьбы о равноуправненье русского языка и русского духовенства с польским, сие добитно говорящие, на исторической правде основанные слова: «Далеко большая половина жителей Галичины суть русины. И мы, русины, отрасль великого славянского рода, имели своих власных родственных князей из поколенья св. Владимира. Когда же те вымерли, утратило наше отечество свою самостоятельность, а в политических бурях, при гонениях за веру - также свою шляхту. Однако ж ядро народа - русский народ - остал во всех бурях крепок и непоколебим при своей русской вере и русской народности, а нашей святою обязанностью есть сию каждому русину дорогую народность верно сохранить и так само неоскорбленную потомкам нашим передать».

Сие решительное, а для гр. Стадиона почти целиком новое признание поважных веком и саном русских депутатов от свят. Юра и от Ставропигии^{**}, в числе которых стоял кр. Куземский, муж с выразом железной энергии в словах и на деле, - то признание, поясненное коротко, но ядрено и убедительно таким начальником депутации, привело гр. Стадиона в удивление да в некоторого рода замешательство. Выслухавши с задумчивостью изложение русской «петиции к монарху», он после несколько мнут недоумевающего молчания задал депутатам тот памятный вопрос: «Sind Sie den – eigentlich – mit den Gross-Russen – eine und dieselbe Nation?». Только по согласном уверении наших депутатов, что они просто лишь малорусины (Klein-

* Запрошенные к тому совету епископ-суфраган Яхимович и кр. Куземский явились на заседание не скорее, как по доручении русской «петиции к монарху», т. е. тогда, когда помянутый совет уже тратил свой преимущественно польский характер.

** Было тут с кр. Куземским трех достойников Львовского собора крылошан и трех мирских чиновников, членов Ставропигийского братства во Львове.

Russen, Ruthenen), приметно различны от великорусов, ободрился сей патриот-политик германский и, отпуская наших «малорусинов» с ласкательными приречениями увзгляднения их народного дела, сейчас призвал к себе своего *ad latus* гр. Голуховского и других старшин наместнического бюро, с которыми держал просторонный испыт о давних и новейших отношениях русской народности в нашем крае.

События, последовавшие в Галичине после д. 19 апреля 1848 г., были поистине такового рода, что возмogli - при тогдашних ограниченных понятиях о Руси вообще, а при сильном содействии завистных поляков в особенности - расширить в краю, по Австрии, даже по Европе дивный тот и потешный для истории толк так званного «общего мнения»: будто гр. Стадион открыл, изобрел новый народ - народ рутенов в Галичине.

До тех событий належали, напр., следующие: Ставропигийское братство во Львове, подавшее еще в осени 1847 г. просьбу о дозволеньи издавания повременного письма русского, получило на д. 20 апреля 1848 г. от краевого наместничества концессию на такое же письмо, датованную еще 16 марта, а дорученное старейшине того же братства вице-президентом наместничества гр. Голуховским. В несколько дней после того наш епископ-суфраган кир Григорий Яхимович, помимо могучей оппозиции латинян, получил из рук того же гр. Голуховского царский декрет еще из д. 12 апреля, именующей его епископом русской Перемышльской епархии, а завязавшаяся на дне 2 мая в крылошанских палатах св. Юра под председательством архиерея кир Григория и заступника его кр. Куземского русская «Народная рада» удостоилась толикой поваги и признательности от стороны в. правительства, что самые важные монаршие грамоты адресованы и доруцаемы были впросто на имя ее достойных председателей, как то именно грамота конституции из д. 25 апреля и царский ответ на выше помянутую «петицию» русинов (из д. 19 апр.), изданный под д. 9 мая с благосклонным призволением на все 7 точек просьбы, а дорученный тоже гр. Голуховским* по адресу епископу кир Григорию как председателю Русско-народной рады.

* Губернатор гр. Стадион употреблял именно гр. Голуховского к исполнению той не весьма соответной его высокому званию прислуги «дручителя царских документов русинам» - как кажется, для того, дабы упокоить польского графа за опоздненное пояснение дел народности русской в Галичине. По крайней мере, известно нам, что гр. Стадион, бывши потом в Ветни, выражался не раз с негодованием: «Gr. Goluchowski war Schuld daran, dass ich über die Angelegenheiten der Ruthenen bereits zu spät unterrichtet ward».

Все эти события, впрочем, так просты и природны по той причине, что русский народ как издавна, так и в то время надания конституции жил и жить домогался в Галичине, - те события с прибавлениями наидивнейших клевет полономанских были рассказываемы до д. 15 мая исключительно только в польских тогда издаваемых газетах, да собственно теми испещрениями пугали безвинных людей в краю и за границей, приводили в недоумение самих даже русинов, которым по недостатку своего власного публичного органа и невозможно было перед удивленным от того светом оправдаться.

Не скорше как д. 15 мая появилось 1 число первой русской политической газеты под редакцией уконченного правника г. Антония Павенцкого и под симпатичным для русинов названием «Зоря Галицка», а враз с ней «Отозва до русского народа» из д. 10 мая, оповещающая о надании конституции из д. 25 апреля и о завязании Русско-народной рады во Львове, подписанная епископом-председателем той же рады кир Григорием Яхимовичем, двумя заступниками его, кр. М. Куземским и бл. Иоанном Борысикевичем да к тому 73 членами рады, между которыми было 35 русинов мирского звания (т. е. в числе подписавшихся 76 членов было 40 духовных, а 36 мирян).

Сия достопамятная «Отозва», которая была ораз программой новой русской газеты «Зори Галицкой», содержала те головные мысли: «Мы, русины галицкие, належим до великого 15-миллионного народа, который был когда-то самодельным, заможным и сильным, но через неприязные судьбы распался на части, утратил свою самодельность, своих князей и пришел под чужим владением до такой неволе, что соромом было русином называться. Но настало ныне время конституции: будятя до житья народы далекие и соседние, подносятся перед нашими очами на земле нашей народность польская - не можем мы одни оставаться надаль в замертвении. Пробудился уже и наш лев русский - встаем затем, братья, из долгого сна, не до спору и невзгоды, но дабы 1) поставить на равные права церкви и духовенства русского с правами других обрядов, 2) развивать и подносить народность нашу выдосконаленьем нашего языка, заведением его в школах и урядах, издаваньем книжек и писем по временных и пр., 3) чувать над нашими правами конституционными, глядеть поправленья нашего быта в дорозе уставы и боронить права наши от всякой напасти и оскорбления постоянно и сильно». Для

* Примечательно, что даже та скромная статистическая цифра Руси вошла в помянутую «Отозву» вместо первобытной цифры $2\frac{1}{2}$ миллиона русинов-галичан только на внесенье и решительное слово члена Рады Юлиана Лавровского, которого за то уважано тогда русином «крепким и отважным».

успокоенья же затревоженных «пробуждением Руси» поляков содержала та же «Отозва» в заключение сие ото для русинов поистине излишнее и даже соромительное упомнение: «При том делаем вас, братья, уважными, что так, як из одной стороны, святым нашим обовязком будет право и народность нашу против всех замахов так домовых як чужестранных сильно и стало боронить, так из другой стороны, сам Бог и право людскости наказуют, дабы мы напротив тех, которые по-при нас также о свое добро и свою народность стараются, никакой ненависти в сердцах наших не живили, но как щире суседи одной земли в згоде и едности жили».

Так сие заключение, як и вся программа «Отозвы» и «Зори Галицкой» были затем настолько смиренны и скромны, что, по мнению «малых», да уже и «наименьших» русинов, они должны были вполне успокоить тех «щирых суседей», с которыми постановлено «в згоде и едности жить». Но куда там! Так «Отозва», як и «Зоря Галицка» были изданы в русском языке и к тому старорусским письмом (кириллицей) - да именно от того пошли еще большие страхи на ляхи, а название поляков «щирыми суседами» привело их даже в крайнюю ярость.

Польские политики, рассчитывавшие уже наверно, что с оружием и помощью Австрии туй-туй пойдут войной на Россию, занепокоились, разочаровались в своих мечтаниях еще больше тогда, коли наш владыка кир Григорий Яхимович как епископ-суфраган Львовской и епископ-номинат Перемышльской епархии разослал под д. 23 мая в обе те русские дицезии Галичины окружное послание с наведением царского ответа из д. 9 мая на петицию русинов из д. 19 апреля, як и с весьма ласкательным письмом губернатора гр. Стадиона, благодарящего от имени правительства русскому духовенству за то, что оно, «подавая народу образец верной преданности к монарху и австрийскому правительству, удержало до сего времени, помимо всюда инуде владеющего забуренья, спокой и порядок в поверенных себе громадах».

Обнародовленьем тех документов в немецком подлиннике с русским переводом было сконстатовано, что Австрия в самом деле заключила интимный союз в Галичине, однако не с поляками, а с русью, и затем о «походе против России» уже никак было и подумать.

Сие окружное послание архиерея кир Григория было и для нашего Михаила первым точно документом, якой, присланный тогда же ему во Виснич одним львовским русином-другом, в первый раз поучил его верно и подлинно о состоянии дел возродившейся русской народности, о которой до сих пор рассевались в польских газетах толки самые ложные и злобивые.

Признать же подобает, что Михаил наш, как и все старшие русины нашего края, привыкшие издавна смотреть на политические события холодно, безучастно, ибо без надежды на яковое улучшение своей всенародной недоли, - наш Михаил принял также первую весть о мартовой революции 1848 г. с приметным недоверием, а глядел только за дальшим ходом дел, раздумуючи, разважаячи, и посеред опоенной политическим восторгом Польши походил тут один на тверезого зрителя, пересадной игрой драмы или комедии везадоволенного.

Як убо в других городах и местечках Галичины, так и в мазурском оном Висниче повторились на последних днях марта того памятного года демонстрационно-политические зрелища, шумно аранжованные приверженцами ультрапольской партии. Як почти повсюду в местечках, так и в Висниче была иллюминация в честь наданной монархом конституции, появлялись польские кокарды, белые орлики, а вслед за ними и народная гвардия. Но понеже сельский народ, особливо на Мазурах, придивлялся тем проявлениям политического энтузиазма панов и мещан с великим недоверством, да иногда и с выразом неудовольствия, то сам же губернатор края гр. Стадион, в цели предохранения каковых новых столкновений с народом, препоручил окружным письмом, изданным в начале месяца апреля к ц. к. староствам, дабы те же вместе с чиновниками всяких дикастерий старались надавать волнениям народным в городах правильный ход в духу законной конституции, а где того окажется потреба, именно при устроении гвардии, дабы и сами они влиятельное принимали участие. Вследствие того еще в м. апреле прислано в Виснич от ц. к. Бохенского староства яких с полсотни старых вояцких оружий, и чиновники Висничского криминального суда первые ставали тут в ряды народных гвардистов. Начавши от президента того же суда до последнего возыного - все причепляли троебарвные кокарды, все выступали на муйстры с гвардейским оружием; не отказался от подневольного участия в тех муйстрах ни даже сов. Кмицикевич, вписавшийся до гвардии вслед за своим президентом. Один только Михаил наш не освещал окон своего дома в день всеобщей иллюминации, не принял предлагаемых ему разноцветных кокард да и один из всех чиновников-товарищей не записался, не станул ни разу под гвардейское оружие, ни тем меньше не надел шапочки с польским орликом. Надаремно указывано ему на примере самого президента, на волю высших властей царских - он в таковых случаях, которые в очах его казалась многоважными, имел свою волю и готов был скорее лишиться своего чина, чем хоть бы на шаг уступить против своего уверенья, против твердой своей воли. За то уже и без

всяких других манифестаций русизма мазуры в Виснице признали его с той поры решительно «упертым русином».

А ишло ж тут нашему «упертому русину» не так о тое, что мазурский народ смотрел на те демонстрации с кокардами и польскими орликами неприязно и грозно, а больше поднимала его на такой подвиг оппозиции та мысль, что не следует русину даже на польской земле заявлять будь-яким способом свое согласие мечтам о давней Польше, столь противной всему, что пахло духом русским, что носило имя русское. О таком противенстве уже же в современной Польше против всего русского имел случай наш Михаил, имел случай и сов. Кмицикевич в Виснице вскоре же узнать из польских газет, так львовских, как и краковских, которые, особенно от д. 2 мая как дня завязанья Русско-народной рады во Львове, стали с непримиримой злобой бесчестить соучастников той же рады, больше всех же ее председателя-владыку кир Григория, намерая очернением начальных личностей затмить, сдискредитовать русскую идею, какую те же репрезентовали.

Совершенное безверие в толки и клеветы польских газет было натеперь всем, что наши оба висничские друзья тут противопоставить могли; но положительных известий о народных и политических подвигах братии русинов во Львове не имели они даже до конца мая, т. е. до тех пор, пока не попалося им в руки вышепомянутое архиепископское послание из д. 23 мая.

Нарадовавшись довольно тем же посланием, друзья наши в Виснице, восторженные до слез, выслали сейчас во Львов свои предплаты на русскую газету «Зорю Галицку», а Михаил прибавил к своей же предплате еще несколько гульденов на закупку русских букварей, немецко-русской грамматики Иосифа Левицкого и других новостей литературы русской, якие только в ту пору явились во Львове, во Ведни или в Перемышли. Да и так, с первой половины юния сего достопамятного года, начались для наших висничских Диоскуров на-серио студия в русчине - студия, поднимаемые ними перед тем уже по несколько раз, но перерываны за каждым разом, будь по недостатку досужного времени, будь и больше еще над се по недостатку потребной к тому занимательной литературной пищи.

Известно бо, что плоды галицко-русской словесности до 1848 г. были так содержанием, як и объемом еще весьма скудны и появлялись, начавши с г. 1822 (от первых творений Иосифа Левицкого), с перерывами по несколько лет, так что русский читатель, дожидаясь новостей от той же словесности, если не упражнялся между тем в повторительном чтении прежних изданий или книг церковных, подвергался опасности позабыть русскую азбуку и принужден был

оную ж по несколько раз в своей жизни наново заучивать. К тому и сам поважнейший писатель-русин, наш ученый Денис Зубрицкий, писал все свои сочинения до помянутого года на польском языке, и вообще эрудитные, даже полемические творения, к Руси нашей относящиеся, издавались на чужих языках, яко на польском, немецком и чешском (напр., росправы И. Д. Вагилевича о «гуцулах» и «бойках» в Пражской «Часописи музея» из г. 1838, 1839 и 1841 или статья И. Левицкого «О судьбе галицко-русской словесности» в чешской «Деннице» Дубровского из г. 1843), а все большие сборники русско-народных песен (Вячеслава Залесского, Жеготы Паулия, Иосифа Лозинского) печатались у нас письменами латино-польскими.

А несмотря на то все, помежи эфемерными плодами нашей литературы перед г. 1848 были, как мы ее уже выше указали, некоторые немалощенные, способные обратить на себе внимание не самого только русского патриота, но вообще всякого совестного мыслителя, доброго друга умственных успехов человечества. До числа тех ценнейших словесных плодов принадлежали по всему преимуществу два русские «Венки, уплетенные русинам на обжинки» Иваном Ф. Головацким во Ведни г. 1846 и 1847, - и они оба присланы были в месяце юнии 1848 г. враз с русскими букварями и грамматикой И. Левицкого из Львова нашему Михаилу в Виснич за определенных ним на ту цель несколько гульденов.

С «Венком» из г. 1846 мы уже познакомились немного ближе на своем месте; тут же, для пополнения наших воззрений в предмете обоих тех «Венков», расскажем о них еще кое-что подробнее.

Уважаем появление сих «Венков» именно в такое время, на досветку возрождения Галицкой Руси, событием для той же Руси весьма важным. Сии-то «Венки» прежде всего были а ргіогі и останут навсегда вопиющим протестом против польской выдумки, будто «гр. Стадион в г. 1848 изобрел народ рутенов в Галичине». Кроме того, оные «Венки» были для нашей Руси предвещим знаменiem сближающихся реформ в жизни духовой и народной, как были подобными предзнаменіями в другом направлении грозная революта 1846 г. для мазуров и прибытие губернатора гр. Стадиона в г. 1847 для всего галицкого края. Даже совпадение годов издания наших «Венков» с годами помянутых социально-политических происшествій имеет для нас свое значение и побуждает мимовольно к проведению параллели между обоого рода теми событиями. Из того же параллелизма выходит ее многопоучительное для нас убеждение, что, когда ответчно неспокойная Польша на переходе к периоду реформ - к г. 1848 не обошлась без привычного ей домашнего рокошу (бунта), то, напротив, миролюбивая Русь наша шла на встречу того

же спасительного года с песней в устах, с добросовестным трудом, як бы по «венок на обжинки». Оружия затем, какими припоясались Польша, а Русь в г. 1846, были целком себе противоположны, як таковыми были и будут всегда: кровопролитный меч, а пшеничный венок, шум бурливой грозы, а пение бодрых жнецов в поле.

Не дивно, что, в тех двух противных себе направлениях действуя, встретились Польша и Русь в самом же году преобразований – в г. 1848, да и тогда по необходимости они стали противу себе: первая с жадной владычества над всеми, другая со смиренной просьбой ровного для всех права, именно же равноуправления Руси с Польшей. Не дивно, что вследствие того обновилась в крае нашем давняя, историческо известная борьба двух славянских племен, при начатии которой в оном году бессторонний третий – конституционное правительство – приняло сторону «просящих всем правды, ровного всем права».

Но, повертая назад до наших «Венков», мы должны больше всего поднести тут их высокое в литературе значение, имея в виду се важное обстоятельство, что от них-то, собственно, да и самым приметным образом начинается новый современный нам период галицко-русской словесности.

Известно бо в правде, что еще в г. 1837 Маркиян Шашкевич – тот настоящий предтеча духовного Руси нашей возрождения – издал с помощью друзей своих Николая Устыяновича да Ивана Вагилевича первый плод новожитного направления – «Русалку Днестровую», в которой уже сложены были могущие зародыши к самостоятельному посеву на словесной ниве русской; но «Русалка Днестровая» в разгаре молодецкого новаторства пренебрегла установу письма старшой Руси и, вследствие того будучи запрещена, мало распространилась и не имела в публике большого влияния. К тому же Маркиян наш помер уже в г. 1843, на первой поре своего мужеского веку (на 32 году жизни), не успевши довершить начатого реформаторского подвига, а только препоручая друзьям «оминать новаторские ошибки и продолжать дело во благо русского народа мужественно».

Наследником же Маркияна в самом высоком того слова смысле стал Яков Ф. Головацкий, головный сочинитель обоих «Венков», выступивший тут по первый раз с столь богатым запасом знаний по части литературы русской и славянской, что привел тогдашнюю публику нашу в удивление. Уже в I части того ж «Венка» поместил он две весьма примечательные статьи: «О Маркияне Шашкевиче» и «О народных сербских песнях», из которых первая, обучая о реформаторском значении Маркияна в нашей литературе, есть некое исходной точкой возрождающейся галицко-русской словесности, вторая

же указывает на побратимые славянские источники, из яких та же словесность на дальшом развитии в цели своего успевания зачерпывать должна. Кроме тех двух первотворных статей Якова Головацкого, как и заветных песней Маркияна, напечатаны в сей I части «Венка» еще две переводные статейки: «Крещение Руси» Антония Добрянского (из его же польского первотвора, помещенного в шематизме Перемышльской епархии из года 1841) и «Статут литовско-русского законодательства» Игнатия Даниловича (из немецкого первотвора, помещенного в «Dorpater Jahrbücher» еще в году 1834), да сверх того и предисловие издателя Ивана Ф. Головацкого, доказывающее наглядным образом, что той же имел верное понятие о великой цели своего издания.

Вторая часть «Венка», изданная 1847 года тоже Иваном Ф. Головацким во Ведни и посвященная знакомитому панслависту, сербскому патриарху кир Иосифу Раячичу, отличалась супротив первой части яко хорошо дозревающий овощ супротив своего здорового зерна. Семена, верженные в плодovitую почву Маркияном Шашкевичем, воспитанные прозорливым трудом Якова Головацкого, выдали тут обильный самостоятельный плод, который заповедал буйные для галицких русинов обжинки. Вместе с известными дотеперь друзьями покойного Маркияна - Николаем Устыановичем, Ив. Вагилевичем и братьями Головацкими - выступили тут еще новые деятели: Лука Данкевич (рожд. 1791, †1870 г.), Антоний Лужецкий (р. 1807 г.), Антоний Могильницкий (р. 1811, †1873 г.), Михаил Темяк (р. 1817, †1855 г.) и Келестин Скоморовский (р. 1820, †1856 г.). Все они донесли до того «Венка» по киточце благовонящих цветов, из которых где якие не увяли и доньне да и жить будут долго еще после нас украшением домашней словесности. К числу таких творений принадлежат особенно заунывные песни Николая Устыановича, как, напр., «Сумно, марно по долине», «Гей-гей, милый Боже!» и «Надднестрянка», также прекрасные думки Якова Головацкого: «Чом, реченько домашняя, так плывешь поволи», «Я в чужине загигаю, по чужине блужу», «Галичанка любя, мила городочок городила», «А нуте, нуте, быстренький Пруте!», наконец, «Згадка старины», А. Могильницкого «Колись русин с-под Бескидов - так тяженько не думал» и пр. Творения те, полные искреннего поэтического чувства, нашли всенародное оценение, чему доказом служит уже то обстоятельство, что одни из них с неизменной свежестью живут в устах спевной Руси нашей яко хоральные пения, другие - яко улюбленные тематы декламации.

Примечаем тут уместно, что наш Михаил в Висниче, получивши сию II часть «Венка» в юнии г. 1848, изучил в тот же час все выше-

наведенные песенки наизусть и над все же любил всегда тии две из них: «Чом, реченько домашняя» и «Гей-гей, милый Боже! Где ся наши лета дели, лета молоденьки...».

Не меньше как стихотворения достойны внимая в том «Венке» также статьи прозой - и тут-то именно Яков Ф. Головацкий отличился самобытными плодами труда своего в такой степени, что уже с той поры задобыл себе славу ученого и исследователя-этнографа не лишь в Галичине, но и широко в мире славянском. Его статьи, здесь помещенные, как 1) «Подел часу», 2) «Слова витанья и чемности», 3) «Вороженье у русинов», также галицко-русские «Сказки, приповедки, байки и небылицы», все списанные из живых уст и на основании верных преданий русского народа в Галичине, были первыми того рода полнейшими образцами в нашей литературе, ценными вообще для славянской, в особенности для русской этнографии. Больше над то важна его статья - головная в той части «Венка» - под з. «Великая Хорватия, или Галичско-Карпатская Русь», в которой по первый раз изложены коротко, но наглядно и основно историко-статистические сведения о Галицкой в Подкарпатской Руси, слывшей когда-то у византийцев Великой Хорватией. Плод ее не самой только книжной учености, но и самобытных исследований по краю, якие в самом деле автор на своей юности лично поднимал, путешествуя от села до села по обоим сторонам Карпат в цели собирания верных народописных познаний о родинной Руси.

Помянутые статьи Якова Головацкого, як суть и донине драгоценными бисерами нашей юной словесности, так были в свое время истинным наслаждением для старших русинов, а тоже для нашего Михаила в Висниче, который, как мы уже не раз намекали, и сам ставал при случае дилетантом-собирателем русско-народных преданий и следил за ними, бывало, с восторженным замилованьем.

Впрочем, признать подобает, что, як и высоко оценил наш Михаил содержание статей обоих помянутых «Венков», як и любовался красотой живой русской речи, в якой они была списаны, но властивого реформаторского значения их в нашей литературе он тогда еще точно не понимал, а то именно по причине, что не понимал азбучного нашей Руси вопроса.

А реформы в малорусской литературе, к удивлению нынешнего времени, скажем-то, относились як наибольше к тому формалистичному, но в существе весьма важному вопросу о азбуке, о правописи. Хотя убо еще с появления в 1809 г. первых 4 песен травестованной «Энеиды» Ивана П. Котляревского (рожд. 1769, †1838) возникло в Украинской Руси новожитное стремление к воссозданию своей народной словесности, и то стремление нашло вскоре отголос также в

Руси Галицкой; но так как Котляревский в своей «Энеиде» отступил от традиционной славяно-русской правописи, а употребил отдельный род фонетики, приносившая тую же в каждом слове к великорусскому словопроизношению, то зайшел оттого затруднительный вопрос о правописи для возродившейся с Котляревским малорусской словесности. С той поры на Украине водворился фонетизм, который, по несколько раз изменяя свой неправильный вид, достигнул, наконец, в писовне П. Кулиша (кулишовце) певных форм, стоящих в резком противенстве с исторической правописью Руси - как Малой, так и Великой. Усилия киевского университетского профессора, ученого Михаила Максимовича, поднятые против фонетизма еще с 1827 г. (от издания его «Сборника малороссийских песен») в цели привернения давней этимологической правописи в литературе малорусской, оказались именно в его отечестве, на Украине, «гласом вопиющего в пустыне». Напротив того, в нашей Галичине, где первые опыты возрождаемой русской словесности проявились с г. 1822 (народные думки в «Pilger von Lemberg» и первые стихи Иосифа Левицкого), зашел на первых же порах вопрос не так о правописи, которую наши русины знали тогда лишь одну - этимологическую славяно-русскую, как больше о азбуке, особенно с того времени, когда после Вячеслава из Олеска даже наш русский писатель Иосиф Лозинский напечатал в г. 1834 свое «Русское веселье» латино-польскими черенками. Вопрос тот в пользу русской азбуки разрешил уже в г. 1836 знакомитый наш Маркиян Шашкевич, который однако же в следующем же году 1837 сам заготовил новую борьбу, уже не о буквы, а о правопись, сделавши в своей «Русалке Днестровой» немаловажные отступления от правил славяно-русской этимологии. К счастью, друзья и наследники Маркияна исправили ту ошибку его тем добросовестным способом, что один из них, именно Иван Василевич, издал в г. 1845 русскую грамматику точно по правилам Востокова, другие, как братья Головацкие, Ник. Устыанович и пр., составили выше упоминаемые два «Венки», из которых особенно второй из г. 1847 от начала до конца соблюдает историческую нашу славяно-русскую правопись.

Таким делом подвиг тех «Венков», так под взглядом азбуки, як и под взглядом правописи, имел великое значение в русской литературе: был убо, из одной стороны, решительным протестом против сепаратизма, объявившегося на Украине под видом фонетики, в Галичине под видом латино-польского письма, из другой же стороны, выразил и одобрил он позитивное стремление нашей Галицкой Руси к единству литературному, т. е. к объединению новожитной галицко-русской словесности со старо- и общерусской литературой.

Сие позитивное стремление к единству Руси литературному стало всеобщим у нас с достопамятной весны 1848 г., когда принялась читать и писать по-русски не одна только избранная верства литераторов по чину, но загалом вся наша, як старейшая, так и молодая, ученая и учащаяся Галицкая Русь.

За тем же стремлением последовал также восторженный весною 1848 г. наш Михаил - последовал сначала мимо воли, потом с сознанием и полным признанием, как о том постараемся ближе рассказать в II части сего нашего дела.

Конец I части

Источник: *Дедицкий Б.А.* Михаил Качковский и современная галицко-русская литература. Очерк биографический и историко-литературный. Ч. 1. Львов: Типография Ставропигийского института, 1876 . 125 с.

Source: *Deditskii B.A.* Mikhail Kachkovskii and Contemporary Galician-Russian Literature. A Biographical and Historical Literary Essay. L'vov: Press of the Stavropigial Institute, 1876. 125 pages.

Дедицкий Богдан Андреевич (1827-1909) - первый профессионал-журналист Галицкой Руси. Закончил филологический факультет Венского университета. В 1861 г. Богдан Дедицкий возглавил редакцию первой независимой галицко-русской газеты «Слово», которую основал на свои деньги М.А. Качковский. Издал большой сборник «Галицкая зоря - альбом», в котором приняли участие многие видные представители галицко-русской литературы того времени. Поэт, писатель, писал рассказы и повести, исторические исследования, автор многочисленных статей на различные темы. Похоронен на Лычаковском кладбище во Львове в Братской могиле русских журналистов.

Bogdan Deditskii (1827-1909) - the first professional journalist of Galician Russ. He graduated from the Philological Faculty of the University of Vienna. In 1861 Bogdan Deditskii began editing the first independent Galician-Russian newspaper "The Word" which M.A. Kachkovskii founded with his own funds. He published the large album "The Galician Star" in which many prominent representatives of Galician-Russian Literature of the time took part. He was a poet, writer, an author of a large number of articles and wrote narratives and novels. He is buried at the Lychakovsk Cemetary in L'vov in the Tomb of the Brotherhood of Russian Journalists.

УДК 94(7/8)"20"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/7/3

АМЕРИКАНСКИЕ СЛАВЯНЕ*

П.Д. Драганов

Резюме

В статье перечисляются численность и регионы расселения славян в США, Канаде и странах Латинской Америки. Говоря о русском населении Америки, автор определяет его численность в 660 тыс. чел. и разделяет их на четыре группы. Это русины Австро-Венгрии (Русь Галицко-Угорско-Буковинская), Русь Алеутская, затем - духовоборы с молоканами и Русь Южноамериканская.

Ключевые слова: славяне, русские, русины, Америка, США, Канада, Южная Америка.

AMERICAN SLAVS

P.D. Draganov

Abstract

The number and in which regions the majority of Slavic immigrants in the USA, Canada and countries of Latin America are compactly settled are given in the article. Talking about the Russian settlement of America, the author estimates the number to be 660 000 people and divides them into 4 groups. These are the Rusins of Austro-Hungary (Galician, Hungarian and Bukovinian Rus), Alaskan Rus, and then Dukhobors, Molokans and South American Rus.

Keywords: Slavs, Russians, Rusins, America, USA, Canada, South America.

Славянская колонизация во второй половине XIX ст. с родных пепелищ по лицу всей земли (до обеих Америк и даже до Австралийского материка, Полинезийского архипелага и Южной Африки включительно) была вызвана главным образом экономическими, политическими и лишь отчасти религиозными причинами.

Это славянское расселение по миру и странствование славянства за тридевять земель в погоне за счастьем и удачей имеет в

* В материале не приводится II ч. статьи «Литература об американских славянах». - *Ред.*

настоящее время порядочную литературу, представляющую несомненный интерес и дающую богатый материал для целого научного исследования. Мы остановим пока внимание читателя на славянах американских, образовавших там и сям поселки и городки на пространстве всего Американского материка от Аляски, Гудзонова залива, Канады и Лабрадора до Аргентинско-Патагонской границы включительно.

При определении местожительства, численности и территории, занимаемой в настоящее время славянами в обеих Америках, дают ценный, притом официальный материал прежде всего «Сборники консульских донесений Российско-императорского Министерства иностранных дел». Кроме того, весьма важным источником в данном случае являются многочисленные славянские периодические издания обеих Америк (см. «Известия» №2 и 3), а также славянские книги, печатающиеся на пространстве всего Колумбова материка. Важными пособиями при изучении данного вопроса служат книги и газетные и журнальные статьи о заатлантических славянах, появляющиеся в большом количестве в Европе.

Лучшими знатоками американских славян в России считаются князья Волконские, Сергей и В., г-жа В. Мак-Гахан, Е.Н. Матросов (гр. Лелива), З.А. Рогозина, П.А. Тверской и покойный чрезвычайный посланник и полномочный министр в Рио-де-Жанейро А.С. Ионин; в зарубежной Руси - гг. Тымко-Гаврилюк, Нестор Димитров, доктор Юльян Чупка и Ф.И. Свистун. Из австрийских же славистов-американологов можно назвать чехов Я. Вагнера и Р. Пилата и словинца З. Вальявца. Из трудов названных лиц явствует, что в настоящее время в Америке проживает около 3 000 000 славян; по народностям они распределяются так:

Поляки, занимающие первое место по количеству (более 1 000 000), образовали колонии главным образом в Североамериканских Соединенных Штатах, в Бразильской республике и Парагвае, именно в Чикаго (шт. Иллинойс), Нью-Йорке, Буффало (шт. Нью-Йорк), Филадельфии и Детройте (шт. Пенсильвания), Огайо (шт. того же имени) и Индианаполисе (шт. Индиана), в Южной же Америке - в штатах Санта-Катарина, Сан-Пабло, Рио-Гранде и Парана (в Бразильской республике). Южноамериканские поляки занимаются главным образом земледелием и скотоводством, североамериканские же - разными ремеслами и вообще мелкой промышленностью. Поляки американские издают в своем новом отечестве 25 газет, из которых 5 насчитывают до 14 000 подписчиков. Национальная жизнь американских поляков сосредоточена в 20 обществах разного наименования. Все эти поляки главным образом римско-ка-

толического вероисповедания, но есть между ними общины, образовавшие национальную польскую церковь, в количестве 5000 верующих, во главе с старокатолическим епископом Козловским, не говоря об индифферентных ко всяким религиозным общинам. Живучесть поляков в Америке объясняется их образцовой организацией и дисциплиной.

Русские в числе 660 000. Русские переселенцы в Америке представляют в настоящее время четыре разновидности: Русь Галицко-Угорско-Буковинскую (Червонную, Прикарпатскую тоже), Русь Алеутскую вместе с православными креолами и колошами штата Аляски, затем духоборы-молокане и, наконец, южноамериканские русские вместе с обрусевшими менонитами, голландскими переселенцами в Саратовскую губернию, потомки которых в начале 70-х годов выселились за океан, не желая отбывать в России воинскую повинность. Эти русские колонии рассеяны в Североамериканских Соединенных Штатах, англо-британской Канаде, Бразильской республике, Аргентине, Уругвае и Парагвае. Австро-венгерские червонорусы, именно русины, руснаки, лемки и бойки, разбрелись частью по Канаде в качестве земледельцев, частью же в Североамерик. Соед. Шт. как фабричные рабочие, а в Бразилии они являются рабочими на плантациях, а иногда даже плантаторами и арендаторами.

Великорусы духоборы и молокане явились в Канаду «с своим уставом» не прямо из России, а с острова Кипра года три тому назад, куда они за год до этого переселились из Закавказского края. Впрочем, часть русско-американских духоборов раньше переселилась из Азии в Аляску и живет на о-ве Ситхе и Ново-Архангельске вперемешку с колошами, алеутами и русскими креолами, обращенными в православие русским миссионером и знатоком полярных языков Иваном Веньяминовым, впоследствии Иннокентием, митрополитом Московским и Коломенским (†1879).

Североамериканских духоборов и молокан, как алеутских, так и канадских (в городах Йорктоне и Миннедозе, в Виннипегском округе), всего 7000 человек, считая и тех, которые пошли на верную смерть в поисках за Христом Спасителем по направлению к побережью Сев. Ледовитого океана. Новым Моисеем, выведшим этих несчастных фанатиков из русско-кипрского «Египта» в «землю обетованную» был некто Иван Пономарев, и как бы братом его «Аароном» был при этом Василий Конкин, вдохновителями же этого «исхода» был один из сыновей гр. Л. Толстого и особенно рьяный толстовец и русский эмигрант В. Чертков, редактор «Листка свободного слова», имеющий, впрочем, своей постоянной резиденцией г. Малвден (в Эссенском графстве в Англии) и лишь оттуда диктующий

красноречивые послания от имени духоборов по адресу различных правительств, начиная турецким султаном и оканчивая президентами американских республик. В настоящее время представителем этих переселенцев является некто Зубров, объявивший себя «Иоанном Крестителем»: он стал проповедовать «поход в пустыню» по направлению к Ледовитому океану «для лицезрения Христа» и объявил, что «в этом году зимы вовсе не будет»... Из представителей же женской половины этой сектантской колонии, которую В. Чертков окрестил громким именем «Христианской общины Всемирного братства» (Christian Community of the Universal Brotherhood), являются Анна Дубасова, Ольга Блудова и Домна Тройменова.

Но главным пунктом русской колонизации в Северной Америке считаются штаты Нью-Йорк (с городом), Нью-Джерси, Калифорния (С.-Франциско), Иллинойс (Чикаго) и особенно уездные города Шенандоа, Кингстон, Миннеаполис, Фрейлэнд, Олифант и Шамокин в живописной Пенсильвании, которую Е.Н. Матросов (гр. Лелива) называет средоточием и ядром всего американского славянства вообще и Руси в частности. Славянство составляет в этом штате настолько преобладающую часть населения, что почтенный американолог, не колеблясь, называет Пенсильванию славянским штатом великой Союзной Североамериканской республики. Главными печатными органами русско-американского населения в обеих Америках является «Свет, часопис для православных русинов в Соединенных Штатах, Канаде и Бразилии, орган православных братств в Америке» под редакцией свящ. В.И. Туркевича (в Бриджпорте), на малорусск. наречии, а также двуязычный «Американский православный вестник», орган Алеутско-Калифорнийской епархии, выходящий с 1897 года на русском и английском языках под редакцией прот. А. Хотовицкого. Кроме того, там же печатаются «Русско-американский вестник», орган американских греко-униатов русской народности в Нью-Йорке (с 1888 г.); украинофильская «Свобода», еженедельное издание на русском языке, орган русских нигилистов и эмигрантов, выходящий в Сан-Франциско (Калифорния), и, наконец, «Правда», начавшая выходить недавно в Нью-Йорке на средства кружка молодежи из червонорусских переселенцев в С. Америке.

Между прочим, вышеупомянутый малорусский «Свет», получая сведения, что в Западной Европе и Америке учреждаются кафедры русского языка и словесности в университетах и других высших, а иногда и в средних учебных заведениях, напечатал у себя следующие строки: «Весь мир изучает русский язык: и австрийские офицеры, и англичане, и греки, и абиссинцы с негусом Менеликом во главе, и богословы. И если бы галицкие униаты проходили богосло-

вие по русским (великороссийским) книгам, то в настоящее время не было бы унии (Потребность знания русского языка. Свет, год II, 1898, №9). Из той же газеты и из «Американского православного вестника» видно, что в обеих Америках существует множество благотворительных, вспомогательных и культурных обществ, так называемых «братств», носящих имена самых дорогих лиц общерусской церковной и политической истории. Из малороссийских обществ особенно выделяются «громады» имени Богдана Хмельницкого, И. Котляревского и др. Всех русских в Северной Америке 600 000 душ, а в Южной Америке (Уругвае, Аргентине и Бразилии) лишь 60 000 человек. Православные образовали там 16 церковных округов (благочиний), прочие же все униаты. Особенно много сделали для новейшего просвещения русской православной колонии в обеих Америках епископ Алеутско-Калифорнийский преосвящ. Тихон, кафедра которого находится в С.-Франциско, и его предшественник еп. Николай Касаткин, теперь архиепископ Таврический.

Чехи, в числе 500 000 душ обоего пола, были первым аванпостом славянского переселения в Америку, которое началось после неудачной революции 1849 года в Австрии; мы уже не говорим о знаменитых богемских или моравских братьях, которые после смерти славянского гуманиста Амоса Коменского вместе с датскими и немецкими гернгутерами разбрелись по миру: часть их ушла в С. Америку и, проникши в полярные страны до Гренландии включительно, явилась просветителями эскимосов и других туземцев; сами проповедники, «собирая Богу дань», или перемерли, или претворились в среде многочисленных религиозных обществ Сев. Америки. Хотя чехов-колонистов в Америке меньше, чем поляков и даже русских, но они занимают в Новом Свете, бесспорно, первое место в экономическом и в культурном отношении. Живут они ремеслами, занимаются земледелием, фабричным трудом и другими промыслами. Эти чехи образовали колонии главным образом в Североамериканских Соединенных Штатах, именно в Висконсине (город Милуоки), Нью-Йорке (в одном Нью-Йорке живет 20 000 чехов), Пенсильвании (Газльтон), Массачусетсе (Бостон), Огайо (в последнем штате 95 000 чехов), Мэриленде (Балтимора), Иллинойсе (Чикаго), Миссури (С.-Луи), Айове (Сити), Небраске (60 000 – главным образом в Шейлере), Миннесоте (Омага, на берегу Мичигана), Техасе (г. Гренж, в количестве 50 000), Вашингтоне, штате Калифорнии (С.-Франциско), Новой Мексике, Сев. и Южн. Каролине (Чарльстаун). Во многих штатах находятся пункты с чешскими названиями. Таковы чешско-американские города Прага, Жишково, Пильзно, Палацкий и другие. Кроме того, есть несколько чешских колоний и в Южной

Америке, именно в Аргентине (главным образом в Буэнос-Айресе и в его окрестностях). В настоящее время в американской Чехии издается 48 газет: 7 ежедневных, 6 журналов, прочие полу-, еже- или двухнедельные. Старейшим печатным органом американских чехов является «Slavie» (с 1861 г.). Нуждающиеся в материальной помощи и в средствах к заработку находят поддержку в 150 человеколюбивых и патриотических обществах, объединяющих всех чехов и отчасти тамошнее славянство как бы в одно целое. Из литературных обществ самое важное - «Чешско-литературный полк» в С.-Луи (шт. Миссури). В одном Чикаго более 70 000 чехов. Там у них 5 католических и 6 протестантских храмов, 12 учебных заведений, 6 типографий для книг и газет на чешском языке, 2 литографии. В Чикаго выходят 4 газеты, 1 ежемесячный журнал и 7 еженедельников. Из среды чехов 1 является депутатом местного сейма (штат Иллинойс), 1 – в городской думе и 1 – членом училищного совета. Имущества у чехов в Чикаго 40 000 000 долларов. Они живут в юго-западной части города, главным образом в предместье его Pilzen.

Словаки североамериканские - как римско-католического, так и евангелическо-лютеранского вероисповедания - живут в Пенсильвании, именно в Питтсбурге, Филадельфии и Виллькинсбурри. У них имеется в этом штате 5 газет (главный орган у амер. словаков «Amerikanske Slovenske Noviny», под ред. Ив. Словенского, в Питтсбурге и «Cirkvene Listy» (там же). Кроме того, в америк. Словачине действует несколько литературных, культурных и благотворительных обществ, из которых особенную деятельность обнаруживают «Katolicka Slovenska Jednota», «Zenske Spolek» и «Питтсбургское центральное народное словацкое общество («Narod Slovenske Spolek»), со многими отделениями, которые насчитывают 6 000 членов. Часть американо-словацких униатов в начале 60-х годов перешла в православие. Подобно чехам, словаки, особенно принадлежащие к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, стоят на высокой ступени культурного и экономического развития. Во всяком случае, они нашли себе за морем относительный рай в сравнении с тем, что представляет в настоящее время их полумадьяризованная-полуеврейская родина в Европе.

Сербы. Их в Америке около 8000 человек. Почти все это переселенцы не из Королевства, а из Далмации, Семиградья, Баната и Приморья; колонии их находятся и в Северной Америке (Калифорния), и в Южной (Аргентина, Уругвай и Бразилия). У американ. сербов несколько благотворительных и вспомогательных обществ и четыре литературных органа, именно «Славенски глас» (в Буэнос-Айресе), «Српско единство» (в Чикаго), «Србин американац» и «Слобода» (в С.-Франциско).

Хорваты до последнего времени жили в Америке лишь в качестве рудокопов в Штатах, в Иллинойсе (Чикаго) и Калифорнии (С.-Франциско) или же моряков в приморских провинциях Южной Америки (Бразилии, Уругвае и Аргентине), где в их руках почти все южноамериканское судоходство. В одном лишь 1898 году переселилось за океан, именно в Североамер. Соед. Штаты из Австро-Венгрии 17 000 хорватов: в шт. Пенсильванию 3 301 человек, Иллинойс – 1 046, Нью-Йорк – 1 028, Огайо – 8871, Мичиган – 554, Колорадо – 855, Миннесота – 302, Монтана – 183 и Нью-Джерси – 140. Хорватско-американские литературные органы: «Iskre Slovanske Slobode» (Буэнос-Айрес, под ред. д-ра Бертолацци), «Narodni Glas» (там же), «Slovanska Sloga» (С.-Франциско), «Sloboda» (там же) и «Chicago» (Чикаго, в Иллинойсе).

К глубокому сожалению, сербы и хорваты даже на чужбине не живут в добром согласии, несмотря на газетные разглагольствования о братстве народов и особенно о славянском братстве. Вожди хорватов стараются всеми силами препятствовать развитию сербских православных обществ, основывая свои собственные римско-католические, или предъявляют притязания на существующие сербские под тем предлогом, что сербы те же хорваты, но лишь православные. Воинственный католицизм поддерживает эту вражду родных братьев, так как надеется окатоличить горсточку православных американских сербов; а последние уверяют, что у хорватов нет вовсе своего литературного языка: они украли его у сербов, подменив кириллицу латиницей, и т.д., и т.п.

Хорутан, или **словинцев** в Америке до 100 000 душ обоего пола: земледельцы или рудокопы, отчасти ремесленники. Из колоний самые важные в Калюмете, Кливленде и Джулейте (в шт. Миннесоте). В последней из них находится лучшее славинское учебное заведение на всю Америку. У тамошних словинцев существует до 80 вспомогательных, благотворительных и страховых обществ, из которых самое важное «Jugoslovenska Katolicka Jednota» в Миннесоте и «Krajnska Kat. Jednota» в Джулейте. Кроме того, у них пять газет, из которых больше всего имеют подписчиков «Amerikanski Slovinci» и «Glas Narodni».

Кашубы, или, как они сами себя называют, **словинцы**, заселившие с незапамятных времен низовья Вислы и южное побережье Балтики, теснимые померанскими мушкетерами, гекатистами и тевтонами, давно стали покидать родные селенья и рассеялись не только по всей Германии до Вестфалии включительно, но образовали колонии даже в Новом Свете, как свидетельствует об этом профессор Львов-

ского университета д-р Стефан Рамуль в специальном рукописном труде «Statystyka ludności Kaszubskiej».

В Америке кашубы живут в почти исключительно в С. А. С. Ш., куда они выселяются уже более четверти столетия. Их там в настоящее время наберется по крайней мере 60 000, в том числе 56 000 католиков и 4 000 евангел. вероиспов. Но значительное число кашубов имеется также в Бразилии; к сожалению, мало сведений о том, где именно поселились они там и каково им живется в Новом Свете.

Болгары. Тяжелое экономическое положение княжества Болгарского, государственный долг которого со времени Баттенберга, Стамбуловщины и до момента так называемого примирения с Россией возрос до 300 000 000 фр., побудило многих болгар, отличающихся вообще домоседством и любовью к насиженным местам, оставить родные пепелища и искать счастья за морем. Эти болгары первоначально хотели переселиться в Россию, но, получив отказ, устремились в Америку. Русские же болгары, потомки бывших колонистов Новороссийского края (губернии Бессарабская, Херсонская и Таврическая) в последние 40 лет выделили из своей среды многочисленных переселенцев на Кавказе и в далекой Сибири (областях Семиречинской и Семипалатинской, губерниях Томской, Тобольской и в Приамурском крае). Где именно поселились болгары в Америке, мы не знаем, но что в Америке имеются также и болгары в числе 4 000 семейств, об этом свидетельствует И. Свенцицкий, который вскользь упоминает лишь о том, что американские болгары живут вперемешку с другими переселенцами-славянами.

Сербы-лужичане, 20 лет тому назад спасаясь от немецкого наводнения, переселились в Америку и образовали там две-три колонии в Пенсильвании.

Источник: Драганов П.Д. Американские славяне // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета. № 5. Февраль. 1903. С. 43-49.

Source: Draganov P.D. American Slavs / Bulletin of the St.Petersburg Slavic Benevolent Committee. Nr. 5 Feb. 1903. pages 43-49.

Драганов Пётр Данилович (1857-1928) - российский библиограф, филолог, этнограф, историк. Автор более 40 научных и библиографических работ. Составил «Пушкиниану» на 50 иностранных языках, указатель переводов И.А. Крылова, Л.Н. Толстого на иностранные языки, указатель литературы о русских государственных

* См. об этом критич. статью проф. А. Бодуэна де Куртенэ: Кашубский «язык», кашубский «народ» и кашубский «вопрос» в Ж.М.Н.П. за 1897 г. № 4, стр. 307, 310 и 316.

деятелях, композиторах, писателях и др. Составил и опубликовал первый универсальный указатель «Bessarabiana» (1911), включающий книги, статьи, рукописи на русском, молдавском и других языках, вышедшие за 100 лет. Совместно с В.И. Ламанским редактировал 22-й том «Записок этнографического отделения Императорского РГО» (1894), участвовал в составлении болгарско-русского словаря.

Petr Draganov (1857-1928) - Russian Bibliographer, Philologist, Ethnographer, Historian, Author of over 40 scholarly and bibliographical works. Compiled "Pushkiniana" in 50 languages, an index of the translations of I.A.Krylov, L.N. Tolstoy into foreign languages, an index of literature about Russian statesmen, composers, writers and others, compiled and published the first universal index of "Bessarabiana"(1911) which included books, articles, manuscripts in Russian, Moldavian and other languages which came out over 100 years.

УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/4

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНОФИЛЬСТВА

П.Д. Драганов

Резюме

В статье П.Д. Драганов критикует точку зрения М.П. Драгоманова на литературный русский язык и автономию «руського» языка. В материале приводится с комментариями автора текст письма М.П. Драгоманова профессору Львовского университета известному австрофилу и украинофилу О.М. Огоновскому.

Ключевые слова: П.П. Драганов, М.П. Драгоманов, Галиция, русины, Австро-Венгрия, украинофильство.

A PAGE FROM THE HISTORY OF UKRAINOPHILISM

P.D. Draganov

Abstract

In the article P.D. Draganov criticises the view of M.P. Dragomanov regarding the Russian Literary Language and his plans regarding the autonomy of the "Ruthenian" language. In the material are the comments of the author and the text of Dragomanov's letter to O.M. Ohonovskii, Professor of L'viv University, a well-known Austrophile and Ukrainophile.

Keywords: P.D. Draganov, M.P. Dragomanov, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Ukrainophilism.

В своей заметке мы коснемся точки зрения на русский язык одного из величайших украиноманов, эмигранта, которому тесно было в России, который уехал, однако распространять за границей славу не «руського», лелеемого украинофилами языка (наречия), но ненавистного им общерусского литературного языка, лишь в лучшем случае слывающего у них «великорусским», «московским».

Львовское украино-русское издательское общество (Украино-руська видавничка спилка) напечатало недавно I том «Переписки» известного русского эмигранта, публициста, бывшего прив.-доц. Киевского универс. М.П. Драгоманова. Вероятно, немногие знают, что

судьбе угодно было забросить его на жительство и даже на «правительственную службу» в столицу болгарского княжества, где он и скончался в 1895 году в должности профессора истории народов европейского юго-востока в Софийском высшем училище, подданным тогда еще непризнанного принца Кобургского. Переписку эту собрал и объяснил один из столпов современной украино-русской учености и публицистики в Галиции М. Павлик, редактор покойной женовской «Громады».

Мы остановим внимание наших читателей лишь на одном письме страстного борца за полную автономию так называемого «руського» языка, т.е. малорусского наречия и его литературы, равным образом и самой Украины (Гетманщины). Письмо это адресовано М.П. Драгомановым проф. Львовского университета, известному австрофилу, ныне покойному Омеляну Огоновскому, получившему печальную известность своей подделкой всего доломоносовского периода русской литературы на «руський» (малорусский) лад. Он доказывал, что великорусской или московской литературы до половины XVIII века, собственно говоря, почти что не существовало, ибо «российское письменство» создано, возвращено и до сих пор питается длинным рядом украино-малороссийских уроженцев, изменников своему племени, которых подкупала сперва Москва, а потом и Петербург при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче, Петре В., Елизавете Петровне и Екатерине Второй, снесшей с лица земли последний оплот казацкой вольности, Запорожскую Сечь^{*}. Этот Огоновский просил Драгоманова, служившего уже 6-й год в Болгарии, сообщить ему некоторые биографические данные о себе для составляемого им, Огоновским, словаря русских (малороссийских) письменников (ученых, литераторов и писателей). Письмо Драгоманова, помеченное 23 мая 1894 г., является ответом на просьбу г. Огоновского.

Письмо это имеет огромное историко-литературное, а также и общественное значение и, по нашему мнению, должно служить точкой отправления при решении мнимо спорного вопроса о предоставлении малороссийскому наречию полной автономии и равенства в России наряду с общерусским литературным языком, великорусским наречием или, по терминологии украиноманов, «московской мовой».

Приводим знаменательные строки из письма М.П. Драгоманова

* Вышло всего два номера при трехглавой редакции М.П. Драгоманова, С. Подолинского и М. Павлика.

** История литературы русской. Написал Омелян Огоновский. Львов. I-VII части.

в буквальном русском переводе, помещая в подстрочном примечании подлинные малороссийские выражения Драгоманова, во всей их неприкосновенности и своеобразном правописании, уже в интересах наших малороссов, которые, пожалуй, не поймут сделанного нами великорусского перевода.

«В Софии (в Высшем училище), - пишет Драгоманов своему корреспонденту во Львов, - я до сих пор читаю лекции на русском языке, о чем имел случай сообщить газете "Народ"»...

Австрийскому украинomanу и русофобу Омеляну Огоновскому, несомненно, очень хотелось бы услышать, что Драгоманов читает свои лекции в Софии по-болгарски и даже на каком бы то ни было другом, хоть на тарабарском языке, но только «не по-русски». Тот же Огоновский позволил себе раньше напечатать измышленное им известие, что знаменитый украинский эмигрант, приглашенный на службу в Болгарию правительством принца Кобургского и Стамбулова, профессорствует там на болгарском языке. Разоблачение этой выдумки находим мы в данном письме М.П. Драгоманова.

«Откуда это Вы взяли, будто я свои лекции болгарам читаю по-болгарски? Если на то пошло, я скажу Вам, что все свои статьи для сборника (болгарского Министерства народного просвещения) я пишу прежде на русском языке, а болгарская редакция переводит это на болгарский язык»*.

Если все это так, т. е. если верно, что даже далекие от нас болгары понимают хорошо русские лекции М.П. Драгоманова, - а болгары во всех отношениях должны быть более чужды великороссам и их языку, чем малорусское население Слободской и Заднепровской Украины; если верно, что сам «батько» Драгоманов, защитник угнетенного «украинско-русского языка» от угрожавшей ему всероссийской ассимиляции, нашел полезным обучать болгарскую аудиторию разным наукам на русском языке, - а болгары, без сомнения, отлично понимали Драгоманова, ибо в противном случае тогдашнее болгарское русофобское правительство не платило бы ему 20 000 франков годового жалованья; если верно, с другой стороны, что сами червонорусские галичане отлично понимали великорусские лекции проф. Н.И. Кареева во Львове и восхищались ими, как

* Редактором этого болгарского офиц. изд. состоит до сих пор зять Драгоманова, проф. Высш. учил. в Софии И.Д. Шишманов.

** «В Софії ја до си читају лекцији по-росијскому, про шчо мав пригуду замітити в в. "Народи"... З відки Ви вziali, шчо ја читају по-болгарскому? Коли на то пошло, ја скажу Вам, шчо статјти своји дља Сборника ја пишу по-росијскому, а редакција переклада на боларске». См. М. Павлик: М.П. Драгоманов. Переписка. Том I, 1901, стр. 184.

это свидетельствовал г. Колеса на страницах венского «Славянского века» (№15), - если это так, то какое право имеют русские и не русские украинофилы утверждать в своих листках, жалуясь *urbi* (Вене) *et orbi* (всему миру), что российский язык совсем-де непонятен нашим малороссам, т. е. тридцати пяти или сорока миллионам граждан Российской империи, и что этот мнимо непонятный и мнимо ненавистный «московский» язык безжалостно навязывает угнетенному «руському населению Харьковщины, Полтавщины, Киевщины, Черниговщины», словом, всей Украины, лишь административная, притом грубая полицейская или военная сила; кто дал право этим австрийским интриганам и их покровителям утверждать, что малорусское население империи менее болгар достойно обучения русскому языку, в то время как у болгар даже в турецкое время русский язык и русские учебники были органами школьного образования, и русский язык до сих пор у всех югославян (черногорцев, сербов, болгар) и даже в подъяремных славянских областях Турции считается обязательным предметом в средней школе?

Наконец, пусть нам ответит здравствующий М. Гнатюк, соредактор, друг, ученик и душеприказчик М.П. Драгоманова, какое имел нравственное и научное право Драгоманов, этот великий человек на малые дела, негодую против А.С. Суворина*, уверять Россию 26 лет тому назад, будто «болгары совсем не понимают русского языка», и что утверждение Суворина о близком сходстве болгарского языка с русским «может вызвать лишь улыбку, ибо в болгарском языке есть слова, которых даже сами болгары не понимают», и что русский язык будто не имеет никаких шансов среди славян и даже малороссов (их Драгоманов считал тогда особым славянским народом, говорящим самостоятельным славянским наречием) стать языком нейтральным, научным, дипломатическим, *lingua franca*. По Драгоманову, он и не должен стать таковым; он в интересах спасения малороссов и всех прочих славян от российско-московского минотавра «Иоанна Калиты (*sic*), угрожающего жизни (ассимиляции) всем бедным славянским языкам и народам»**.

* Статья А.С. Суворина носила ироническое заглавие «Откажемся от болгар» (Новое время, 1876, №203). Вот подлинные ее слова: «Ни один народ Балканского полуострова так нам не близок, как болгары. Болгарский язык почти русский язык, и чем больше он будет развиваться, тем ближе он будет к русскому языку. В болгарских училищах русский язык почти везде обязателен, и вы встретите множество болгар, знающих русский язык».

** См. статью М.П. Драгоманова под заглавием «Чистое дело требует чистых средств». Напечатана была в еженедельном журнале «Молва», изд. кн. В. Оболенского и А. Жемчужникова. 1876, № 41 (10 октября), стр. 625-629.

Ведь сам же Драгоманов за год до своей смерти чтениями своими именно на «московском» языке утвердил болгар задунайских, столь далеких от Гадяча, Миргорода и Решетилówki, во мнении, что язык российский может стать среди болгар и других югославян языком нейтральным, научным, дипломатическим, *lingua franca*. Тем более относится это к русинам Червонной Руси, Галиции, Буковины и Угорщины.

Таким образом, ни болгарам, ни малороссам, ни австро-венгерским «рутенам» нет надобности переводить на свои «самостоятельные» языки «Тактику» генерала Драгомирова, «Сравнительную грамматику славянских языков» Миклошича, «Основы химии» Менделеева, «Догму римского права» Дорна, «Физику» Петрушевского и разные другие научные сочинения, включительно до «Дифференциальных и интегральных счислений», переводами которых на «руський» язык (малорусское наречие) вздумало удивить весь мир «Наукове товариство имени Шевченко» в Львове, имеющее в неопределенном будущем блестящие шансы на преобразование в Україно-руську академію наук и искусств в конституционной и свободолюбивой Австрии. Да и может ли быть равнодушным к значению и величию в мире общегосударственного и общелитературного русского языка сорокамиллионное население России, связанное с ней исторически, религиозно, политически и органически на веки вечные!

Что касается лично самого М.П. Драгоманова, то во время его долголетней, впрочем, добровольной скитальческой жизни был (и до сего дня является) разговорным и домашним языком (в Софии живет вдова покойного Людмила Драгоманова и дочь Лидия Михайловна Драгоманова, по мужу Шишманова) отнюдь не «украино-руський язык», а как раз именно великорусский язык... Зять же Драгоманова, профессор и ректор Софийского высшего училища И.Д. Шишманов, немецкий воспитанник, научившийся русскому языку главным образом в семье своего знаменитого тестя, написал и напечатал на русском (российском) языке прекрасное сочинение

Статья эта пришлась по вкусу всем русофобам, ибо тогда же появилась в сербском и польском переводе в виде отдельной брошюры. Весьма характерно и любопытно, что в той же статье Драгоманов, который и слышать не хотел о какой бы то ни было близости между русским и болгарским языками, тем не менее авторитетно замечает о «замечательном сходстве сербов и украинцев» и при этом ссылается на наблюдения профессоров Новоховича (читай Новаховича), Погодина, П. Лавровского, а также на П. Ровинского и, наконец, на корреспонденцию газеты «Голос».

«О русском влиянии Пушкина в болгарской литературе», которое является положительным украшением изданной в прошлом году С.-Петербургской академией наук юбилейной книги «А.С. Пушкин в южнославянских литературах».

Источник: *Драганов П.Д.* Страничка из истории украинофильства // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета. № 7. Апрель. 1903. С. 31-34.

Source: *Draganov P.D.* A Page from the History of Ukrainophilism / Bulletin of the St.Petersburg Slavic Benevolent Committee. Nr. 7. Apr. 1903. pages 31-34.

Драганов Пётр Данилович (1857-1928) - российский библиограф, филолог, этнограф, историк. Автор более 40 научных и библиографических работ. Составил «Пушкиниану» на 50 иностранных языках, указатель переводов И.А. Крылова, Л.Н. Толстого на иностранные языки, указатель литературы о русских государственных деятелях, композиторах, писателях и др. Составил и опубликовал первый универсальный указатель «Bessarabiana» (1911), включающий книги, статьи, рукописи на русском, молдавском и других языках, вышедшие за 100 лет. Совместно с В.И. Ламанским редактировал 22-й том «Записок этнографического отделения Императорского РГО» (1894), участвовал в составлении болгарско-русского словаря.

Petr Draganov (1857-1928) - Russian Bibliographer, Philologist, Ethnographer, Historian, Author of over 40 scholarly and bibliographical works. Compiled "Pushkiniana" in 50 languages, an index of the translations of I.A. Krylov, L.N. Tolstoy into foreign languages, an index of literature about Russian statesmen, composers, writers and others, compiled and published the first universal index of "Bessarabiana" (1911) which included books, articles, manuscripts in Russian, Moldavian and other languages which came out over 100 years.

УДК 94(436)1915

UDC

DOI: 10.17223/23451734/7/5

ВОПРОС ОБ ЕДИНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕД АВСТРИЙСКИМ ВОЕННЫМ СУДОМ В ВЕНЕ В 1915 ГОДУ

**Научные показания проф. д-ра В. Вондрака
о сущности и роли русского литературного языка
по отношению к его наречиям с вводной заметкой
автора и с предисловием и примечаниями проф.
д-ра Ю.А. Яворского**

Резюме

В материале приводятся показания профессора Венского университета доктора В. Вондрака, извлеченные из стенографического протокола заседания военного дивизионного суда ландвера в Вене, где рассматривалось дело депутата австрийского парламента, доктора Д.А. Маркова и его 6 товарищей.

Первый Венский процесс проходил с 21 июня по 21 августа 1915 г. «Вина» подсудимых заключалась в том, что после объявления всеобщей мобилизации они состояли членами «Русского народного совета» и других русских обществ и в качестве основателей «Карпаторусского освободительного комитета» занимались «подстрекательством» и вели «русофильскую агитацию». Обвиняемыми в государственной измене выступали 7 чел.

В ходе процесса было исписано 40 с лишним томов стенографических отчетов, и все подсудимые были приговорены к смертной казни через повешение. Только благодаря ходатайству испанского короля (Испания в ходе войны представляла интересы России в Германии и Австро-Венгрии) казнь заменили на пожизненное заключение

В. Вондрак как эксперт высказал свое мнение по вопросу о происхождении и роли русского литературного языка и его отношении к отдельным русским наречиям. Предлагаемые научные показания были представлены на 15-м заседании суда 7 июля 1915 г. и были извлечены из стенографического отчета (т. VI, стр. 1420–1468). Они были подготовлены и выпущены с параллельным переводом на русский язык в 1924 г. во Львове известным деятелем русского движения Галиции Ю.А. Яворским отдельной брошюрой.

Ключевые слова: В. Вондрак, Ю.А. Яворский, Первый Венский процесс, русины, Австро-Венгрия, Галиция, Первая мировая война.

THE QUESTION ABOUT THE UNITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE BEFORE THE AUSTRIAN MILITARY TRIAL IN VIENNA IN 1915

Scholarly Evidence of Dr. V. Vondrak about the Essence and Role of the Russian Literary Language in Relationship to its Dialects and Introductory Note of the Author and Preface of Professor Dr. Yu.A. Iavorskii along with his comments.

Abstract

In the material the evidence of Dr. V. Vondrak, Professor of the University of Vienna, is presented. This evidence was excerpted from the stenographic protocol of a session of a military divisional trial in Vienna in which the activity of a deputy of the Austrian Parliament, Dr. D.A. Markov and six of his compatriots were under examination. The First Viennese Trial occurred from June 21 to August 21, 1915. The defendants were accused of being members of the "Russian National Council" and other Russian societies and as founders of the "Carpatho-Russian Liberation Committee". They were accused of being active in instigating and carrying out "russophile agitation". Seven people were charged for high treason. During the trial forty plus volumes of stenographic reports were documented and all accused were sentenced to death by hanging. Thanks to the intercession of the Spanish king the execution was changed to life imprisonment. (During the war, Spain represented the interests of Russia in Germany and Austro-Hungary).

V. Vondrak, as an expert, stated his opinion about the origin and role of the Russian Literary Language and its relationship to the diverse Russian dialects. The scholarly evidence was presented at the 15th session of the trial on July 7, 1915 and was extracted from the stenographic records (v. 6, pages 1420-1468). They were prepared and printed in a booklet with parallel Russian translation in 1924 in L'vov by the well-known activist of the Russian Movement in Galicia Iu.A. Iavorskii.

Keywords: V. Vondrak, Iu.A. Iavorskii, First Viennese Trial, Rusins, Austro-Hungary, Galicia, WW1.

Предисловие

Общерусская национальная идея и ее естественный внешний символ и выразитель – литературный русский язык – подвергались издавна и планомерно среди русского населения Прикарпа-

тя всевозможным преследованиям и гонениям со стороны бывших австро-венгерских властей, причем происходило это, конечно, не вследствие каких-нибудь внутренних предосудительных или вредных их свойств или тенденций вообще, а просто и исключительно только благодаря тому, что тут же, рядом, в качестве властно и неизменно притягивающего национального центра существовала могучая, единокровная этому населению Россия, по отношению к которой разрушенная ныне Габсбургская тюрьма народов всегда испытывала поэтому непримиримую, ревнивую вражду и слепой и неистовый страх. Помимо постоянных и систематических частных преследований русской речи, печати, культуры и даже самой мысли по себе, достаточно припомнить в этом отношении хотя бы только такие более выдающиеся и яркие случаи общих судебно-политических репрессий, как, например, известные процессы Ольги Грабарь и тов. 1882 г., братьев Геровских 1899 г. или, наконец, уже непосредственно накануне войны, С.Ю. Бендасюка и тов. 1914 г., на которых в качестве главного подсудимого привлекался именно общерусский национальный принцип и литературный русский язык, чтобы составить себе об этом уродливом и нелепом извращении австро-венгерской государственной мысли надлежащее понятие вообще.

Но если все-таки в нормальных и более или менее сдержанных условиях мирного, конституционного режима это изуверское извращение и оставалось еще с грехом пополам в пределах известного правового метода и порядка, то с момента разразившейся вдруг в 1914 г. всемирной войны, сразу же направившейся со стороны обезумевшей Австро-Венгрии почти исключительно против России, проявилось оно уже в такой дикой и безудержно-яростной форме, что трудно даже поверить, чтобы в наше правовое и культурное время был еще вообще возможен по отношению к своим собственным, мирным и ни в чем неповинным гражданам такой беззастенчивый и гнусный государственный произвол и разбой. Тут уже, помимо всеобщего и полного истребления всей общественной и культурной русской застройки и жизни в крае вообще, всякого внешнего русского признака и следа даже с лица родной земли, начались такие неистовые и дикие оргии, такой сплошной чудовищный кош-

* Об указанных культурно-политических процессах см.: Стенографический отчет из судебной расправы по делу Ольги Грабарь и тов., Львов, 1882; Стеногр. отчет из разбирательства кассационного суда в Вене (по тому же делу), Львов, 1883; П.А. Кулаковский. Русский язык и литература перед судом в Австро-Венгрии, Вильна, 1900; П.Е. Казанский. Русский язык в Австро-Венгрии, Одесса, 1912; Судебный отчет по делу С.Ю. Бендасюка и тов. – в газ. «Прикарпатская Русь» за 1914 г. и др.

мар слепой и поголовной травли и хулы, как это могло иметь место разве в самые мрачные и лютые моменты каких-нибудь изуверских судорог отдаленнейших старых времен. И многие-многие тысячи безвинных мирных людей, все преступление которых заключалось единственно в том, что они признавали себя русскими и оставались верными своей заветной национальной правде и мечте, были вдруг объявлены, как государственные изменники и враги, вне всякого закона и щита, а вслед за тем и подвергнуты сразу самым лютым и бесчеловечным надругательствам, гонениям и мукам - до массовых арестов и мытарств по всевозможным лагерям и тюрьмам и, наконец, бесчисленных и беспощадных избиений и казней, виселиц и расстрелов включительно.

В ряду самых возмутительных и злостных случаев чудовищной австро-венгерской расправы с мирным и невинным карпаторусским населением особенно выделяется известное венское военное-судное дело по обвинению в государственной измене семи галицко-русских общественных деятелей с депутатами парламента д-ром Д.А. Марковым и В.М. Курыловичем во главе. Представляя, в сущности, - хотя, впрочем, и в более крупном и ярком масштабе - только обычную точную копию с бесчисленного количества других подобных дел тех жутких дней, оно в то же время является особенно замечательным и характерным в данном отношении потому, что происходило оно ведь не в суетных и произвольных мутях какого-нибудь глухого, захолустного застенка, не в какой-нибудь случайной и угарной обстановке дикого и буйного разгула рассвирепевших жандармов или просто пьяной солдатни, а именно, словно в резком и явственном фокусе, на самом виду, в самом центре государственной политики и жизни, в полном блеске столичной мишуры и культуры, во всеоружии державного правопорядка и суда.

Производилось это гнусное дело - или так называемый Первый венский русский процесс - перед военным дивизионным судом ландверы (Landwehrdivisionsgericht) в Вене, в продолжение полных двух месяцев, с 21 июня по 21 августа 1915 г., при председателе (Vorsitzender) оберсте Карле Петцольде, докладчике-руководителе (Verhandlungsleiter) оберлейтенанте-аудиторе д-ре Роберте Пейтельшмитде и военном прокуроре (Militär-Anwalt) оберлейтенанте-аудиторе д-ре Рудольфе Вундерере, обычное же по тем лютым и безумным временам обвинение в государственной измене было направлено против следующих арестованных в первые же дни во-

* Подробнее см. об этом: Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг., вып. I, Львов, 1924.

енной мобилизации семи лиц: депутатов парламента д-ра Д.А. Маркова и В.М. Курыловича, присяжных поверенных д-ров К.С. Черлюнчакевича из Перемышля и И.Н. Драгомирецкого из Золочева, корреспондента «Нового времени» Д.И. Янчевецкого и крестьян Фомы Дьякова из Вербежа и Гавриила Мулькевича из Каменки Струмило-вой.

Если уже само внешнее и случайное объединение всех этих лиц различных групп, кругов и местожительств под одним и тем же обвинением достаточно ясно свидетельствует о том, что последнее было наведено искусственно, вырывочно и зря и, стало быть, никаких конкретных и фактических оснований не имело, а относилось главным образом только к общей и свойственной всем подсудимым национальной русской идее и сущности вообще, то на поверку из целого хода этого позорного судилища, несмотря на все ухищрения и подвохи самого обвинения, становится уже совершенно очевидным, что тут ни малейшего признака или замысла даже не то что настоящей государственной измены, а хотя бы только какого-нибудь мелкого и косвенного политического проступка и в помине не было и быть не могло. Таким образом, именно в бессильном сознании полного отсутствия какого бы то ни было состава преступления и весь ход самого разбирательства дела вращался, собственно говоря, впустую, вокруг одних только общих идеологических вопросов относительно русской национальной идеи и литературного русского языка вообще, а естественной приверженности к ним или т. наз. «русофильства» подсудимых в частности, причем вместо каких-нибудь документов, вещественных доказательств и других подобных улик на нем фигурировали одни только безобидные русские газеты и книги, с одной стороны, а частные письма или даже открытки с видами России - с другой. А впрочем, ничего больше и не нужно тут было для слепого и тенденциозного австрийского правосудия войны, так как все дело сводилось в конце концов к тому, - как это сразу же и прямо установлено было на самом суде, - что в пределах Австро-Венгрии не было, нет и быть не может никакого русского народа, а есть только один верноподданный «украинский» народ, ввиду чего, конечно, всякий, кто лишь признает себя русским и считает литературный русский язык своим родным, уже тем самым совершает государственное преступление и является для государства заведомым предателем и врагом. И, как это ни невероятно и дико, этот злостный и коварный принцип, заменив собой все отсутствующие факты и улики, являлся именно тем главным и основным мотивом, на котором уже заранее было построено и которым настойчиво орудовало все время обвинение как в лице военного прокурора и

членов суда, так и со стороны неизбежных свидетелей - доносчиков из бессовестного Каинова отродья - «украинских» общественных кругов. «Кто употребляет русский язык, не может быть хорошим австрийцем», - эта нелепая и изуверская дилемма, цинически открыто и прямо сформулированная одним из пресловутых «украинских» свидетелей-экспертов, адвокатом д-ром Ф. Ваньом из Золочева, несменно проникала все дело с начала до конца, в особенности же подчеркивалась на все лады применительно к отдельным подсудимым в свидетельских показаниях почти всех других достойных соратников последнего, как-то депутатов д-ра К. Левицкого, д-ра Е. Петрушевича (впоследствии «захидноукраинского диктатора»), В. Будзыновского, о. С. Онышкевича, В. Яворского и С. Витыка, профессоров д-ра К. Студинского и д-ра А. Колессы, адвоката д-ра Ф. Кормоша, сов. В. Ясеницкого, редактора «Діла» Я. Весоловского и других.

А в результате всего этого явного и заведомого политического произвола, шантажа или бреда - «семь повешенных» в виду, семь смертных приговоров, которые только экстренно и случайно, благодаря своевременному и энергичному личному ходатайству испанского (!) короля, не были тут же проведены, как в других подобных случаях, до страшного, рокового конца...

Не задаваясь здесь широкой целью сколько-нибудь использовать или отобразить весь этот чудовищный военно-политический процесс сам по себе, что уже ввиду громадного его размера - около 40 объемистых томов машинного письма самого стенографического отчета - является пока, конечно, совершенно непосильной и праздной мечтой, мы считаем все же своевременным и нужным, по крайней мере, полностью извлечь из него для всеобщего сведения один частный, но, бесспорно, самый существенный и важный эпизод, вокруг которого к тому же, как уже было указано выше, беспомощно вращался и весь этот процесс вообще, а именно - обстоятельную научную экспертизу авторитетнейшего представителя славяноведения в Австрии профессора Венского (ныне Брненского в Чехии) университета д-ра Вацлава Вондрака по вопросу о сущности и роли русского литературного языка вообще, о его отношении к отдельным русским наречиям в частности. И хотя глубокая и блестящая экспертиза эта, являющаяся в общем последним и неоспоримым словом научного познания и суда, и прозвучала вчуже, в безумной и жестокой обстановке военной грозы совершенно напрасно и зря и, увы, не образумила нимало ничем не убедимых судей-палачей, то,

* Краткий обзор данного процесса см. в статье К. Николаевича: Первый венедский процесс - в «Календаре О-ва им. М. Качковского на 1920 г.», Львов, 1919, стр. 130-134.

может быть, все-таки ныне, в более уравновешенных и чутких условиях вновь воспрянувших культурных ценностей и основ, она и возымеет в данном отношении решающий и действенный успех. Тем более что она, идя совершенно вразрез со всей общей и заведомой тенденцией не только австро-венгерских властей вообще, но и самого даже суда - не в пример угодливым и безответственным наветам и подлогам добровольного «украинского» сыска - представляет вместе с тем также и благороднейший образец высокого научного и гражданского мужества и нелицеприятия, которые дорого могли обойтись самоотверженному ученому в те грозные, беспощадные дни, но зато не оставляют уже ни малейшего сомнения в том, что каждое слово этого смелого присяжного показания было продумано и произнесено им в высшей степени искренне и правдиво, не за страх, а за совесть, за научный и нравственный долг.

Предлагаемые здесь научные показания профессора Вондрака, представленные им на 15-м заседании означенного суда 7 июля 1915 г., извлечены нами полностью и буквально из стенографического отчета о последнем (т. VI, стр. 1420-1463), причем в видах большей достоверности и точности текста, с одной стороны, а самой широкой доступности его как для русских, так и для инородных читателей - с другой, воспроизводим последний параллельно - в немецком оригинале и в возможно точном переводе на русский язык.

С признательностью следует отметить, наконец, что этот подлинный немецкий текст был специально для настоящего издания любезно просмотрен и выправлен самим же автором, который, кроме того, снабдил его также еще особой вступительной заметкой, придающей ему, без сомнения, сугубо устойчивый и живой интерес.

В общем, эти знаменательные показания выдающегося славянского ученого, обстоятельно и всесторонне излагая простыми и ясными словами всю сложную сущность вопроса, не нуждаются, конечно, ни в каких особых пояснениях и дополнениях по существу. Можно бы, пожалуй, там и сям несколько более выдвинуть или распространить тот или другой отдельный момент, следовало бы, быть может, в некоторых случаях усилить показательность примеров и углубить их значение и фон, но это все уже лишь частные детали и черты, которые ничего не прибавили бы по сути к стройной и неотразимой убедительности и силе научных выводов и положений автора самих по себе. В крайнем случае, тут оставалось бы только так или иначе пополнить естественный внешней пробел данного изустного текста, допущенный, конечно, в связи с особыми условиями его происхождения и назначения для суда, а именно совершенное отсутствие в нем научной литературы и цитат, ввиду чего мы и позволяем себе,

кстати, хоть в общих чертах указать в примечаниях на важнейшие научные труды как по некоторым частным, затрагиваемым попутно его моментам, так и по самому этому главному и основодержавшему вопросу вообще.

Ю. Яворский

Введение

В настоящем политическом споре перед лицом сурового военного суда наглядно отражается все то, что можно наблюдать и в других случаях в жизни народов. Приверженцы какого-нибудь языка или наречия, не употребляющегося еще в качестве литературного языка, считают уместным - происходит же эта мысль обыкновенно из среды их интеллигенции - возвысить свое родное наречие до степени литературного языка. Могут быть представлены для этого те или другие основания, могут даже на самом деле существовать для этого весьма важные причины, которых нельзя уж так легко отвергать. И все-таки это такой шаг, над которым стремящиеся к нему интеллигенты должны бы раньше призадуматься с величайшей осмотрительностью и всесторонне.

Обладать готовым литературным языком, который не совсем чужд родному наречию, так что ему легко можно выучиться в школах, который имеет свою традицию и свою литературу, является огромным удобством и неоценимым сокровищем, так как все то, что написано на этом языке, представляет вместе с тем также достояние всех, кто пользуется им в качестве литературного языка. И можно ли так легко принять на свою ответственность отказ от подобного сокровища? И сознают ли все те, кто стремится к введению нового литературного языка, все трудности, с которыми соединено его создание? Сколько усилий потратится зря, например, на одно только образование новой научной терминологии, так как ведь и она тоже должна быть совершенно новой и, сохрани Бог, чтобы хоть сколько-нибудь напоминала прежний литературный язык, по отношению к которому создается вдруг, большей частью - искусственно, какая-то антипатия и вражда. И если даже в конце концов и образуется кое-как этот новый литературный язык, то народ остается тут все же в убытке. Самонадеянно кичась своим новым приобретением, он не принимает во внимание того, что им утеряно при этом, не соображает, что он безрассудно завалил себе камнями путь, который прежде привольно вел его к неоценимым старым сокровищам.

Огромная ценность такого общего языка, стоящего над частными, даже довольно крупными наречиями, видим наглядно у немец-

кого народа. Сколько здесь противоречий между севером и югом, востоком и западом, в вероисповедании, характере, традиции и т. д., а все-таки все эти разнородные и расходящиеся врозь частицы крепко соединяет единый литературный язык, который все изучили в школах, - литературному же языку везде должно учиться в школах. Люди, владеющие одним лишь своим наречием, - если бы подобные невежды нашлись еще среди немцев вообще, - вовсе даже не понимали бы его. А если бы здесь все-таки возникла какая-нибудь распря, то таковая была бы только скоропреходящей - эту трещину тотчас опять склеил бы могучий литературный язык. Такая-то волшебная сила литературного языка с богатыми традициями и великой мировой литературой! *Nic disce!*

Брно, 15 ноября 1923 г.

Вацлав Вондрак

**Извлечение из стенографического протокола заседания
военного дивизионного суда ландверы в Вене по делу
д-ра Д. А. Маркова и тов. от 7 июля 1915 (т. VI, стр. 1420 - 1463)**

Перевод

Докладчик-руководитель д-р Пейтельшмидт: Вопрос, о котором тут идет речь, заключается в существенных чертах в следующем: следует установить соотношение и представить краткий исторический обзор образования русского языка вообще, а его раздробления на различные наречия и нынешних отношений между велико- и малорусским, а в особенности галицко-русским языком в частности. Прошу высказаться об этом.

Эксперт д-р Вондрак: Вопрос этот неоднократно рассматривался в последнее время в науке. Лучше всего можно представить его с помощью карты. Достаточно указать здесь на языковые области. То, что отмечено зеленой краской, представляет русскую языковую область вообще. Одна часть зачерчена перпендикулярными зелеными линиями, другая - горизонтальными, причем та часть, которая зачерчена перпендикулярными линиями, представляет малорусскую, рутенскую или южнорусскую языковую область. Вопрос в том, составляла ли первоначально вся эта область одно целое, употреблялся ли здесь один тождественный язык?

Тут расходятся мнения. Большинство славистов утверждает, что здесь действительно существовал единый язык, и они приводят целый ряд признаков, которые это доказывают на самом деле¹. В

этом отношении следует в особенности привести так называемую группу *tert* и *tort*. Вот схема: *r* может быть заменено посредством *l*, а *t* посредством каждой согласной, за исключением *j*. Когда эта группа появилась в восточнославянском языке, произошло изменение, которое одинаково присуще целой этой области и имеет место только в этой области, а больше нигде. Например, *Przemysl* звучит по-русски *Перемышль*. Характеристической чертой является здесь то, что гласная остается перед плавной; она не изменяется. Вместе с тем, после плавной разворачивается вторая, однозвучная с предыдущей гласная, так что получаются две гласные: *Перемышль*. То же наблюдается и в других словах, напр. *голос*, в малорусском *holos*. В других славянских языках этого нет, там гласная переставляется. В западнославянских языках имеем тут *glas* (*hlas*, *glos*), в южнославянском так же само (*glas*). Гласная не осталась нигде больше в таком полнозвучном виде, только в одной этой единой области. Это такой характерный признак, который показывает, безусловно, что все эти племена жили когда-то в тесной общности друг с другом и имели, очевидно, один общий язык.

Кроме этого признака, существуют еще и другие, напр., также замена глухих *ъ* и *ь*. В праславянском языке существовали две глухие, который отличались своей краткостью. Обе были различны, и различие их в данных областях сохранилось еще в том, что одна передается посредством *o*, напр. *горло*, другая же посредством *e*, напр. *сердце*. В других славянских языках этого нет. Эти последние производят это иначе; они развернули слоговое *r* и *l*, затем также сопроводительные гласные, как перед, так и после плавных, но, подобно тому, как в русской области, это здесь места не имеет. Дальше, напр., характерно отношение к праславянскому *tj* и *dj*: *tj* переходит в *ч*, а *dj* в *ж*, напр. *хочу* и *урожен*. В частности, в малорусском языке перед это *ж* стало еще *д*, так что из *уроджен* получилось *уроджен*. Но это произошло уже позже под влиянием тех форм, в которых не последовало замены. В более древних источниках везде было только *ж*, как в малорусском, так и в великорусском языке; оно присуще им в одинаковой мере.

Затем следует отметить ударение. Ударение тут замечательно. Как в малорусском, так и в великорусском языке замечается передвижное ударение, то есть оно переносится в различных формах с одного слога на другой. В малорусском *вода* ударение падает на *а*, в винит. падеже *воду* - ударение перешло на *о*. В великорусском языке наблюдается то же самое; ударение осталось здесь такое же, как было в праславянском языке. Иногда здесь сохранилось праязыковое ударение: *жена* или *жона*, с ударением на *а*. Так было уже

в праязыке, что ударение падало на последний слог, как и в этимологически одинаковом греческом слове *ῥῆμα*, где ударение тоже падает на последний слог. Здесь *ю* дается то же самое.

Вот прежде всего то, что касается звуковой стороны вопроса. Существуют еще и другие признаки, которые точно так же говорят в пользу единства, но они должны быть представлены письменно, чтобы их можно было в точности уразуметь. Совершенно так же и словесный материал данной области в значительной степени один и тот же, причем обнаруживаются весьма замечательные явления, доказывающие это близкое родство. Напр., слово «40» в других славянских языках выражается посредством выражения «4 десятка» - *četyre (i) desęte (i)*. Здесь этого нет; как в малорусском, так и в великорусском языке говорится *сорок*, очевидно, заимствование из греческого. Дальнейшее такое образование – «90». Там говорят «9 десятков», а в малорусском и великорусском - *дев'яносто*. Это весьма замечательное образование, отличающееся от всех других славянских языков.

Но эта область, бывшая первоначально единой, уже рано раскололась диалектически на различные части. Книжный язык, который здесь употреблялся, был прежде всего церковнославянский. Христианство пришло с юга, а с ним и церковнославянщина - и на этом языке затем и писалось все на Руси. Но скоро стали проникать в эти памятники и местные черты. Имеем памятники из XI века, напр. Остромирово Евангелие 1056-1057 г., затем Изборник 1073 г. и памятники 90-х годов. В этих памятниках, язык которых был церковнославянский, находятся черты, обнаруживающие русское происхождение, а именно прежде всего та группа, о которой было упомянуто раньше; напр., вместо церковнославянского *trat* из *tort* мы встречаем здесь неоднократно *torot*, а *teret* вместо *tert*. Имеются здесь и другие признаки: напр., *е* заменяется уже рано посредством *и*, что является характерным признаком малорусского или южнорусского элемента. Это проявляется прежде всего на данной почве. Но также и в одной части великорусской области встречается тот же самый звуковой процесс, который повторяется здесь.

С течением времени это противоречие между отдельными наречиями развивалось все сильнее - и это относится в особенности к малорусскому наречию. Этому содействовали различные политические обстоятельства, как, напр., владычество Польши, которое продолжалось значительное время. Если посмотреть на карту, то можно заметить также и на малорусской языковой территории громадное количество желтых пятен. Это просто польские колонии или большие помещичьи владения; они так многочисленны, что напомина-

ют усеянное звездами небо. Это не осталось, конечно, без влияния тоже и в отношении языка, и мы видим, что именно в малорусской области словесный состав не остался ненарушенным. В малорусском языке имеется множество слов, которые вовсе не встречаются в великорусском или попадают в нем лишь редко, а должны быть отнесены только к влиянию польского языка. Конечно, обязательно можно заметить при этом, что они появляются гораздо позже, что вполне понятно. Как интересный пример могу привести слово *пан* – «господин», которое появляется в малорусских памятниках с XVI в.; но это же слово появляется также в некоторых великорусских памятниках, так как польское влияние проникает даже туда. То же слово встречаем также в литовском языке, как *pons*; оно заимствовано. Форма *pan* не первична; этимологически она находится в связи с праславянским *župan*, что обозначало должностное лицо определенного рода. Это слово сохранилось еще в отдельных славянских языках, где получило значения разных оттенков. Из него возникло в западнославянской области *pan*, а именно в посредствующей форме *hpan*. Как образовалось оно, прямо ли от *župan* или из предполагаемой второй формы *gran*, это спорный вопрос, но этимологическое родство между *župan* и *hpan* или *gran* несомненно. В то время, когда в чешском языке можно отметить здесь переходную ступень, в малорусской области это не имеет более места. Тут имеется просто *пан*; это слово появляется здесь в более поздней форме, которая показывает, что оно проникло сюда под влиянием западнославянских языков, а в частности - польского.

Польское влияние обнаруживается здесь также в целом ряде других слов; малорусский словесный состав перетравлен вообще весьма сильно польскими словами. В великорусском говорится иной, в малорусском часто - *иный*; это ничто другое, как сравнительная степень. Возьмем, напр., слово *нибы*; оно проникло в малорусский язык тоже из польского, точно так же, как и *ним* и т. д. В малорусском языке встречаем целый ряд подобных слов.

Под конец XVIII в. начинает малорусский элемент заметно проявляться также и в литературном отношении. Появляются памятники, литературные произведения, написанные на употребляемом здесь наречии, а именно прежде всего на Украине, в России. Основателем был Котляревский со своей «Энеидой», которая является первым того рода произведением на малорусском языке. Имеются, правда, также памятники более старого времени, которые показывают, что подобные попытки имели уже место и несколько раньше. Этот язык вводится затем все интенсивнее в употребление, появляется все больше памятников подобного рода, писателей, представивших

вполне замечательные произведения, как, напр., Кветка Основьяненко. Затем следуют отдельные известные поэты, как, напр., Шевченко.

Однако в половине прошлого столетия центр развития этого языка был перенесен в Галичину, так как в России это не было вполне возможно, в Галичине же, т. е. в Австрии, мог этот язык развиваться и развиртываться дальше. Но здесь замечается у малорусских писателей определенное направление: они делают усиленные попытки вытравлять отдельные слова, существовавшие до тех пор в малорусском языковом составе, и заменять их другими, а именно преимущественно польскими словами. В Галичине это, конечно, понятно, так как ведь связь между польским и малорусским элементом здесь тесная, в виду чего они и обратились прежде всего к польскому языковому материалу. Это имело определенную цель: малорусским писателям прежде всего шло о том, чтобы показать, что их язык самостоятелен, что он не имеет ничего общего с русским. Это они стремились выразить то же и в своих произведениях, а потому они прежде всего стали вытравлять все слова, которые встречаются и в русском языке, и заменять их польскими. Ту же тенденцию, которая распространяется все дальше, можно проследить и в «Вестнике державных законов». В этом «Вестнике» с 1848 г. употребляются еще церковнославянские буквы и слова, и это продолжается затем и дальше. У меня имеется здесь пример из «Вестника» 1888 г. относительно закона об обеспечении рабочих. Тут сказано в заглавии: *в державной думе*; затем у меня есть номер от 1907 г., в котором уже говорится: *в раде державной*, - следовательно, слово *дума* уже устраниено, так как оно находится и в русском языке, а заменено словом *рада*, которое имеется в польском. Точно так же говорится еще в «Вестнике» 1888 г. *издано*, - а в 1907 г. уже *видано*, значит, опять-таки другое (польское) образование. В номере от 1888 г. - *за согласием*, в 1907 г. - уже *за згодою*, то есть просто принято польское *zgoda*.

Того рода тенденция во всяком случае не может быть признана правильной, так как язык подвергается опасности, что он в качестве литературного языка просто не будет понят малорусами на Украине, потому что он не обладает ведь таким количеством слов, как местные слова, родственные или тождественные с великорусскими. Против подобного образа действий поднимались уже предостерегающие голоса; особенно следовало бы вспомнить Ягича, который предостерегал перед этим². В статье «Osteuropäische Literaturen und die slavischen Sprachen» в журнале «Die Kultur der Gegenwart», изд. П. Гиннебергом, Берлин, 1908, стр. 18, - известной публикации - он выразился следующим образом: «В настоящее время переживает ма-

лорусский язык в Галичине настоящий период бури и натиска. Производимая почти с лихорадочной стремительностью выработка его, даже применительно к отдаленнейшим областям прикладных наук, прежде чем налицо оказались крупные таланты для отдельных специальностей, вызывает вопросы, удачное разрешение которых не всегда легко. Язык нагружается слишком поспешно бесчисленными новообразованиями, подвергаясь опасности потери своей естественности и народности. Он удаляется все больше от безукоризненных украинских образцов. Стремление к возможно сильному выражению языковой индивидуальности и самостоятельности малорусского языка по отношению к великорусскому увлекает некоторых писателей к всевозможным искусственно, по польским и немецким образцам придуманным новообразованиям, каковым дается преимущество перед древним общерусским наследием, чтобы только создать что-то новое, отличное от великорусского языка. Подобных крайностей, противоречащих правильно понятым интересам естественного развития малорусского языка, никоим образом нельзя одобрить». Это слова проф. Ягича, под которыми я мог бы подписаться, безусловно.

Некоторые из малорусских ученых признают это единство. Я могу здесь указать, напр., на проф. Колессу. В своей речи в парламенте от 8 июня 1908 г. он признал принадлежность малорусского языка к великорусскому; в находящемся передо мной издании, стр. 371, он говорит: «Славянская ветвь распадается на три группы: во-первых, южнославянскую языковую группу (болгарский, сербохорватский и словинский языки), во-вторых, западнославянскую языковую группу (польский, чехословацкий и кашубский языки) и, в-третьих, русскую, или восточнославянскую языковую группу. Последняя обнимает: а) великорусско-белорусский язык и б) малорусский (украинский, рутенский) язык. Эта восточнославянская языковая группа образует одно целое не по отношению к каждому славянскому языку в отдельности, а только по отношению к южнославянской языковой группе, с одной стороны, а к западнославянской языковой группе - с другой, причем она тесно объединена некоторыми внутренними чертами». Итак, он признает, по крайней мере, что это принадлежит к одному целому, к русской языковой группе³.

Другие малорусские филологи отрицают уже какую-нибудь связь с великорусским языком вообще. Так, напр., читал я в 1913 г. малорусскую грамматику проф. Смаль-Стоцкого, в которой делаются попытки доказать, что малорусский язык вообще не имеет ничего общего с великорусским, причем он пытается привести его в связь прежде всего с южнославянским, а даже желал бы его просто отне-

сти к сербохорватскому - начинание, которое филологически никак не может быть оправдано. Я уже раньше отметил отдельные признаки, которые этому противоречат. Конечно, кое-что встречается такое, что напоминает южнославянские языки, - явление, которое наблюдается неоднократно в случае соприкасания языков. Так, напр., в данном случае в малорусском нет смягчения согласной перед *е*: в то время как в великорусском *не* произносится как *нѣ*, здесь звучит *не*, как и в южнославянском, но это образовалось только с течением времени. Имеются древние памятники XI века, написанные, вне всякого сомнения, в нынешней малорусской области, в которых мы замечаем, как, напр., в Изборнике 1073 г., что писец смешивал *не* и *нѣ*. После *н* он писал *ѣ*, что явственно показывает, что он смягчал согласную, которая в то время произносилась еще в малорусском языке как *нѣ*, и что это смягчение с течением времени затерялось. Данное сочинение Смаля-Стоцкого встретило с многих сторон осуждение за то, что в нем заключаются взгляды, которые обоснованы быть не могут⁴.

Что касается отношения того малорусского языка, на котором говорят в Галичине, к украинскому языку, употребляемому в России, то, конечно, родство их самое близкое. Даже те самые слова, которые проникли сюда из польского, встречаются в изобилии также и здесь, на Украине, хотя в Галичине их все же больше; в последней имеется гораздо больше слов с польского, чем на Украине. Поэтому все-таки замечается некоторое разноречие. Следует отметить также, что малорусский язык на Украине часто распадается на дальнейшие говоры, которые, в свою очередь, выказывают также различия, в особенности, напр., в отношении *i*. В Галичине *i* произносится по большей части как *е*, между тем как в украинских говорах оно имеет другое произношение.

Вот все, что в общих чертах можно было бы сказать об этих отношениях. Можно бы, конечно, привести гораздо больше признаков и материалов, но это завело бы нас слишком далеко.

Докладчик: Каков же результат экспертизы?

Д-р Вондрак: Результат следующий: малорусский язык тесно связан с великорусским; он составлял с ним, очевидно, одно языковое целое, отражения которого проявляются еще и ныне. С течением времени однако в малорусском языке, главным образом под польским влиянием, обнаружилось разбежное развитие. Но не под одним только польским влиянием - отдельные черты развились сами собой, как, напр., переход *е* в *i*, - так что, благодаря этим двум обстоятельствам, возникли все-таки довольно значительные различия между малорусским и великорусским языками. Тем не менее одна-

ко эти различия далеко не таковы, чтобы можно было утверждать, что оба языка не связаны друг с другом, так как и ныне еще видно, что это вполне родственные языки, которые принадлежат один к другому.

Докладчик: Какой же язык считается в России литературным?

Д-р Вондрак: Целая русская языковая область разделяется на три главные части: южную - малорусскую, затем северо-западную, или белорусскую и великорусскую, которая составляет самую значительную часть. Все они имеют свои определенные признаки. Великорусский язык распадается, в свою очередь, на две крупные группы: так наз. северновеликорусскую и южновеликорусскую части. Они отличаются, напр., тем, что в северновеликорусском языке *о* перед ударением сохраняет свое произношение как *о*, напр. *вода*, между тем как в южновеликорусском это *о* перед ударением произносится как *а*: *вада*. Это замечается особенно в Москве. Что же касается литературного языка, то в нем наблюдаются черты, которые в своей совокупности не являются ни северновеликорусскими, ни южновеликорусскими, так что он представляет компромисс между обеими этими группами. Итак, в нем осталось еще *а*, напр., *вада*, - это относится к южновеликорусским чертам; но отдельные черты принадлежат к северновеликорусской группе, как, напр., отвердение *т* в окончании третьего лица ед. числа: *ведёт*, которое произносится просто как *т*, - это характерная черта северновеликорусского наречия, между тем как в южновеликорусском это *т* смягчается: *ведётъ*; в литературном же языке сохранилось твердое произношение. В таком же роде имеются здесь и другие черты из обеих групп. Таким образом, следует признать, что русский литературный язык является просто компромиссом из южновеликорусского наречия, которое более всего получило в нем выражение, - оно составляет московское наречие - и северно-великорусского, из которого тоже проникли в него некоторые черты.

Докладчик: И этот литературный язык распространяется вообще на все, что говорит по-русски, также и на малорусскую область?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: А существенно ли отличается этот литературный язык от того русского языка, который употреблялся в Австрии перед обновлением, о каковом говорит проф. Ягич?

Д-р Вондрак: Есть диалектические различия; некоторые из них очень стары, как, напр., переход *е* в *и*, - это в малорусском языке очень старая черта, которая не встречается в великорусском, разве только в наречиях крайних северно-западных областей.

Докладчик: А как обстоит дело, чтобы представить это понятно для

непосвященных, с возможностью понимания между теми, кто употребляет литературный великорусский язык, и теми, кто говорит на употребляемом в Галичине малорусском языке?

Д-р Вондрак: Они могут понимать друг друга. Отдельные слова - те же самые. Всего они не поймут, но сущность содержания поймут во всяком случае.

Докладчик: А в какой степени сделался употребляемый в Галичине малорусский язык литературным вообще, или он не сделался таковым?

Д-р Вондрак: Первые начала вышли из Украины в России, там появились первые произведения.

Докладчик: Котляревский?

Д-р Вондрак: Да. Произведения, которые были написаны по-малорусски. В России встретились препятствия, но в Австрии можно им было развиваться. Язык стал вырабатываться дальше, в таком духе, как мы отметили выше.

Докладчик: Это мероприятия в России 1876 и 1881 гг.?

Д-р Вондрак: Уже и раньше встречались затруднения. Отдельным малорусским писателям не разрешалось писать так, как они хотели, им приходилось в России часто бороться с большими затруднениями. Затем в России последовали строгие мероприятия 70-х годов. Позже только обратились в Петербургскую академию наук с предложением высказать свое мнение, причем последнее замечательным образом оказалось для малорусского языка довольно благоприятным⁵. В этом мнении была признана известная самостоятельность малорусского языка. Однако, к сожалению, оно не было подписано проф. Соболевским, который прежде всего должен бы быть принят во внимание, так как он является специалистом⁶. Имеются, правда, подписи заслуженного исследователя русского языка Шахматова и Фортунатова, но они неоднократно проводили взгляды, которые встречают возражения, как, напр., в последнее время Шахматов со своей кельтской теорией⁷. На это мнение академии часто ссылаются ныне, однако, как сказано, дело не совсем ясно, так как Соболевский не принял в нем участия.

Докладчик: Так это не официальное заявление академии?

Д-р Вондрак: Постольку официальное заявление, что вышло из академии.

Докладчик: Но не от того специалиста, который признается в науке компетентным?

Д-р Вондрак: Он не подписал этого мнения.

Докладчик: Известно ли Вам, по какому поводу было затребовано это мнение?

Д-р Вондрак: Его потребовали ввиду того, что в России в 70-х годах был издан строгий указ против малорусского языка, последствия которого распространились затем дальше. В последнее же время оказалось желательным как-нибудь получить большую свободу действий, и поэтому был предложен академии запрос об ее мнении.

Докладчик: Это было в 1905 г.?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: В непосредственной связи с украинским политическими движением, с Русско-японской войной?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: Тут имеется введение к «Вестнику законов державных», а именно первое, какое вообще появилось, а затем имеем экземпляры из 1895 и 1896 гг. Год 1895 является, по-видимому, концом старого правописания, а 1896 год - началом нового. Можете ли Вы, господин профессор, удостоверить это? Дальше в заголовке перечислены языки, на которых будет появляться этот «Вестник». В немецком тексте сказано в п. VI: «in ruthenischer Sprache». Как это передано по-малорусски - не могу разобрать.

Д-р Вондрак: Тут сказано «ruskim» - это и есть тоже новое правописание латинскими буквами.

Докладчик: Это этимологическое правописание?

Д-р Вондрак: Это церковнославянское правописание, которое было в то время в употреблении. «Вестник» из 1888 г. имел еще просто церковнославянское правописание, как это было тогда вообще в обиходе. Писалось *о*, которое произносилось как *и*, также и *е*, которое звучало как *и*, - и это правописание было раньше всего отвергнуто на Украине. Заслуга введения фонетического правописания принадлежит Кулишу⁸; вместо *е* пишется *и*, точно так же и *о* в известных случаях заменено посредством *и*. То же произношение было и в Галичине. Затем пошли еще дальше и пополнили еще это правописание; так, напр., вместо *е* было введено *и* с двумя точками, но это уже только незначительные изменения.

Докладчик: Что значит «ruskim» по-немецки?

Д-р Вондрак: «Русским» здесь в значении «малорусским».

Докладчик: Имеется в русском языке выражение для «ruthenisch»?

Д-р Вондрак: «Ruthenisch» - новообразовавшееся выражение, оно напоминает «Rotrussland» (Червонную Русь); вообще, оно не употребляется, оно совершенно ново.

Докладчик: Тогда прошу Вас, господин профессор, удостоверить по этим двум экземплярам, действительно ли существовало еще в 1895 г. старое этимологическое правописание?

Д-р Вондрак: Это видно здесь совершенно ясно: так называемое

«ять» - е, которое произносится как *и*. В 1896 г. есть уже новое правописание: пишется уже *и* с двумя точками - это фонетическое правописание.

Докладчик: Известно ли Вам, господин профессор, что существуют более древние грамоты, в особенности из времени раздела? Как говорилось тогда о Восточной Галичине, которая перешла к Австрии?

Д-р Вондрак: Исторические грамоты мне неизвестны, этим я, конечно, не занимался; какие технические термины имела страна, это у нас меньше принимается во внимание.

Докладчик: Эти грамоты большей частью латинские. Известно ли Вам выражение «*Russia rubra*»?

Д-р Вондрак: Да, в связи с этим возникло название «*Rotrussland*».

Докладчик: Можете ли Вы сказать нам что-нибудь о происхождении слова «*Ruthenen*» и о времени его возникновения?

Д-р Вондрак: Это слово находится в связи с латинским *rutilus*, т. е. *rot*, *красный*.

Докладчик: Так Вы полагаете, что оно находится в связи со словом *rot*, *красный*? Не является ли оно скорее отзвуком греческого?

Д-р Вондрак: Да, в средние века, как известно, латинский и греческий языки соприкасались с собой весьма близко.

Докладчик: Именно заключающаяся в данном слове буква *ʒ*?

Д-р Вондрак: Да, это вместо *th*; но это встречается также и в латинском языке. Точно так же и замена *ʒ* посредством *s* - греческая. Напр., в греческом слове *θεός* произносилось *ʒ* как *s*. Впрочем, все это вопросы древней филологии. Имя Русь происходит от норманн. Первоначально было Рось с омегой (*ω*), которая произносилась как *у*. Это происходит еще от норманн, из варяжских времен.

Докладчик: Известно ли Вам, господин профессор, что это в точности означает? Некоторые утверждают, что это значит *гребец*.

Д-р Вондрак: Да, это германское слово.

Докладчик: Какое географическое пространство обнимает этнографическая карта, которую Вы имеете здесь?

Д-р Вондрак: Это нынешняя малорусская область. На юге составляет ее границу Черное море, на востоке достигает она в некоторых местах Дона, идет по Дону вверх и поворачивает на запад немного южнее Курска, который находится еще на великорусской территории, идет затем к северо-востоку и поворачивает довольно прямо на запад, а именно по реке Припяти, доходит на западе до Белой через Перемышль, достигает Сяна до Буга, где Сян поворачивает к западу, относительно же к югу, проходит затем дальше по Карпатам довольно далеко на запад, а именно, где находится река Попрад, заполняет здесь Карпаты, переходит затем в Буковину и занимает

часть последней. Тут же есть еще кусок в Бессарабии, который пережегается с румынами.

Докладчик: Можете ли указать нам происхождение этой карты?

Д-р Вондрак: Она принадлежит Нидерле. Это публикация, изданная Петербургской академией наук в составе «Энциклопедии славянской филологии»⁹.

.....10

Докладчик: Здесь есть также мнение гофрата Ягича об одном письме, поступившем на малорусском языке в министерство, но этого письма здесь нет¹¹.

Военный прокурор: Вы сказали раньше, господин профессор, что в малорусский язык проник ряд полонизмов. Является ли это естественным историческим процессом, что, в случае если рядом живут два народа, которые говорят на разных языках, один из этих языков перенимает части другого?

Д-р Вондрак: Да, безусловно. Это можно наблюдать во всех языках. Не только отдельные слова, но также и произношение отдельных звуков подвергаются тут воздействию. Есть последователи теории, что только таким образом и развились именно наречия, что народы вышли из своей родины и вошли в соприкосновение с другими. Это, безусловно, совершенно верно.

Прокурор: Я знал об этом тоже, я хотел только получить подтверждение. Вы говорите тоже, господин профессор, что решение вопроса о том, есть ли это особый язык, спорно?

Д-р Вондрак: Да.

Прокурор: Тут имеется нынешнее мнение и мнение Петербургской академии?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: Есть еще вопрос?

Прокурор: Нет, благодарю Вас.

Защитник д-р Рабенлехнер: Это правильно, как я слышал, что языки, на которых говорят в непосредственном соседстве большие национальные группы, взаимно воздействуют и должны воздействовать друг на друга. Это природное явление развития. И развитие это происходит не с сегодняшнего дня на завтра, а также не с 1895 г. на 1896 г. Поэтому я спрашиваю: является ли это введение фонетического правописания естественным результатом развития, или же навязано оно искусственно?

Д-р Вондрак: До известной степени это правописание было разумно. Звуки передавались так, как их произносили. Фонетическое правописание вообще представляет идеал¹².

Д-р Рабенлехнер: Я спрашиваю: естественное или искусственное это явление?

Д-р Вондрак: Фонетическое правописание всегда искусственно, если оно вводится внове (напр. сербское правописание Вука Караджича).

Д-р Рабенлехнер: Если бы это мнение было правильно, то пришлось бы опрокинуть целый английский язык, в котором тоже гласные пишутся иначе, чем они произносятся.

Д-р Вондрак: Само собой, понятно, что можно возражать против английского правописания, но почему при этом должен быть опрокинут и сам английский язык, мне непонятно.

Д-р Рабенлехнер: Припомните, что много лет тому назад Лондонская академия сделала попытку тоже ввести фонетическое правописание, что вызвало протест целого народа, так как оно было проделано искусственно. Я спрашиваю: кто такой, по Вашим сведениям, тот, или кто такие те, что вводят или желают ввести фонетическое правописание в малорусский язык? Это ученые филологи или политические деятели?

Д-р Вондрак: В первую очередь писатели, именно Кулиш; это был весьма разносторонний писатель. Дальнейшие опыты были произведены отдельными лицами в Галичине, в особенности же в Черновцах, но это уже только мелочи, а главное исходит собственно от Кулиша.

Д-р Рабенлехнер: Вы позволите, что я представлю Вам один пример. Как называется Львов по-польски?

Д-р Вондрак: Lwow.

Д-р Рабенлехнер: А по-малорусски?

Д-р Вондрак: Львив.

Д-р Рабенлехнер: А по-великорусски?

Д-р Вондрак: Львов.

Д-р Рабенлехнер: Итак, в трех славянских языках мы имеем три разных произношения. А как пишется это слово по-великорусски?

Д-р Вондрак: Пишется посредством *о*.

Д-р Рабенлехнер: По-малорусски?

Д-р Вондрак: Посредством *и*.

Д-р Рабенлехнер: А по этимологическому правописанию?

Д-р Вондрак: Следовало бы писать *о*.

Д-р Рабенлехнер: А по-польски?

Д-р Вондрак: О с черточкой.

Подсудимый д-р Марков: Господин эксперт представил дело так ясно и вразумительно, что мне не придется много спрашивать. Так как однако идет речь о проф. Соболевском и о так называемом мнении Петербургской академии, то я прошу г-на докладчика распорядиться о доставлении сюда из комнаты совещаний пакета, о кото-

ром г-н письмоводитель знает. Я хотел бы только установить записку проф. Соболевского.

Докладчик: Если бы у меня была эта брошюра, то я уже представил бы ее. Где она находится, мне неизвестно.

Д-р Марков: Я приготовил для разбирательства пакет, в котором, слава Богу, сохранился протест специалиста проф. Соболевского против так называемого мнения Петербургской академии¹³.

Докладчик: Так это должно быть заявление Соболевского?

Докладчик: Итак, все-таки удалось достать ту брошюру «Ukrainische und russische Sprache» из конторы «Дела», которая содержит отчет о мнении Петербургской академии наук¹⁵. В этой брошюре говорится на стр. 11-й.

Таким образом, это, по-видимому, более психологические, чем основанные на языковых данных, соображения. А вот пакет, о котором вы упоминали. Что же Вы желаете?

Д-р Марков: Господин профессор, я позволю себе поставить Вам несколько вопросов. Прежде всего, я хотел бы затронуть вопрос о мнении Петербургской академии. Эта записка, как это, впрочем, отмечено уже в брошюре, возникла по случаю отмены закона о печати в России во время революции 1905 г. таким образом, что Министерство внутренних дел обратилось в этом отношении с запросом...

Докладчик: Это не вопрос, все это я уже прочел, это и нам, и г-ну профессору известно.

Д-р Марков: Эта записка подписана, между прочим, также зоологом Заленским, ориенталистом Ольденбургом, ботаником Фаминцыным и историком Лаппо-Данилевским. Верно ли то, что я сейчас утверждаю, что эта записка в числе других имен имеет также подписи зоолога, ориенталиста, ботаника и историка?

Д-р Вондрак: Мне известно только, что подписаны лишь два филолога, которых можно тут принять во внимание, то есть Фортунатов и Шахматов. Остальные лица вообще далеки от нашего предмета.

Д-р Марков: А проф. Ягич состоит членом Петербургской академии?

Д-р Вондрак: Состоит действительным членом.

Д-р Марков: Известно ли Вам, г-н профессор, что специалистами в этой области являются профессор истории русского языка и член академии Соболевский и проф. Ламанский?

Д-р Вондрак: Этот последний умер уже год тому назад¹⁶.

Д-р Марков: Но это относится к 1910 г. Итак, верно ли это, что Ягич, Соболевский и Ламанский не подписали этого мнения?

Докладчик: Это не дело эксперта; нам не приходится судить о величине того или другого ученого. Впрочем, о проф. Ягиче г-н эксперт уже говорил.

Д-р Марков: Известно ли Вам, г-н профессор, заявление проф. Соболевского от 10/III 1910 г.? Я просил бы г-на переводчика, может быть, перевести его¹⁷.

Докладчик: Или вопрос - или чтение, перепрыгивание с одного на другое не полагается. Процесс имеет свой цельный порядок, сумятицы допустить не могу.

Д-р Марков: В этом протесте говорится, что целая эта записка не касалась научно-языковедной стороны, а только ограничений мало-русского письменного слова, и что эта записка...

Докладчик: Желаете поставить вопрос? Содержание не интересует нас пока что совершенно. Если г-на эксперта никто более не желает спрашивать, то он может ведь удалиться и, может быть, лучше употребить свое время, чем здесь. Г-н профессор ведь уже высказался в том направлении, что данное мнение не подписано самым компетентным знатоком, проф. Соболевским, а всего только двумя филологами, что он не считает этого мнения неоспоримым, но придерживается другого взгляда, чем это мнение. Это все г-н профессор уже сказал.

Д-р Марков: Я хотел бы спросить, сделался ли вам известным этот протест от 10/III 1910 г.?

Д-р Вондрак: Этим я не интересовался; я знаком с трудами проф. Соболевского, так что он не мог бы сказать мне ничего нового.

Защитник д-р Рабенлехнер: Я предложу, чтобы это было прочитано.

Докладчик: Это будет, конечно, сделано.

Д-р Вондрак: Я знаю, какого взгляда придерживается Соболевский.

Д-р Марков: Во всяком случае, Вы, г-н профессор, считаете, что это заключение является только мнением двух ученых.

Докладчик: Г-н профессор уже сказал, что, хотя это и официальное мнение академии, но ученые не считают его для себя обязательным¹⁸.

Д-р Вондрак: Именно так.

Переводчик Зильберштейн читает немецкий перевод письма проф. Соболевского¹⁹.

Д-р Марков: Вы говорили, г-н профессор, о тесном единстве малорусов и великорусов и об общности языка. Я хотел бы еще спросить, стоят ли на этой Вашей точке зрения также и другие австрийские ученые?

Д-р Вондрак: Да, напр., проф. Ягич придерживается такой же самой точки зрения. Точно так же в Праге проф. Пастрнек²⁰, насколько можно заключать по его трудам, а также проф. Нидерле, который занимается славянскими древностями и написал об этом большое сочинение²¹; они являются представителями того же взгляда.

Д-р Марков: А заграничные, напр. французские ученые?

Д-р Вондрак: Леже, но он в новейшее время не считается компетентным²². Во всяком случае также Мелье, который, однако, не интересовался отношениями отдельных языков между собой; он занимается больше церковнославянским языком²³.

Д-р Марков: А Рамбо?

Д-р Вондрак: В нашей области он не особенно входит в расчет²⁴.

Д-р Марков: Вы сказали, что языки раскололись рано. Верно ли то, о чем я читал в статье проф. Корша 1911 г., будто бы еще в XIV в. не было ни следа распада между наречиями русского народа²⁵?

Д-р Вондрак: Это совершенно неверно. Уже в XI в. замечаются явные диалектические следы.

Д-р Марков: Вы отметили здесь, что разделение произошло во время Котляревского и Шевченка. Это разделение относится только к области изящной литературы?

Д-р Вондрак: Да.

Д-р Марков: Имеет ли так наз. украинская литература такую терминологию, что ее хватит уже также и для научной области?

Д-р Вондрак: Нет, научная терминология пока еще не готова.

Д-р Марков: Вы выдвинули имена двух малорусских ученых, Смаля-Стоцкого, состоящего одновременно депутатом, и другого депутата, Колессы. А известны Вам имена Калужняцкого, Головацкого и Петрушевича? Калужняцкий - именно специалист и профессор Черновецкого университета.

Д-р Вондрак: Да, он уже умер²⁶.

Д-р Марков: А Головацкий, один из лучших этнографов²⁷, и Петрушевич, происходящий тоже из Галичины²⁸? Здесь говорилось о Кулише, который действовал в области изящной литературы и, в частности, драмы, и который ввел эту фонетику. Известно ли Вам, что он был у нас в 80-х годах и издавал не беллетристические вещи и драмы, а политические брошюры и газеты²⁹?

Д-р Вондрак: Так далеко я не слежу за деятельностью отдельных ученых.

Д-р Марков: Вы ссылались здесь относительно неологизмов и искусственного образования языка на проф. Ягича и цитировали его в том направлении, что эти люди слишком поспешно и искусственно куют новый язык. Известен ли Вам знаменитый старый писатель

Иван Нечуй-Левицкий из Южной России? Он написал в 1913 г. сочинение «Криве зеркало украинской мовы», в котором он выступил против этих новообразований, а в особенности против галицко-украинской литературы³⁰. Известно ли Вам это?

Д-р Вондрак: Да. Поднимались также другие голоса из Украины, которые протестовали против этого, а со временем подобное противодействие будет, вероятно, еще сильнее.

Д-р Марков: Известна ли Вам переписка между профессором здешнего университета гофр. Миклошичем и Погодиным? Кто такой был Погодин³¹?

Д-р Вондрак: Погодин был известный славист, писавший много в области славяноведения и издавший некоторые памятники. Но его взгляды не всегда были правильны. Оказалось, что многое, что он утверждал, в особенности о происхождении кириллицы и глаголицы, неправильно.

Д-р Марков: Я хотел бы лишь знать, был ли этот Погодин, живший в 50-х годах, ученый или политический деятель?

Д-р Вондрак: Я знаю его только как ученого.

.....³²

Подсудимый д-р Черлунчакевич: Мне кажется, что г. д-р Марков прежде не закончил своего вопроса, а потому я хотел бы его пополнить. Вы признали, г-н профессор, что Вы знаете Калужняцкого, Головацкого и Петрушевича, но при этом не было сказано, каких взглядов они придерживались. Того же ли они мнения, что и Ягич?

Д-р Вондрак: Как думали отдельные лица, я сейчас, конечно, припомнить не могу, да это и не идет, впрочем, в расчет, потому что по данному вопросу было выражено столько мнений, что их можно просто только свести по группам. Сопоставлять их все завело бы слишком далеко.

Подсудимый Янчевецкий: В Вашем ответе, г-н профессор, было одно важное противоречие. Вы сказали на основании заключений проф. Ягича, что во время «бури и натиска» был введен искусственный язык.

Д-р Вондрак: Язык подвергся изменениям, и были введены новые выражения.

Янчевецкий: Однако военный прокурор сказал, что это не искусственный, а исторический язык.

Д-р Вондрак: Что народ принимает, если народ заимствует слова, то это естественный процесс; если это, однако, делает какой-нибудь ученый, если он вводит новые выражения, неупотребляемые народом, то я бы это признал неправильным. Но то, что делает народ, совершенно природно.

Янчевецкий: А нынешний язык украинской интеллигенции - искусственный или природный?

Д-р Вондрак: Отчасти этот малорусский язык искусственный, так как именно им были восприняты выражения, которые не были необходимы и которых народ не употребляет как свои. Настолько этот язык искусственный.

Янчевецкий: С каких пор употребляется выражение «рутенский» вместо «галицко-русский» или «червоннорусский»?

Д-р Вондрак: Когда оно впервые появилось, не могу в точности припомнить. Это вопрос, на который скорее мог бы ответить историк, так как тут подлежит рассмотрению, что нужно понимать под «рутенами» вообще? Это довольно относительное понятие. Для нас это второстепенный вопрос, так как мы этим занимаемся меньше³³.

Янчевецкий: А в европейской науке употребляется выражение «рутенский» вместо «галицко-русский»?

Д-р Вондрак: Отчасти, но под ним понимаются скорее малорусы из Южной России.

Янчевецкий: Известно ли Вам, что мы, русские, если хотим назвать себя по-латыни, называем себя только «Rutheni»?³⁴

Д-р Вондрак: Да, это случается.

Председатель: Больше нет никаких вопросов? Так благодарю Вас, господин профессор.

Примечания

1. Важнейшие труды по вопросу об единстве русского языка вообще см.: А.И. Соболевский: Лекции по истории русского языка, 1-е изд. Киев, 1888. 4-е изд. Москва, 1907; А.А. Шахматов: К вопросу об образовании русских наречий, Варшава, 1894; его же: К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, СПб., 1899; его же: Очерк древнейшего периода русского языка, Петроград, 1915; его же: Введение в курс истории русского языка, Петроград, 1916; А.М. Лобода Русский язык и его южная ветвь. Киев, 1898; А.С. Будилович: К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси, Юрьев, 1900; П.А. Заболотский: Русский литературный язык, Нежин, 1918; Б.М. Ляпунов: Единство русского языка в его наречиях, Одесса, 1919; Ю.А. Яворский: Русский язык, Львов, 1902-1923.

В частности же, по вопросу об единстве русской народности и культуры, с одной стороны, а об «украинских» попытках раскола и об обособления, с другой, см.: О.А. Мончаловский: Литературное и политическое украинифильство, Львов, 1898; Т.Д. Флоринский: Малорусский язык и «украинськорусский» литературный сепаратизм, СПб., 1900; его же: Где правда? «Киевлянин», 1900; И.П. Филевич: По поводу теории двух русских народностей, Львов, 1902; его же: Вопрос о двух русских народностях и «Киевская

старина», Варшава, 1903; Я. Демченко: Правда об украинофильстве, Киев, 1906; А.С. Будилович: О единстве русского народа, СПб., 1907; А.И. Соболевский: Русский народ как этнографическое целое, Харьков, 1907, Львов, 1911; Д.А. Марков: Die russische und ukrainische Idee in Österreich, Вена-Лейпциг, 1908, то же в русском переводе: Русская и украинская идея в Австрии, Львов, 1911; С.Н. Щеголев: Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма, Киев, 1912; его же: Современное украинство, Киев, 1914; А.В. Стороженко: Происхождение и сущность украинофильства, Киев, 1912; его же: Малая Россия или Украина? Ростов-на-Дону, 1919; И.А. Сикорский: Русские и украинцы, Киев, 1913; П.Е. Казанский: Русский язык в Австро-Венгрии, Одесса, 1912; И.А. Линниченко: Малорусский вопрос и автономия Малороссии, Петроград - Одесса, 1917; В.В. Шульгин: Украинский народ, Одесса, 1919; И.И. Замотин: Единство русской культуры, Харьков, 1919; А.И. Савенко: Украинцы или малороссы? Ростов-на-Дону, 1919; Кн. А.М. Волконский: Историческая правда и украинофильская пропаганда, Турин, 1920.

2. Скончавшийся в прошлом году патриарх современного славяноведения, профессор Венского университета и академик Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич (1838-1923), хотя в последнее время как будто и признал до некоторой степени, в силу самого факта их существования и развития, особые «украинские» языковые в культурные устремления, но по существу в науке относился к ним вполне отрицательно и глубоко скорбел по поводу этого безумного и злостного раскола в национальной русской среде. Как в области научной мысли «принадлежность всех наречий русского языка к одному целому по отношению к прочим славянским наречиям» неизменно была для него «неотразимым научным аксиомом» (Критич. заметки по ист. русского языка, СПб., 1889, 151), так и в самой жизни все признание и сочувствие его оставалось всегда по стороне «тех образованных малороссов, которые сумели свою сердечную привязанность к родному краю, Украине, примирить с широкими общерусскими потребностями» (Ист. слав. филологии, СПб., 1910, 490).

3. Это указание на проф. Ал. Колессу как на сторонника и идеолога единства русского языка, очевидно, имеет только иронический характер, как тонкий намек а *contrario* на то, что чуть лишь кто-нибудь из «украинских» ученых попытается стать на действительно научную, фактическую почву, он тем же самым уже не может этого единства не признать. Так это и произошло в данном случае также и с проф. Колессой, который в означенной своей политический парламентской речи, сплошь проникнутой в общем самой яркой «самостийно-украинской» тенденцией, тем не менее как только коснулся, по Фортунатову, элементарнейших научных прописей, невольно был вынужден тут же опровергнуть самого себя. Тем более что и вообще-то ведь филологические заключения проф. Колессы, более известного в качестве политика и поэта, чем ученого языковеда, не могли бы быть, конечно, серьезно принимаемы в расчет.

Что касается издания, по которому автор цитирует слова проф. Колессы, то это, по-видимому, официальный стенографический протокол заседаний

австрийского парламента, в котором данная речь была произнесена 11 июня 1908 г. (а не 8-го, как ошибочно напечатано выше, в русском переводе, на стр. 36-й) в ответ на защитительную речь депутата д-ра Н.П. Глебовицкого в пользу признания прав русской национальности в Австрии. Ср. также изданную «Загальной Украинской Радой» военную брошюру «Ukrainische und russische Sprache» (Вена, 1914), где эта речь, очевидно, за отсутствием более авторитетных и убедительных свидетельств, была воспроизведена в извлечении тоже (стр. 17-23).

4. Будучи опять-таки, подобно проф. Колессе, преимущественно политическим деятелем и занимаясь наукой только по необходимости и внешне, поскольку этого уж неотложно требуют его профессиональные обязанности или соображения политического момента, проф. Ст. Смаль-Стоцкий, в свою очередь, особого и сколько-нибудь заметного значения в славяно-русской науке не представляет, хотя он и удостоился недавно, очевидно, тоже по политическим соображениям, как чуть ли не единственный официальный представитель «украинской науки» из Буковины, демонстративного избрания в члены «Всеукраинской академии наук» в Киеве. Что же касается самих трудов Смалья-Стоцкого, то оба главные из них – «украинская» грамматика и меморандум по вопросу о введении фонетики в школах – имеют тоже скорее практический и тенденциозно партийный, чем какой-нибудь научный характер, причем и составлены-то они им даже, как известно, не самостоятельно и целбно, а при всемерном руководстве и содействии немецкого филолога проф. Гартнера, ввиду чего вполне естественно и справедливо, как это отмечено уже и проф. Вондраком выше, что они встретили почти единодушное осуждение в славянской науке.

5. Сильно нашумевшая в свое время и не потерявшая и до сих пор своей злободневной остроты история с пресловутой запиской якобы Петербургской академии наук об отмене стеснений малорусского печатного слова, на которую все еще, за неимением лучшего, так победоносно продолжают ссылаться все приверженцы «украинского» раскола, заключается в действительности в следующем: как известно, самая мысль об означенной записке возникла в 1905 г. совершенно неожиданно и случайно, в связи с предполагавшейся отменой суровых цензурных стеснений в России вообще, когда Министерство внутренних дел специально относительно малорусской печати обратилось с особыми запросами о благомнении к трем южнорусским университетам (в Киеве, Харькове и Одессе), с одной стороны, а к Академии наук - с другой. И вот, в то время как стоящие ближе всего к этому вопросу местные университетские коллегии, не отрицая насущной необходимости и своевременности совершенной отмены каких бы то ни было цензурных ограничений для малорусских печатных произведений самих по себе, тем не менее не находили нужным высказываться по общему, уже давно установленному в науке вопросу о мнимой отдельности и самостоятельности малорусского наречия или народа по существу, - некоторые из ультралиберальных членов академии в угоду издавна покровительствуемым ими как угнетенным «украинским» литературно-общественным кругам, тут же представившим им целый ворох соответственных

записок и статей, сочли удобным воспользоваться этим благоприятным предложением для того, чтобы не только практически и реально добиться освобождения малорусской печати от сковывавших ее нелепых цензурных уз, но также и принципиально выдвинуть и поддержать и более широкий и общий вопрос о полной и всесторонней отдельности и самостоятельности малорусской народности вообще. Так, скорее в видах условной культурно-политической химеры момента, чем для чисто научного и объективного выяснения и установления самого этого докучного и сложного вопроса, и возникла в смуте времени эта пресловутая записка, что, впрочем, достаточно ясно сквозит уже и в самом ее содержании, которое более основано на общих этнопсихологических и литературно-политических рассуждениях и соображениях, чем на действительных и критически проверенных положениях и данных историко-филологических наук. Если же к тому же принять еще во внимание, что и нынешние обстоятельства появления данной записки в достаточной степени условны или мутны, а именно: 1) что составлена она была двумя самыми благодущными и увлекавшимися не в меру членами Русского отделения академии Ф.Е. Коршем и А.А. Шахматовым, а в приложении к ней в качестве побудительных источников или оправдательных документов были помещены уже заведомо пристрастные и тенденциозные частные записки таких выдающихся представителей «украинского» движения в России, как П.Я. Стебницкий, А.И. Лотоцкий, А.А. Руссов, С.О. Руссов, В.П. Науменко, В.М. Леонтович и др.; 2) что - как это уже вполне правильно подчеркнул на Венском процессе Д.А. Марков - в состав академической комиссии, одоблившей и подписавшей данную записку, кроме названного выше специалиста по русскому языку А.А. Шахматова и общего языковеда Ф.Ф. Фортунатова, входили уже одни только посторонние и совершенно чуждые данному предмету ученые, как натуралисты В.Н. Заленский и А.С. Фаминцын, ориенталист С.Ф. Ольденбург и историк А.С. Лаппо-Данилевский; 3) что из нескольких десятков других членов академии, в том числе и самых крупных и признанных авторитетов в данной области, как А.И. Соболевский, И.В. Ягич и В.И. Ламанский, - как это тоже было отмечено на том же процессе, - никто больше своей подписи к ним не присоединил, а Л.И. Соболевский заявил даже против этого выступления самый резкий и уничтожительный протест; и, наконец, 4) что ни сама академия в своем целом, ни даже одно ее Русское отделение как такое никогда не принимали и не издавали данной записки в качестве своего коллективного и официального заключения, а только, по заведенному обычаю, допустили ее напечатание «на правах рукописи» как предварительный и не подлежащий оглашению отчет о занятиях комиссии - если все это принять во внимание и взвесить, то, разумеется, не приходится и говорить больше о том, что эта злополучная записка является каким-нибудь общим и официальным заявлением Русской академии наук, которое будто бы никакому сомнению и спору более не подлежит. На поверку, наоборот, оказывается совершенно ясно, что это просто только частная, да и то лишь более или менее случайная литературно-политическая выходка нескольких, частью совершенно неосведомленных, частью же слишком неустойчивых и пыл-

ких членов академии, которая даже в такой частной и условной своей роли никаких особых вех и откровений не дает. Таким образом, в сущности, весь ее непомерно раздутый авторитет и успех основывается, в конце концов, только на том, что этих дел мастера, дельцы «украинского» толка, коварно опубликовав не подлежащий оглашению предварительный и частный протокол, с присущим себе апломбом и шумом объявили его, в качестве последнего и непререкаемого слова правды и науки, официальным и общим заключением Русской академии наук, между тем как на самом деле это просто-напросто только обычный «украинский» блеф и подлог.

См.: Императорская академия наук. Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1905, стр. III + 96 in f^o. На правах рукописи. То же в частном издании: СПб., 1910 и Киев, 1911 (без приложений). Ср. также: Петербургска академия наук в справе знесеня заборони українського слова. Львов, 1905 (оттиск из «Лит.-наук. вестника») и *Ukrainische und russische Sprache*, Вена, 1914, стр. 11-16.

6. Знаменитый русский филолог, этнограф, палеограф и историк древнеписменной литературы, профессор и академик Алексей Иванович Соболевский (род. 1856 г.) на протяжении всей своей высокоталантливой и многогранной научной деятельности неоднократно и проникновенно останавливался на этом основоположном вопросе об органическом единстве русского языка в его историческом развитии и в его частных наречиях, причем общие результаты и выводы его многочисленных и глубоких разысканий в этом направлении наиболее систематически и стройно подведены в его капитальнейших Лекциях по истории русского языка (1-е изд. - Киев, 1888, 4-е изд. - Москва, 1907).

7. Трагически скончавшийся недавно от кошмарных условий нынешней советской жизни выдающийся и многозаслуженный русский историк в филолог, профессор и академик Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) при своих глубоких и разносторонних знаниях, широте и размахе научного горизонта и блестящем и оригинальном уме обладал вместе с тем действительно в высшей степени пытливым и легко увлекающимся воображением, которое побуждало его неоднократно выдвигать и горячо отстаивать разные рискованные и несостоятельные гипотезы, которые иногда встречали резкий отпора в науке и чувствительно подрывали его яркий и несомненный научный авторитет.

Так вышло также и со злополучной кельтской теорией, о которой упомянул выше проф. Вондрак. Восторженно увлекшись некоторыми кельтскими отзвуками или созвучиями в языке древних эстов (по Тациту) и в географических названиях местностей над Вислой и Балтийским заливом, с одной стороны, а в славянском праязыке вообще - с другой, покойный ученый на этом шатком основании построил, с привлечением значительного научного аппарата и с помощью ряда остроумных и смелых догадок и умозаключений, целую новую теорию о том, что около III - II вв. до рожд. Хр., раньше нашествия готов, на берегах Вислы и на Балтийском побережье жило под именем венедов, или вендов довольно значительное племя кельтов, которое, по-видимому, подчинило себе соседних, живших в бас-

сейне Немана и Двины славян, причем произвело на последних сильное культурной влияние, главным образом, конечно, в области их языка (Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. «Archiv f. slav. Philologie», 1911, XXXIII, 51-99). Конечно, неожиданная и смелая гипотеза эта оказалась на проверку, под холодным и трезвым судом научной критики, совершенно несостоятельной и праздной, с чем, по-видимому, согласился в конце концов и сам автор, оставив ее вскоре, после кое-каких слабых возражений, без дальнейшего развития и внимания.

В связи с указанной кельтской теорией следует отметить также, кстати, соприкасающуюся с ней во многих отношениях другую подобную произвольную гипотезу покойного ученого, а именно поднятые им в последние годы совершенно новые предположения относительно первоначальной прародины славянского племени в Европе вообще. Исходя из общепринятого положения, что славяне составляли некогда одну семью с балтийцами, и признавая на этом основании, что они жили тогда вместе с последними в Прибалтийском крае, он утверждает, опять-таки почти исключительно на основании сомнительных или случайных языковых данных, что после распада этой семьи на два отдельных племени славяне заселили Балтийское побережье, точнее - понизовья Немана и Северной Двины, затем бассейны нижних течений Западной Двины и Немана, может быть, распространяясь и далее к югу - до бассейна Нарева и Зап. Буга, а наконец, когда эта территория перестала их удовлетворять, нашли себе «вторую прародину» на берегах Вислы, откуда уже они только со временем стали передвигаться дальше - на юг и на юго-восток. Замечательно при этом, между прочим, что теперь уже в венедах автор снова признает славян, в кельтских же заимствованиях праславянского языка допускает уже германское посредство. (Очерк древнейшего периода истории русского языка, Петроград, 1915; Введение в курс истории русского языка, Петр., 1916). Как и следовало ожидать, также и приведенная новая гипотеза встретила решительные возражения в науке и, по-видимому, должна тоже разделить печальную участь как кельтской теории, так и других подобных научных увлечений и крайностей этого блестящего и многогранного в общем, но слишком пылкого и увлекавшегося ума.

Но «красота духовной личности почившего ученого, - говорит по этому поводу проф. Г.А. Ильинский, - заключалась в неугасимой жажде научной истины: ради этой истины он не боялся ошибаться и по многу раз перестраивать и переделывать свои теории, ради нее он без малейшего чувства личной обиды прислушивался к чужой критике своих положений и с несокрушимой энергией продолжал разрабатывать и привлекать к исследованию все новые и новые материалы, чтобы потом на расчищенной почве построить новое, еще более великолепное здание» (Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова, 436).

К этой-то своеобразной его способности научного увлечения, в связи с обаятельной личной мягкостью и добротой и чисто русской либеральной рачительностью вообще, и следует отнести, несомненно, как это вполне правильно сделал и проф. Вондрак, столь странное на первый взгляд об-

стоятельство, что именно А.А. Шахматов, который во многих своих научных трудах вместе с А.И. Соболевским положил главные основы для установления взаимных отношений русских наречий в их органическом единстве, дал себя злоупотребить для пресловутой академической записки по малорусскому вопросу да и впоследствии еще неоднократно горячо поддерживал всякие «украинские» попытки национального обособления в отношении культуры и языка.

В такой же самой плоскости, по-видимому, следует рассматривать также и участие в означенной записке другого русского ученого, профессора сравнительного языкознания Московского университета и академика Филиппа Федоровича Фортунатова, который в науке, как известно, придерживался вполне определенного взгляда на взаимные отношения русских наречий и признавал их несомненную принадлежность к одному целому (как это явствует уже хотя бы из приведенных выше, по речи проф. Колоссы, положений из его книги «Сравнительное языкознание»), но тем не менее по либеральному трафарету, а может быть, и под непосредственным впечатлением пылкого порыва своих друзей А.А. Шахматова и Ф.Е. Корша тоже присоединил свою подпись под их записку.

8. Основатель нынешней «украинской» фонетики, талантливый и разносторонний малорусский писатель, ученый и публицист Пантелеймон Александрович Кулиш (1819 - 1897), вечно мятущийся и искавший новой правды и воли, дух которого страстно бросался из одной крайности в другую, не находя нигде удовлетворения и мира, неоднократно совершенно отрекался и от изобретенного им правописания, и от самого своего украинофильства вообще, хотя затем так или иначе возвращался к ним снова. Так, напр., из ярого украино- и казакофила, сподвижника Костомарова и Шевченка, он в 1870-х годах превратился в не менее страстного противника и хулителя как восхваленного им казачества, так и самой «украинской» идеи как такой, самое яркое выражение чему он дал в своей знаменательной трехтомной «Истории воссоединения Руси», от которой он однако со временем в свою очередь тоже откинулся в сторону, чтобы искать сближения и общей мысли с поляками.

Что же касается, в частности, фонетического правописания, то он уже в 1866 г. писал о нем Я.Ф. Головацкому, что он ввел его исключительно «с целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться», если же из него будут пытаться делать «политическое знамя» и если «это знамя он увидит в неприятельских руках, то «первый ударит на него и отречется от него во имя русского единства» (см. львовский журнала «Боян», 1867 г., н-р 10). То же самое писал он тогда же галицкому «украинскому» публицисту Ем. Партицкому: «Завітую, що коли ляхи печататимуть мою правописню на ознаку нашого розмиру з великою Руссю, коли наша фонетичня правопись виставлятиметця не яко підмога народові до просвіті, а яко знаменіно нашої руської розні, то я, писавши по своєму, по українськи, печататиму етимологічнею, старосвіцькою орфографією... Половинила нас лиха доля довго, и силовались ми до одностійности руської кривавим робом, а вже теперь шкода лядського заходу нас розлучати!» (Там же, н-р

13). А через несколько лет, в 1879 г., окончательно уже разочаровавшись в своих единомышленниках и сподвижниках как на Украине, так и во Львове, он и совсем уже решительно и определенно писал по-русски своему долготелену и верному галицкому поклоннику и другу, известному «украинскому» деятелю и публицисту Ал.Г. Барвинскому, что он «наконец изломал малорусское или украинское перо свое» и что он «пишет теперь по-великорусски, предоставляя галицким русинам проповедовать какие угодно исторические выдумки» (Ал. Барвинский. Спомини з мого житя, Львов, 1912, I, 281).

Все это однако не помешало опять-таки этому крайне неустойчивому и непоследовательному писателю вскоре назад возвратиться к отвергнутым им было «украинскому» языку и фонетическому правописанию, от которых он уже в общем не отклонялся до самой своей смерти.

Об этих национально-языковых колебаниях и сменах П.А. Кулиша вообще см.: О.А. Мончаловский. Письма П. Кулиша, относящиеся к времени и цели его пребывания во Львове. Научно-лит. сборник Гал.-рус. Матицы, Львов, 1904, I, 59 - 72; Д.И. Дорошенко. Пантелеймон Кулиш, Лейпциг, 1922; С. Томашевский. Кулиш и укр. национальная идея. Под колесами истории, Берлин, 1922; В.Г. Шурат. Философична основа творчости Кулиша, Львов, 1922.

9. Л. Нидерле. Обозрение современного славянства, СПб., 1909. С картой. (Энциклопедия славянской филологии, вып. II). То же по-чешски: Slovanský svět. Zeměpisný a statistický obraz současného slovanského. Прага, 1910.

10. Пропущено несколько строк протокола, относящихся к формальной стороне судопроизводства.

11. К большому сожалению, однако означенного официального заключения проф. Ягича, которое могло бы, без сомнения, представить значительный интерес по данному вопросу, ни в самом протоколе, ни среди других актов процесса налицо не оказалось. Только из дальнейшего отчета о ходе процесса (стр. 1465 - 1467) обнаруживается в общем, что это заключение было составлено проф. Ягичем по предложению Министерства внутренних дел и относилось к поданному в 1913 г. во львовское наместничество и написанному на галицко-русском народно-литературном языке и этимологическим правописанием заявлению председателя «Русского спасательного комитета» во Львове проф. Ф. И. Свистуна об образовании последнего и о предполагаемых им мероприятиях по оказанию помощи голодающему русскому населению края, причем от проф. Ягича, по всей видимости, требовалось дать филологический отзыв специально об языке и правописании этого письма.

12. Высказываясь так решительно в пользу фонетического правописания вообще, проф. Вондрак имеет в виду, очевидно, лишь его практическое упрощение и удобство, совершенно оставляя без внимания заключающиеся в нем в некоторых случаях, как, напр., относительно русских наречий, возможные внутренние противоречия и смуты.

13. Так как указываемый Д. А. Марковым протест проф. Соболевского (или заявление, записка, письмо? - ср. примечания 17 и 19) тоже ни в самом

протоколе, ни среди других актов процесса не сохранился, то невозможно пока и установить точно, что именно имеется тут в виду: первоначальный ли, заявленный тотчас же по составлении академической записки в 1905 г. его протест или какое-то другое возражение его против последней от 10 марта 1910 г., о котором у нас сейчас, за невозможностью срочного наведения соответственных справок, никаких сведений нет.

14. Последовал 10-минутный перерыв слушания дела.

15. Ukarinische und russische Sprache. Wissenschaftliche Beiträge. Herausg. vom Allgemeinen Ukrainischen Nationalrat. Вена, 1914, стр. 28, 8⁰. Отчет об академической записке занимает страницы 11-16.

Следует заметить, кстати, что сделанное докладчиком попутно указание на то, будто бы данная брошюра вышла в издании «Дела», настолько неправильно, что она только находилась на складе в конторе последнего, в каком смысле и исправлен нами русский перевод. В протоколе прочитанной на суде выдержки из брошюры нет.

16. Авторитетнейший представитель русского славяноведения, историк и этнограф, профессор Петербургского университета и член Академии наук Владимир Иванович Ламанский (1833-1914), являясь решительным и горячим сторонником русского литературного и национального единства вообще, тем не менее, в частности, в филологическую сторону вопроса уж по самому характеру своей научной специальности и задачи более подробно не вникал.

17. См. примечание 13-е.

18. Это замечание докладчика не совсем точно, так как проф. Вондрак признал только, что это постольку лишь официальное мнение академии, поскольку оно формально вышло из академической среды. Ср. выше – примечание 5.

19. См. примечание 13-е. В протоколе текста этого письма (?) тоже совершенно нет.

20. Профессор Пражского университета Франтишек Пастрнек (род. 1853 г.) - выдающийся и многозаслуженный западославянский языковед.

21. Превосходнейший и основательный исследователь славянских древностей и этнолог, автор капитальнейших трудов «Slovanske starozitnosti» и «Slovansky svět» Любор Нидерле - тоже профессор Пражского университета.

22. Луи Леже (Leger), профессор славяноведения в College de France, занимаясь, главным образом, культурной историей, этнографией и мифологией славян, придерживается при этом в общем устаревших научных методов и взглядов.

23. А. Мелье (Meillet), профессор славянского языкознания в College de France, интересуясь преимущественно древним церковнославянским языком, действительно мало вникает, по-видимому, во взаимные отношения современных славянских наречий, чем и объясняется, между прочим, хотя бы такое, напр., странное, на первый взгляд, обстоятельство, что он дал свое рекомендательное предисловие к изданной проф. М.С. Грушевским на французском языке заведомо тенденциозной и дутой «Anthologie de la

litterature ukrainienne» (Париж, 1921).

24. Альфред Рамбо (Rimbaud) занимался специально политической историей славян.

25. Тут имеется в виду, очевидно, доклад акад. Ф.Е. Корша по малорусскому вопросу, прочитанный в 1911 г. в московском «Обществе славянской культуры», о котором были помещены обстоятельные отчеты на печати («Утро России», «Рада», «Прикарпатская Русь»). Ср. также статьи Ф.Е. Корша по тому же вопросу: В борьбе за родной язык («Утро России» и «Прикарпатская Русь», 1911 г., н-ра 394-395) и Триединая Русь («Утро России» и «Прикарпатская Русь», 1911 г., н-р 423).

26. Выдающийся славист, профессор Черновецкого университета Емилян Иеронимович Калужняцкий (1845-1914) является, между прочим, автором известных всенародных протестов против введения «украинской» фонетики как разъединяющего начала в буковинских и галицких школах.

27. Профессор Львовского университета, а впоследствии председатель Виленской археологической комиссии Яков Федорович Головацкий (1814-1888) - один из самых крупных и заслуженных деятелей возрождения Галицкой Руси и выдающийся галицко-русский филолог, историк и этнограф.

28. Каноник Антон Степанович Петрушевич (1821-1910) - тоже выдающийся и многозаслуженный галицко-русский культурный деятель, филолог, археолог и историограф.

Все эти три указанные Д.А. Марковым галицко-русские ученые, как и целый ряд других, как, напр., Д.И. Зубрицкий, И.И. Шараневич, Ф.И. Свистун и др., являлись, как известно, убежденными и верными сторонниками заветного и незыблемого единства русских наречий и племен.

29. П.А. Кулиш приезжал в начале 1880-х годов с целью устройства примирения русских галичан с поляками, в каком направлении и издал несколько брошюр («Хуторная поэзия», «Крашанка» и др.) и намеревался издавать даже на средства некоторых польских панов политическую газету «Хутор», но вскоре затем, разуверившись в искренности и честности польских политиков, порвал с ними всякие сношения и уехал сначала в Вену, а затем обратно в Россию. См.: В. Г. Шурат: До истории останного побуту Куліша у Львові, Львов, 1898; О.А. Мончаловский: Письма П.А. Кулиша, относящиеся к времени и цели его пребывания во Львове, «Научно-лит. сборник Гал.-рус. матицы», 1904 г., I, 59-72, II, 1-41.

30. Указанная брошюра Ив. Нечуя-Левицкого вышла в 1912 г.: Криве дзеркало української мові, Киев, 1912, стр. 96, 8^о.

Еще раньше, в 1890-х гг., с подобным же укором по поводу галицких искажений и новообразований литературного «украинского» языка выступил во львовском журнале «Зоря» другой крупный малорусский писатель из Украины - Б.Д. Гринченко (В. Чайченко).

31. Известный московский профессор-славист, историк, археолог и публицист Михаил Петрович Погодин (1800-1875), путешествуя в 1830-х гг. по славянским землям, познакомился проездом, между прочим, также и с несколькими русскими галичанами во Львове, с которыми он и поддерживал затем живые литературные связи, снабжая их, главным образом,

научными материалами и книгами, откуда и пошла впоследствии нелепая и злостная «украинская» молва о том, что это он именно впервые насадил среди русских галичан национально-русское сознание и устремление. (См.: К. Студинский: Корреспонденция Якова Головацкого в letech 1850 - 62, Львов, 1905, XVI; М. Тершаковец: Галицко-русске літературне відроджене, Львов, 1908, 123-134; И. С. Свенцицкий: Материалы по ист. возрождения Карпатской Руси, Львов, 1906, I, 142-158; его же: Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в., СПб., 1906, 2 - 4, 50-69.

Письма проф. Фр. Миклошича к М. П. Погодину напечатаны в издании Нила Попова: Письма к М. П. Погодину из славянских земель, Москва, 1879, 455-460.

32. Пропущен небольшой, не представляющий для данного вопроса никакого интереса экскурс проф. Вондрака на тему о кириллице и глаголице в славянском письме.

33. Выражения «Ruthenen» и «ruthenisch» появились в официальном австрийско-немецком языке с половины прошлого столетия, когда, согласно известной насмешке венского сатирика Сафира, «изобрел» их, очевидно, в видах более наглядного отвращения и отчуждения галицко-русского народа от России, тогдашний галицкий губернатор граф Стадион. Вообще об иноязычных исторических наименованиях русского населения Прикарпатья см.: A. Iv...tsch (А.И. Добрянский): Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen, Вена, 1885.

34. Д.И. Янчевецкий – уроженец России, чем и объясняется, конечно, этот странный и неожиданный в общем вопрос.

Ю. Яворский

Источник: Вопрос об единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году: научные показания проф. д-ра Вондрака о сущности и роли русского литературного языка по отношению к его наречиям / В. Вондрак; Ю.А. Яворский: предисл. и примечания проф. д-ра Ю.А. Яворского. Львов: Живое слово, 1924. 64 с.

Source: The Question about the Unity of the Russian Language before an Austrian Military Trial in Vienna in 1915: Scholarly Evidence of Prof. Dr. Vondrak about the Essence and Role of the Russian Literary Language in Relationship to its Dialects / V. Vondrak; Ju.A. Javorskii: Preface and Comments of Prof. Dr. Ju.A. Javorskii. L'vov: The Live Word, 1924. 64 pages.

Вондрак Вацлав (1859-1925) - чешский филолог-славист, доктор философии (с 1884 г.). Изучал романскую, а затем и славянскую филологию под руководством Ф.К. Миклошича в Венском университете. В 1884-1891 гг. - частный учитель. Ассистент (1891), приват-доцент (1893), экстраординарный (1903) и ординарный (1910) профессор Венского университета. В 1895-1910 гг. работал также хранителем Венской придворной библиотеки. Профессор университета в г. Брно (с 1920).

Vaclav Vondrak (1846-1908) - Czech Philologist-Slavist, PhD (from 1884). Studied Romance and then Slavic Philology under F.K. Mikloshich at the University of Vienna. In 1884-1891 was a private teacher. Associate (1891), Docent (1893), Extraordinary (1903) and Ordinary (1910) Professor of the University of Vienna. In 1895-1910 simultaneously a curator of the Viennese Court Library. From 1920 Professor at the University of Brno.

Яворский Юлиан Андреевич (1873-1937) - поэт, критик, этнограф, ученый и общественный деятель Галицкой Руси. Во время Первой мировой войны вместе с В.Ф. Дудыкевичем организовал в Киеве «Карпаторусский освободительный комитет». Написал около сотни научно-литературных трудов, среди которых «Пушкин в Прикарпатской Руси» (1899), «Гоголь в Червонной Руси» (1904), «Галицкая Голгофа» (1924), «Освобождение Львова» (1925) и т. д.

Yulian Iavorskii (1873-1937) - poet, critic, ethnographer, scholar and social activist of Galician Russ. During WW1 together with V.F. Dudikevich organized a "Carpatho-Russian Liberation Committee" in Kiev. Wrote about 100 scholarly literary works among which are "Pushkin in Carpathian Russ" (1899), "Gogol in Red Russ" (1904), "Galician Golgotha" (1924), "The Liberation of L'vov" (1925) and so forth.

Rusin Journal Library

Библиотека журнала «Русин»

2017. Том 7. Выпуск 2

Республиканская общественная ассоциация «Рґсь»
(г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 152 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Рґсь»
Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Библиотека журнала "Русин"»:
http://journals.tsu.ru/rusin_library

Сайт международного исторического журнала «Русин»:
<http://journals.tsu.ru/rusin>

Подписано к печати 20.12.2017. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 100 экз.
Заказ 39.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Редакция не вступает в содержательное обсуждение материалов,
переписку по методике написания и оформления научных статей.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

